
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 3 (156). Май, 2016

Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- | | |
|---|---|
| В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург) | Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты) |
| И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск) | И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск) |
| В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва) | В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск) |
| Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония) | П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия) |
| А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва) | И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург) |
| М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика) | Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва) |
| В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика) | К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика) |
| Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия) | А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск) |
| В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва) | Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург) |

Редакционная коллегия
«Общественные и гуманитарные науки»

- | | |
|--|---|
| Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия) | А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск) |
| Н. В. ДРАННИКОВА
доктор филологических наук, профессор (Архангельск) | Е. И. ЛЕЛИС
доктор филологических наук (Санкт-Петербург) |
| П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия) | Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск) |
| С. Г. КАЩЕНКО
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург) | Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск) |
| Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск) | А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск) |
| С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск) | И. А. РАЗУМОВА
доктор исторических наук, профессор (Апатиты) |
| Ю. В. КРИВОШЕЕВ
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург) | М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск) |

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 3 (156). May, 2016

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.

The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

- V. BOL'SHAKOV**
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)
- I. DUDANOV**
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)
- Y. INOUE**
Professor (Tokyo, Japan)
- A. ISAYEV**
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)
- M. VOCHOZKA**
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)
- V. LEVIN**
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexico)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)
- V. MAEVSKIY**
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)
- N. MEL'NIKOV**
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- V. ORPHINSKIY**
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)
- P. PELKONEN**
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
- I. ROMANOVSKIY**
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
- E. SENYAVSKAYA**
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)
- A. TITOV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- R. YUSUPOV**
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board
"Social Sciences & Humanities"

- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Arkhangelsk)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
- S. KASCHENKO**
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)
- U. KILIN**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
- E. LELIS**
Doctor of Philological Sciences (St. Petersburg)
- T. MAL'CHUKOVA**
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- A. PASHKOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Apatity)
- M. SHUMILOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Башкарев А. А.</i>	
Иордань как сакральный объект в традиционной культуре (на примере шимозерских вепсов)	7
<i>Жуковская Т. Н., Калинина Е. А.</i>	
Дореформенный университет во главе училищ в первой половине XIX века	17
<i>Иерусалимская С. Ю.</i>	
Духовные семинарии Верхнего Поволжья в первой половине XIX столетия	22
<i>Офицерова Н. В.</i>	
Советский индустриальный проект: политические субъекты и акторы	30
<i>Урожаева Т. П.</i>	
Моногорода в 1980–1990-е годы: зарубежный, российский и региональный опыт решения социально-экономических проблем	35
<i>Мельниченко Б. Н.</i>	
Российская Федерация и Королевство Таиланд в XXI веке	40
<i>Тюнь Г. Т.</i>	
Идея глобализации Махатхира Мохамеда и мусульманская банковская сеть в Малайзии	43
<i>Киселев А. А.</i>	
Начало преодоления кризиса ценообразования в Карелии в 1970–1980-х годах	51
<i>Микуленок А. А.</i>	
Российское зарубежье и День русского ребенка в конце 1920-х–1939 годах	55
<i>Обухов Я. В.</i>	
Никольская церковь села Ковда: к проблеме белых пятен в истории памятников деревянного зодчества Русского Севера	59
<i>Тарасова Н. С.</i>	
Смена типа экономического мышления в условиях трансформационных процессов конца 1980-х – начала 1990-х годов в СССР	63

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Шарытина Т. А.</i>	
Концепция «документального эпоса» русского авангарда и становление театральной практики Бертольта Брехта	67
<i>Криницын А. Б.</i>	
О принципах построения массовых сцен у Достоевского: сценичность или романтическая традиция?	74
<i>Пашкова Т. В.</i>	
Детская болезнь «щетинка» в языке и культуре карел	81
<i>Шилова Н. Л., Урванцева Н. Г.</i>	
Кижы в русской литературе XX–XXI веков: к библиографии вопроса	85
<i>Куйкина Е. С.</i>	
Замысел «античных» баллад в планах В. А. Жуковского 1814 года	91
<i>Морозова Т. Н.</i>	
История собирания и изучения промыслового фольклора Зимнего берега Белого моря	97
<i>Романовская И. В.</i>	
Категория абсурда в повести А. Платонова «Котлован»: к вопросу о шведской рецепции	104
Рецензии	
<i>Пашкова А. А.</i>	
Рец. на кн.: <i>Rajoil da randamil; Salmi ja salmilaiset</i> 1617–1948	109
Юбилей	
К 80-летию Ю. А. Савватеева	113
К 70-летию Н. Г. Зайцевой	115
Информация для авторов	117
Contents	118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Бобковой

Дата выхода в свет 31.05.2016. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 105 экз.). Изд. № 92

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

АНДРЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ БАШКАРЕВ

кандидат политических наук, доцент Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

bashkarev@mail.ru

ИОРДАНЬ КАК САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ШИМОЗЕРСКИХ ВЕПСОВ)

Статья посвящена исследованию значения так называемой иордани как сакрального водного объекта в традиционной культуре вепсов. На примере идентичного объекта в бывшей деревне Пелкаска (Вологодская область) рассматриваются связанные с ним обычаи и поверья, приводятся свидетельства информантов, устанавливается происхождение иордани как части сакрального комплекса. На основе собранных сведений рассмотрена версия о возможной связи возникновения иордани с имевшими место, согласно существующим легендам, набегами интервентов, известных среди местного населения как польские «паны».

Ключевые слова: вепсы, традиционная культура, обычаи, обряды, верования, священные объекты, вода

Водные объекты исторически обладали большим значением в традиционной обрядности вепсов. Вода как часть сакрального комплекса фигурирует в различных ритуальных действиях на протяжении всего жизненного цикла человека – от родильной до похоронно-поминальной обрядности [10: 111–114]. Как компонент вода использовалась в окказиональных и календарных обрядах. Так, например, обряды омовения в ритуальных представлениях были связаны с символическим очищением, особым сверхъестественным значением наделялась специально заготовленная в определенные праздники вода.

Большая роль и значимость воды в традиционной культуре могут объясняться двумя факторами. Во-первых, несмотря на достаточную раннюю христианизацию вепсов, устойчивые элементы их языческих представлений об устройстве окружающего мира окончательно не исчезли, а трансформировались в контексте распространившегося на вепских территориях в XV–XVI веках православия [6: 174–192]. С этим связаны сохранившиеся традиции поклонения отдельным природным объектам – деревьям, валунам, и в том числе водоемам [1: 140–152]. Кроме того, вода как субстанция играет важную роль и в общехристианских представлениях. Во-вторых, сформировавшаяся под влиянием славянской колонизации территория расселения вепсов – пространство между Ладожским, Онежским и Белым озерами – изобиловала реками, озерами и болотами, что также обусловило включенность водных объектов в обрядовую практику. Свое влияние оказывали и локальные особенности расположения вепских деревень вблизи рек и озер с точки зрения удобства для традиционного хозяйства и значимости рыболовного промысла в нем. Более подробно так называемая гнездовая система формирования поселений, характерная для всех

этнических групп вепсов, рассматривается в исследованиях И. И. Муллонен; внимание преобладающему прибрежному характеру возведения построек уделяет С. Б. Егоров [15: 120–131], [20: 103–108].

Характерные для православия представления трансформировались на исконно вепских территориях с учетом бытовавших в дохристианский период языческих культов. Изучению роли воды в мифоритуальной культуре вепсов посвящены прежде всего работы И. Ю. Винокуровой; уделяют внимание этой теме в своих исследованиях и Н. И. Богданов, Н. А. Криничная, В. В. Пименов [3], [18], [21]. Приводимые авторами материалы демонстрируют большую значимость воды в вепской мифологии и обрядности. Так, И. Ю. Винокурова отмечает, что в ритуалах вепсов вода оказалась едва ли не самым распространенным символом, к тому же обладающим множеством разнообразных значений. Существовал строгий запрет на осквернение водоемов каким-либо образом. Примечательно, что сакральная значимость воды характерна и для христианских, и для языческих представлений. Чаще всего прослеживаются очистительные, целительные, продуцирующие и апотропеические свойства воды, которые порою практически невозможно разграничить. Примечательно, что для каждого ритуала было характерно применение далеко не всякой воды, а воды чем-либо особенной. Сакральность воды в различных ритуалах зависела от следующих условий: пространственных параметров воды (сосуд, колодец, лужа, родник, ручей, река, озеро, море, небесная вода – дождь и т. д.); времени совершения водных процедур (восход солнца, полночь, церковная дата и т. д.); температурного состояния воды (роса, пар, лед, снег и т. д.) и различных предметов, опущенных в нее (например, хлеб, монеты, камень и т. д.). Иногда все эти ус-

ловия тесно переплетались в обряде. У вепсов были известны разные формы ритуалов: умывание, окропление, обливание, купание, катание по росе, парение в бане и т. д. [7: 66–76]. Целью этих действий было «очищение» человека, избавление его от болезней, придание физической и духовной силы.

Сакральные свойства, которыми, по мнению вепсов, наделялась вода, использовались для благополучия не только людей, но и животных. Примечательно, что вода применялась и в обрядах, связанных со здоровьем скота, в первую очередь коров и лошадей, от которых зависело благополучие крестьянского хозяйства. Так, практиковалось ритуальное омовение скота, которое обязательно совершалось в привязке к церковным датам и могло быть окказиональным. Однако в любом случае вода при этом либо освящалась, либо использовалась, будучи заранее заготовленной для обрядовых целей. Обязательным очистительным обрядом у вепсов повсеместно являлось омовение коровы. Эффективностью процедуры омовения, придания ей сакрального статуса создавалась с помощью различных действий, в том числе христианизированного характера. Воду в ведре «освящали», обмывая в ней икону или добавляя святую воду, взятую в Крещение, Великий четверг или во время местного заветного праздника. На дно опускали различные предметы, которым приписывались очистительные и обережные свойства, чаще всего нательный крест, кольцо, монету, дресвяный камень [12: 254–255].

И. Ю. Винокурова отмечает большое мифологическое значение воды, что связано с исконными верованиями вепсов [5: 314–329]. В монографии Н. А. Криничной также приводятся примеры объяснения вепсами природных явлений через влияние потусторонних сил, связанных с духами («хозяевами») воды. Так, карстовый характер озер в вепском ареале, влияющий на периодическое исчезновение и возвращение в них воды вместе с рыбой, связывали с действиями водяного (*vedehiin'e*) [17: 165–166].

Обращая внимание на приведенную классификацию сакральных водных объектов по пространственным параметрам [7], в данной статье предлагается исследовать значение так называемой иордани как значимого объекта в ритуальном практиковавшихся вепсами обрядов и ритуалов. Как таковой термин «иордань» фигурирует в христианской религиозной традиции как место для совершения обряда водосвятия, и в этом контексте его использование в ритуальных целях характерно не только для вепсов.

А. В. Юдин, исследуя значение упоминаемых в Библии рек для фольклора соседних вепсам славян, отмечает, что образ Иордана связывается с важнейшими событиями Священной истории [22: 56]. Наиболее значимым праздником,

связанным с использованием иордани, является Крещение Господне, отмечаемое Православной церковью 6 (19) января в память о крещении Иисуса Христа в водах Иордана Иоанном Крестителем. В традиционную культуру вепсов этот праздник вошел в общехристианском контексте. Соответственно, название реки, упоминаемой в библейском сюжете, оказалось перенесено на сакральные объекты, связанные с освящением воды. Обратимся к Большому толковому словарю русского языка, дающему следующую трактовку иордани: «специально оборудованное место (обычно прорубь) у какого-либо водоема для проведения водосвятия – ритуального освящения воды в христианский праздник Крещения Господня» [4]. Более развернутую трактовку дает «Толковый словарь» Вл. Даля, однако особенно интересно в контексте рассматриваемой темы представление иордани не только как проруби, но и как «котловинки, роли колодца у болота, откуда течет ручей» [13]. Это указывает на практиковавшееся обозначение термином «иордань» не только специально создаваемых в зимний период во льду прорубей, но и естественных природных объектов, наделявшихся сакральным смыслом. Е. Л. Березович в своем исследовании отмечает, что в русской топонимике слово «иордань» представлено в основном в качестве микропонима, обозначая ручьи, родники, колодцы, проруби, ямы с водой на болоте [2: 273]. На заимствование вепсами данного названия из славянской обрядовой практики указывает отсутствие в вепском языке специальных обозначений иорданей, присутствует транслитерированное *jordan*¹.

Использование иорданей для проведения ритуалов и обрядов шимозерскими вепсами могло носить как календарный, так и окказиональный характер. Однако можно сделать вывод, что прежде всего речь идет о календарных религиозных праздниках, во время которых вода данных объектов наделялась особым сакральным значением.

Важно обратить внимание на классификацию почитаемых вепсами праздников, предложенную И. Ю. Винокуровой, с разделением на основные группы: 1) государственные (до 1917 года, с подвижной и неподвижной датой празднования), наиболее значительные в традициях православия; 2) местные или престольные – к примеру, по названию основной церкви гнезда поселений или церкви в отдельном поселении; 3) заветные – то есть отмечаемые в определенную значимую дату «по наказу предков» [11: 134–142].

Итак, прежде всего следует отметить праздник Крещения Господня как основную, хотя и не единственную, дату использования иорданей. Крещение являлось до 1917 года одним из двенадцати важнейших после Пасхи православных праздников, обладавших статусом государственных, с неподвижной датой празднования. Обряд освящения воды в иордани, так называемое водо-

крещение (*vederistmääd*), был центральным для этого праздника. Святая вода (*ristvezi*), почерпнутая из иордани, считалась важным очищающим и исцеляющим средством. В ней происходило купание людей, дающих «завет», или больных. Святую воду, почерпнутую из иордани, уносили домой и ставили в красный угол, ею умывались, использовали для лечения различных болезней, для ритуальных действий со скотом [11: 164–165].

Обратим внимание на другие даты. Так, представляется возможным предположить, что вода могла использоваться в ритуальных целях во время проведения местных праздников, посвященных Рождеству св. Иоанна Предтечи, 24 июня (7 июля), в христианской традиции выступающего в роли Крестителя Господня. Известно, что вепсы отмечали этот праздник как Иванов день (*Üunan pei*, *Juunan pei*), приурочивая его к языческому празднику в честь летнего солнцестояния (*kezan sündum*) [11: 184–185]. Согласно верованиям вепсов, вода во время летнего, как и во время зимнего, солнцестояния обретала особую жизненную силу. С этим соотносится использование ее девушками для обряда придания так называемой славутности (*slavutnost*) (привлекательности для противоположного пола) через обливание водой и опускание в нее цветов. На сохраняющуюся практику ритуального использования воды (жертвоприношение ей в виде бросания монет) в этот праздник вепсами с. Пяжозеро обращает внимание И. Ю. Винокурова [7].

Праздник «весеннего Николы» (*Mikulan päiv*), 9 мая (22 мая), также был связан с потеплением воды и первым в году купанием людей и скота в реках и озерах. Упоминание о праздновании

этого дня относится ко многим деревням средних вепсов (в частности, с. Ладва (*Ladv*) Ленинградской обл., д. Сяргозеро (*Särggärv*) Вологодской обл.), см. рис. 1 [7].

Н. И. Богданов отмечал существование так называемого праздника *ristpühäpei* («крестного воскресения») у шимозерских вепсов в деревнях Сюръга, Линжозеро, Васильевская 1-я (Полозеро) (*Sur'g*, *Irinžar'*, *Pollar*), имевшего второе название «теплый Никола». Примечательно, что место купания в данный праздник на оз. Яндозеро обозначено как «иордань». Вепское название праздника и главное его содержание – купание людей в иордани, дали основания Н. И. Богданову объяснить его как память о первом крещении вепсов этой округи [3: 159–160]. Празднование происходило в первое воскресенье после Ильина дня (если Ильин день был до четверга) или через воскресенье (если Ильин день приходился на четверг или после него) – соответственно в период с 6 по 12 августа (по новому стилю) в зависимости от года [9: 219–220].

Кроме того, следует учитывать практику ритуального использования воды во время так называемых престольных и заветных праздников, характерных только для определенных деревень. К примеру, для д. Сарозеро (*Sar'järv*) Ленинградской обл. и д. Сяргозеро (*Särggärv*) Вологодской обл. (средн. вепсы) было характерно освящение воды в Ильинскую пятницу, отмечаемую накануне Ильина дня (20 июля / 2 августа), для с. Корвала, Куя, Пелуши (*Korvoil*, *Kuja*, *Pägast*) (ср. и южн. вепсы) – в Маккавеев день (*Makavan päiv*). Использование иорданей, сопровождаемое купанием людей и скота, было зафиксировано



Рис. 1. Праздник «весенний Никола» (*Mikulan pei*), 9 мая (22 мая), оз. Ладвинское (*Ladlinejärv*), с. Ладва (*Ladv*) Ленинградской обл. 1989 год. Фото И. И. Муллонен

практически во всех деревнях средних и южных вепсов во время заветных праздников.

В данной статье предлагается рассмотреть практику использования иордани в ритуальных целях на примере шимозерских вепсов д. Пелкаска (*Püüdkašk*) и упоминания об этой практике, записанные автором от информантов в ходе полевых исследований в 2012–2015 годах.

Шимозеро (*Šimgärv*) как крупное гнездо вепских поселений существовало до конца 1950-х годов, когда вследствие процесса укрупнения «бесперспективных» деревень было ликвидировано². Как и большинство вепских поселений, деревни, входящие в данное гнездо, располагались по берегам озер Шимозеро и Пюгозеро (Пелкасское) (*Šimjärv* и *Pühar`v*) – единой водной системы Шимозера, прежде всего на западном, юго-западном и северо-восточном берегах.

Примечательно использование иордани в д. Пелкаска в праздник Успения Богородицы 15 (28) августа (*Emagan rei*). Купание производилось, по словам информанта Н. С. Федорова (р. 1945, д. Пелкаска), на следующий день после *Успеньева дня*. Наряду с Крещением, это был основной праздник, когда посещали иордань: *«Другие люди ходили далеко – бывали такие праздники, как бы с заветом люди ходили. Допустим, в этой деревне празднуют праздник, а у человека, может быть, со здоровьем неладно, или еще по жизни что-то неладно, он поставит перед собой такой завет, цель – сходить туда-то на праздник, помолиться Богу, покупаться. У нас в Пелкаске иордань была устроена. Купались в иордани, особенно 29 августа. И ходили издалека друг к другу. Вот, допустим, с Куштозера в Пелкаску ходили, и наоборот»*³. Рядом с иорданью, по свидетельствам Н. С. Федорова, находился колодец, из которого брали воду. На праздник приводили скот, обмывали коров, *«чтобы все в порядке было»*⁴.

Свидетельства информанта демонстрируют как сакральное значение использования иордани в определенные праздники, связанные с православной традицией, так и связь с конкретным человеком, данным им заветом посещения.

Информант А. М. Нестеров (р. 1955, с. В. Водлица) упоминает факты посещения иордани в Пелкаске и помимо основных праздников Крещения и Третьего Спаса – в частности в Иванов день, Петров день 29 июня (12 июля), на Троицу⁵.

Разнообразие перечисленных праздников, связанных с использованием вепсами водоемов в ритуальных целях, представляется более широким в контексте канонической православной традиции и свидетельствует о сформировавшемся еще в языческий период большом сакральном значении воды.

Учитывая практику использования воды в ритуальных целях не только в зимний период, можно трактовать понятие «иордань» в вепском ареале как освященный участок воды, которым

могло быть не только вырубленное во льду место для купания (прорубь), но и определенное место на берегу водоема (озера, реки). Это место было определенным для каждого водного объекта, и его выбор был связан с несколькими факторами – от наличия подхода к воде до присутствия в непосредственной близости ритуальных объектов – часовен, церквей и т. п.

В этом контексте весьма примечательно месторасположение иордани в дер. Пелкаска (рис. 2). В отличие от большинства известных подобных объектов, расположенных непосредственно у берегов озер или рек (во льду в зимний период и в виде купален в летний), данная иордань находится в заболоченном месте к западу от деревни и на достаточном удалении от озерного берега.

Выбор места для нее первоначально кажется достаточно странным, ввиду имевшейся возможности организации купания у восточного берега Шимозера (*Pühar`v*). Однако свидетельства информантов, бывших очевидцами использования иордани жителями дер. Пелкаска, оставшимися в ней после официального упразднения, позволяют предположить иные причины размещения именно в этом месте⁶, о чем будет сказано далее.

Иордань представляет собой заполненное водой углубление площадью примерно 3 на 4 м и глубиной около 2 м (рис. 3), с деревянным настилом на дне. С западной стороны, по свидетельству информанта, ранее располагался крест, не сохранившийся к настоящему времени. С иорданью соединен небольшой источник, находящийся в нескольких метрах от нее, который информант называет «золотым ключом». Вероятно, что расположение непосредственно в этом месте источника может быть связано с карстовым характером близлежащей восточной части Шимозера и наличием подземных полостей.

Нынешнее состояние иордани и подходов к ней неудовлетворительное, в связи с тем что в последние десятилетия она является фактически непосещаемой. На расстоянии ок. 100 м к северо-западу от иордани и ключа в заболоченной местности находится возвышение (песчаный холм), поросшее хвойными деревьями, на котором расположены остатки деревянной часовни (рис. 4, 5). В ходе экспедиции 2015 года был обнаружен фрагмент креста, ранее установленного рядом с часовней (рис. 6). Информант Н. С. Федоров указал, что крест был установлен его отцом в первой половине 1960-х годов на месте, изначально отождествляемом с так называемым польским захоронением⁷.

Список населенных мест Олонецкой губернии, по сведениям 1873 года, указывает на наличие православной часовни в д. Ермолинская (Пелкаска) «при колодцах», находившейся в непосредственной близости от иордани⁸.



Рис. 2. Карта Шимозерского гнезда поселений с указанием места расположения иордани. Подготовлена автором

Это место упоминается также под названием *časuienno* (рус. «место около часовни») «в Пелкаска, д. Ивановская». По сведениям информанта, здесь у часовни был песчаный бугор, в котором находились черепа, оружие. Связывают это с польскими «панами»⁹. При этом упоминаемые в архивных материалах деревни Ермолинская и Ивановская располагались в непосредственной близости друг от друга в рамках Пелкасского гнезда (см. рис. 2).

Упоминание о «панах» представляется весьма интересным и соотносится с трактовкой информантом происхождения иордани и источника в более поздний период сбора информации¹⁰.



Рис. 3. Житель деревни Пелкаска А. М. Нестеров у иордани. 16 июля 2014 года. Фото автора



Рис. 4. Хвойные деревья на холме, где ранее находилась часовня. Дер. Пелкаска, 1 июня 2012 года. Фото автора

Так, согласно пересказанной информантом легенде, выбор места для строительства часовни и, в конечном счете, появление иордани связаны с нахождением на холме древнего захоронения, идентичного южновепскому *kāmišt*, возникшего в результате конфликтов местного населения с иноземцами, в данном случае – поляками.

Kāmišt (*kōmišt*) представляли собой курганы, в которых, по преданиям, покоились предки местных жителей – чудь. Название подобных объектов и их местонахождение на примере южных вепсов приводятся в работах И. Ю. Винокуровой [8: 72].

Следует отметить, что повествование местных жителей о некогда случавшихся набегах интервентов достаточно распространено в южновепском и средневепском ареалах. Пришлые грабители, по преданию, применявшие насилие к местному вепскому населению, обозначались как татары, поляки, «литва». В частности, упоминания таких столкновений в древности были зафиксированы С. Б. Егоровым в 1994 году: «...там раньше была деревня, теперь растут большие деревья. Говорили, что литва шла (другие говорили – турки). Кто-то сказал, что люди плохие идут, издеваются над людьми. Так все жители в яму пошли и себя засыпали», «...здесь есть курган, в котором люди хоронили себя, подрубали подпорки настила, когда шла литва – плохие люди» [14: 184]. Анализируя имеющиеся результаты исследований, можно прийти к выводу, что мотив конфликтующих персонажей был широко распространен в сказаниях северо-западных регионов России о «панах» и «чуди» [21: 135].



Рис. 5. Сосна на холме, где ранее находилась часовня. 12 июня 2015 года. Фото автора

С. Б. Егоров отмечает существование целого культурного пласта представлений и рассказов о врагах, в которых предки вепсов выступают как страдающая сторона. Такие предания характерны для южных и части средних вепсов, а также соседнего русского населения.

При этом если у южных вепсов в качестве врагов выступают турки (реже татары), литва, то у средних вепсов и русских – литва. Возник-



Рис. 6. Сохранившийся фрагмент креста, ранее установленного у часовни. 12 июня 2015 года. Фото автора

новение захоронений, подобных упомянутому информантом в дер. Пелкаска, в исследовании С. Б. Егорова связывается с вторжением иноземцев. «Когда-то турки пришли откуда-то на нашу землю и стали бесчинства творить. <...> И решили тогда жители погибнуть и всё с собой взять, ничего врагу не оставить. Вырыли они глубокую яму, врыли столбы в неё, на столбах помост устроили, землёй его покрыли. Оделись во всё самое лучшее – в одежду праздничную, женщины – кольца, серьги, украшения надели. Собрались все на этом месте и как только враги подошли, подрубили столбы и похоронили себя под землёй. Место это “каамийт” называется» [15: 188–189].

Обратимся непосредственно к свидетельствам информанта А. М. Нестерова, записанным в 2014 году: «В 1600-е гг. там часовенка стояла. А поляки двигались разведывательным отрядом, человек восемьдесят-сто, грабили вепсов на Павшозере, на Оште, насиловали, отбирали скот. И тут вепсы решили им дать отпор и встретили их между Шимозером и болотами на этой дороге, и разгромили их. Кое-кого в полон брали. Пелкаска тогда уже была. Их полонили, а раненых они тут захоронили – тут вот кладбище их, поляков. Это до 1700-го года. Поляки ухаживали за кладбищем и создали свою кирху, где теперь часовня. Увидели, что там есть источник незамерзающий, они придали значение, там сделали

купальню, вот которая иордан и есть. После эта кирха сгорела от молнии, деревья высокие были, потом вепсы там часовню поставили. Она тоже сгорела, там иконы были с золотыми окладами, с серебряными, и сгорела – серебро ушло в землю. Всего до революции их было три, третья уже в революцию сгнила. А в иордане стали по великим праздникам купаться. Обрамленный был, деревянный настл. Принимали крещение, обмывали детей, приезжали, больных везли и там мыли. Там источник – золотой ключ, глубина семь метров. Там брали воду, – говорят, хлеба хорошие были. И обмывали раны, обмывали людей и прочее, поклонялись этому месту. Называли “иордан” и “польский иордан”. Там и существует до сих пор»¹¹. По свидетельствам информанта Н. С. Федорова, «когда колхозы организовали, и стали заготавливать корм для скота, выкопали яму для силосования. Стали копать – шарик катается, еще шарик катается, еще – стали разглядывать – черепа. Омиев Федор Иванович рассказывал – дети ходили играть на песочек, тут песчаные места на этом бугре – было захоронение, видимо, вот от этих польских да литовских набегов – то ли ихние черепа, то ли местные. И силосовать не стали. <...> Иордан строили бывшие ссыльные – черные, бородатые мужжики, еще перед революцией даже»¹².

Таким образом, в соответствии с изложенным преданием возможно рассмотрение версии об изначальной роли плененных вепсами участников набега в открытии источника и появлении иордани рядом с захоронением погибших в столкновении. Примечательно, что в данном случае вепсы (их предки) выступают в качестве победившей, а не страдающей стороны.

В монографии Н. А. Криничной «Предания русского севера» проводится глубокий анализ представлений, связанных с набегами иноземцев (разбойников, внешних врагов), в роли которых чаще всего упоминаются именно польско-литовские интервенты. Они интересны в контексте исследования причин возникновения часовни и иордани в данном месте. Возвращаясь к свидетельствам информантов, записанным С. Б. Егоровым [15], можно обратить внимание на специфику «преданий о чуде», для русских, по-видимому, являющейся синонимом, обозначающим вепское население или выступающим в качестве названия предков вепсов. Н. А. Криничная указывает на мотив погружения ее в землю («чудь в землю ушла»), либо мотив самозахоронения («чудь живьем закопалась»), в основе которого явная мифологема, поддерживаемая в традиции благодаря включению в ее структуру реалий, соотносимых с погребальными сооружениями (своего рода «домиками мертвых»), иначе говоря – жальниками (рус.), аналогичными южновепскому «*kāmišt*».

Особого внимания в контексте исследуемой темы заслуживает рассмотрение цикла преданий о «панах», состоящего из нескольких связанных мотивов: оставление следа пребывания в конкретной местности; пребывание (былое) данного персонажа или определенной общности (в данном случае – так называемых поляков) и, в конечном счете, исчезновение в конкретной местности (с сохранением упоминания в виде быличек, преданий, связанных с местом).

Образ «панов», обусловленный этими мотивами (в первую очередь функциями) и сам отчасти обуславливающий их специфику и структуру, имеет целый спектр значений. С одной стороны, «паны» – это почитаемые умершие, предки; с другой – антропоморфные скульптурные изображения, которые служат воплощением предков и вместилищем их душ. И, наконец, «паны», «панки» – это холмы, курганы, могилы. Следовательно, «паны» могут быть представлены и в качестве субъекта, и в качестве объекта, что свидетельствует об известном «разветвлении» ранее единого образа на несколько генетически взаимосвязанных. Однако в данном случае больший интерес представляет трактовка «панов» как исторических персонажей. По утверждению Н. А. Криничной, в них можно видеть в разной степени реальных первопоселенцев, аборигенов, язычников, внешних врагов (польско-литовских интервентов), разбойников, помещиков и, наконец, людей, живших до нынешнего поколения и оставивших после себя следы загадочной материальной культуры [18].

Представляется, что место погребения некогда погибших около Пелкаски интервентов претерпело последующую сакрализацию, сопровождающуюся появлением ритуальных объектов, в том числе иордани.

Г. И. Куликовский упоминает бытовавшую в относительно близкой географически к Шимозерью группе деревень Рокса (бывш. Оштинская волость Лодейнопольского уезда) традицию поминовения «панов»: «... в четверг на Троицкой неделе ежегодно у часовни, стоящей в роще на возвышенном месте среди деревень, собираются крестьяне... поминая “панов”» [19: 60].

Опираясь на свидетельства, содержащиеся в картотеке ИЯЛИ КарНЦ, и рассказ информанта, обратим внимание на включение в цикл преданий о «панах» еще одного мотива. По мнению Н. А. Криничной, это мотив «захоронения клада» (оружие, золото). В качестве персонажей-владельцев кладов в архаических преданиях фигурируют чудь и «паны», в более поздних – разбойники, внешние враги, местные жители, что соотносится с рассказом информанта.

Место захоронения клада приобретает сакральный смысл за счет маркирования его определенным оберегом (священное дерево, камень, водный объект). Апотропеическую (сохраняю-

щую) роль по отношению к кладу играют огонь и железо. По мере усиления христианизации языческие по своему происхождению обереги все чаще соотносятся с христианскими (с церковью, часовней, иконой, свечой). При этом все они, языческие и христианские, участвуют в сакрализации клада [18].

Содержащийся в предании момент «ухода в землю» серебра при пожаре (огонь) может быть соотнесен с имеющимся свидетельством о захоронении в холме оружия (мотив клада). Соотнесение с христианской традицией происходит по мере повествования информанта, через строительство на месте захоронения оружия и людей часовни и появления иордани с источником.

В связи с этим интересной представляется аналогия русского названия одной из частей Пелкаска, еще в конце XIX века фигурировавшего как «Пановско-Яковлевская»¹³, позднее – «Пано-Яковлевская», с преданием об интервентах. Элемент «пановско-» или «пано-» в других русскоязычных топонимах вепского ареала не прослеживается. Вместе с тем известно, что большая часть географических наименований с основой «пан-» соотносится с местами пребывания, гибели и захоронений так называемых панов [16: 326–340].

Постепенное отождествление в историческом контексте так называемых панов или «клитвы» с древними предками объясняет изложенный информантом факт воссоздания входившей в сакральный комплекс часовни уже не непосредственно пленными «поляками», а самими вепсами как объекта на «памятном» месте.

Таким образом, иордань можно представить как достаточно распространенный ритуальный водный объект в традиционной культуре вепсов. Приведенные примеры говорят о широком ис-

пользовании вепским населением иорданей в религиозные праздники. Однако на примере дер. Пелкаска можно говорить о формировании единого сакрального комплекса, состоявшего из часовни, иордани и источника, при этом каждый из элементов обладал своим значением. Возникновение комплекса в таком случае происходило по следующей цепочке: набег интервентов («панов», «поляков») → столкновение с вепсами → разгром интервентов и их пленение с созданием кладбища для погибших → строительство «польской» часовни → открытие источника и иордани → последующая адаптация ритуальных объектов в общехристианском контексте с сохранением локальных особенностей использования.

Можно сделать вывод, что иордань в дер. Пелкаска, входящая в сакральный комплекс, отличается от большинства подобных объектов, так как возникла в привязке в первую очередь не к близлежащему по отношению к деревне водоему (озеру), а к месту захоронения так называемых панов.

В настоящее время практика использования иорданей вепсами сокращается в контексте общего сужения обрядового комплекса, основная причина – резкое уменьшение численности деревенского населения. Часть обрядов, например связанная с купанием скота по определенным праздникам, во второй половине XX века исчезла. Тем не менее традиция использования воды в ритуальных целях, в том числе и через посещение иорданей, сохраняется в общем контексте православия. В существующих деревнях такие ритуалы могут проводиться как коренным вепским населением, так и сезонно пребывающим в них городским. К сожалению, сакральные объекты Шимозерья на регулярной основе не используются из-за отсутствия жителей, однако практика их эпизодического посещения вепсами из других деревень сохраняется.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полевые материалы автора. Вологодская обл., Вытегорский р-н, ур. Пелкаска, август 2015 г.

² Официальная дата упразднения последнего населенного пункта Шимозерского гнезда – 1959 года. См.: Башкарев А. А. Миграционные процессы вепского населения Вологодской области во 2-ой пол. XX века // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. Москва, 2–5 июля 2013 г. / Редкол.: М. Ю. Мартынова и др. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 63; Петухов А. В. Административная разобщенность – фактор ускорения ассимиляции вепсов // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 55–64.

³ Полевые материалы автора. Вологодская обл., Вытегорский р-н, п. Межозерье, сентябрь 2012 г.

⁴ Полевые материалы автора. Вологодская обл., Вытегорский р-н, ур. Пелкаска, август 2015 г.

⁵ Полевые материалы автора. Вологодская обл., Вытегорский р-н, ур. Пелкаска, август 2015 г.

⁶ Полевые материалы автора. Вологодская обл., Вытегорский р-н, п. Межозерье, сентябрь 2012 г.; Полевые материалы автора. Вологодская обл., Вытегорский р-н, ур. Пелкаска, июнь 2014 г.; Полевые материалы автора. Вологодская обл., Вытегорский р-н, ур. Пелкаска, август 2015 г.

⁷ Полевые материалы автора. Вологодская обл., Вытегорский р-н, ур. Пелкаска, август 2015 г.

⁸ Олонечкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года / Центральный стат. комитет М-ва внутренних дел. СПб.: Тип. МВД, 1879. ХСВ, 235 с. карт. (Списки населенных мест Российской империи. Т. 27). С. 132.

⁹ Картоотека сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ. САА 1924. Вологодская обл. Ошта. 1987.

¹⁰ Полевые материалы автора. Вологодская обл., Вытегорский р-н, ур. Пелкаска, август 2015 г.

¹¹ Полевые материалы автора. Вологодская обл., Вытегорский р-н, ур. Пелкаска, июнь 2014 г.

¹² Полевые материалы автора. Вологодская обл., Вытегорский р-н, ур. Пелкаска, август 2015 г.

¹³ Олонечкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года / Центральный стат. комитет М-ва внутренних дел. СПб.: Тип. МВД, 1879. ХСВ, 235 с. карт. (Списки населенных мест Российской империи. Т. 27). С. 132.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азовская Л. П. О верованиях вепсов // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 140–152.
2. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 532 с.
3. Богданов Н. И. История развития лексики вепского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1952. С. 159–160.
4. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
5. Винокурова И. Ю. Вепские водяные духи (к реконструкции некоторых мифологических представлений) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (Памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. С. 314–329.
6. Винокурова И. Ю. Вепский мифологический пантеон в свете некоторых этапов этнической истории народа (на основе вепского диалектного материала) // Вепские ареальные исследования: Сб. статей. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 174–192.
7. Винокурова И. Ю. Вода в вепских мифологических представлениях о жизни и смерти // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 66–76.
8. Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994. 124 с.
9. Винокурова И. Ю. Народные представления об Илье-пророке и Николае Чудотворце в вепской традиционной культуре // Православие в вепском крае: Материалы межрегиональной научно-практ. конф., посвящ. 450-летию основания Благовещенского Ионо-Яшезерского мужского монастыря (г. Петрозаводск, 26 сентября 2012 года). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 219–220.
10. Винокурова И. Ю. Некоторые аспекты народной концепции души у вепсов // Вепсы и их этнокультурное наследие: связь времен (памяти Р. Н. Лониной): Материалы первой межрегиональной краеведческой конференции «Лонинские чтения», с. Шелтозеро, 22 сентября 2010 года. Петрозаводск: КарНЦ, 2011. С. 111–114.
11. Винокурова И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 205 с.
12. Винокурова И. Ю. Региональная типология вепского ритуала новотела // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: Сб. статей памяти Ю. Ю. Сурхаско. Гуманитарные исследования. Вып. 2 / Ред. А. П. Конка. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 254–255.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1999.
14. Егоров С. Б. Корвалские вепсы: формирование локальной группы, демографическое развитие, некоторые особенности хозяйства и культуры в XIX–XX вв. // Динамика этнической культуры народов России: Сб. ст. памяти проф. А. В. Гадло. Историческая этнография. Вып. 2 / Под ред. В. А. Козьмина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 179–193.
15. Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 226 с.
16. Киселев А. В. «Паны» в устной традиции русского населения Ярославского Поволжья XIX–XX в.: историко-этнографические основы и параллели // ИКРЗ. 2003. Ростов, 2004. С. 326–340.
17. Криничная Н. А. Мифология воды и водоемов. Былички, бивальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 165–166.
18. Криничная Н. А. Предания русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 328 с.
19. Куликовский Г. И. Похоронные обряды Обонежского края // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 44–60.
20. Муллонен И. И. Очерки вепской топонимики. СПб.: Наука, 1994. 157 с.
21. Пименов В. В. Вепсы. Очерки этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. 284 с.
22. Юдин А. В. Иордан и Дунай в восточнославянском магическом фольклоре // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 55–74.

Bashkarev A. A., St. Petersburg State Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

JORDAN AS A SACRED WATER OBJECT OF TRADITIONAL CULTURE (CASE STUDY OF SHIMIZERSKII VEPSIANS)

The article is concerned with the value of jordan as a sacred water object intrinsic to Vepsian traditional culture. Customs and beliefs related to an identical water basin located in the former village of Pelkaska (Vologda district) together with multiple evidence provided by informants are studied. The origin of jordan as a sacral complex is examined. Appearance of jordan as a sacred water complex is associated with numerous attacks of invaders known among local population as Polish “pans”.

Key words: Vepsians, traditional culture, customs, rituals, beliefs, sacred objects, water

REFERENCES

1. Azovskaya L. P. About Vepsians' beliefs [O verovaniyakh vepsov]. *Etnografiya narodov Vostochnoy Evropy* [Ethnography of the nations of Eastern Europe]. Leningrad, 1977. P. 140–152.
2. Berezovich E. L. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian toponymy in ethnolinguistic aspect]. Ekaterinburg, Ural University Press, 2000. 532 p.
3. Bogdanov N. I. *Istoriya razvitiya leksiki vepsskogo yazyka* [The history of evolution of Vepsian language lexicon]. Leningrad, 1952. P. 159–160.
4. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The big explanatory dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p.
5. Vinokurova I. Yu. Vepsian water spirits (reconstruction of some mythological ideas) [Vepsskie vodyanye dukhi (k rekonstruktsii nekotorykh mifologicheskikh predstavleniy)]. *Sovremennaya nauka o vepsakh: dostizheniya i perspektivy* [Modern science about Veps: achievements and prospects]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences Publ., 2006. P. 314–329.
6. Vinokurova I. Yu. Vepsian mythological pantheon in the context of the nation's ethnic history (on the basis of the

- Vepsians dialect material) [Vepsskiy mifologicheskiy panteon v svete nekotorykh etapov etnicheskoy istorii naroda (na osnove vepsskogo dialektного материала)]. *Vepsskie areal'nye issledovaniya* [Vepsians areal researches]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences Publ., 2013. P. 174–192.
7. Vinokurova I. Yu. Water in the Vepsians mythological ideas about life and death [Voda v vepsskikh mifologicheskikh predstavleniyakh o zhizni i smerti]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Science publications of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences]. 2010. № 4. P. 66–76.
 8. Vinokurova I. Yu. *Kalendarnye obyichai, obryady i prazdniki vepsov (konets XIX – nachalo XX v.)* [Vepsian calendar customs, rites and holidays (end of XIX – beginning of XX century)]. St. Petersburg, 1994. 124 p.
 9. Vinokurova I. Yu. Traditional ideas about Elijah-the prophet and Saint Nicholas in Vepsian culture [Narodnye predstavleniya ob Il'e-proroke i Nikolae Chudotvortse v vepsskoy traditsionnoy kul'ture]. *Pravoslaviye v vepsskom krae* [Orthodoxy in the Vepsian region]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences Publ., 2013. P. 219–220.
 10. Vinokurova I. Yu. Some aspects of the national concept of Vepsian heritage [Nekotorye aspekty narodnoy kontseptsii dushi u vepsov]. *Vepsy i ikh etnokul'turnoe nasledie: svyaz' vremen (pamyati R. N. Lonina): Materialy pervoy mezhregional'noy kraevedcheskoy konferentsii "Loninskie chteniya", s. Sheltozero, 22 sentyabrya 2010 goda* [Materials of the first interregional local history conference "Loninsky Readings", Sheltozero, 22th September, 2010]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences Publ., 2011. P. 111–114.
 11. Vinokurova I. Yu. *Obyichai, ritualy i prazdniki v traditsionnoy kul'ture vepsov* [Beliefs, rituals and festivals in traditional culture of Vepsians]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 205 p.
 12. Vinokurova I. Yu. Regional typology of Vepsian rituals [Regional'naya tipologiya vepsskogo rituala novotela]. *Problemy dukhovnoy kul'tury narodov Evropeyskogo Severa i Sibiri* [Problems of spiritual culture of the people of the European North]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences Publ., 2009. Issue 2. P. 254–255.
 13. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow, 1999.
 14. Egorov S. B. The Vepsians in Korvala district: formation of local groups, demographic development, economy and culture in XIX–XX centuries [Korval'skie vepsy: formirovaniye lokal'noy grupy, demograficheskoye razvitiye, nekotorye osobennosti khozyaystva i kul'tury v XIX–XX vv.]. *Dinamika etnicheskoy kul'tury narodov Rossii. Istoricheskaya etnografiya* [The Dynamics of ethnic culture of the peoples of Russia. Historical ethnography]. St. Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2004. Issue 2. P. 179–193.
 15. Egorov S. B. *Traditsionnaya kul'tura yuzhnykh vepsov* [Traditional culture of southern Vepsians]. St. Petersburg, 2014. 226 p.
 16. Kiselev A. V. "Polish pans" in folk traditions of the Russian population of Yaroslavl Volga region of the XIX–XX century: historical and ethnographic foundations and parallels ["Pany" v ustnoy traditsii russkogo naseleniya Yaroslavl'skogo Povolzh'ya XIX–XX v.: istoriko-etnograficheskie osnovy i paralleli]. *IKRZ*. 2003. Rostov, 2004. P. 326–340.
 17. Krinichnaya N. A. Mythology of water and reservoirs [Mifologiya vody i vodoemov]. *Bylichki, byval'shchiny, pover'ya, kosmogonicheskie i etiologicheskie rasskazy Russkogo Severa: Issledovaniya. Teksty. Kommentarii* [Beliefs, cosmogonic stories of the Russian North: Researches. Texts. Comments]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences Publ., 2014. P. 165–166.
 18. Krinichnaya N. A. *Predaniya russkogo Severa* [Legends of the Russian North]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 328 p.
 19. Kulikovskiy G. I. Funeral rites of Obonezhskaya region [Pokhoronnye obryady Obonezhskogo kraja]. *Etnograficheskoye obozrenie* [Ethnographic articles]. 1890. № 1. P. 44–60.
 20. Mullonen I. I. *Ocherki vepsskoy toponimiki* [Essays about Vepsian toponymy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 157 p.
 21. Pimenov V. V. *Vepsy. Ocherki etnicheskoy istorii i genezisa kul'tury* [The Vepsians. Essays on ethnic history and genesis of culture]. Moscow, 1965. 284 p.
 22. Yudin A. V. The Jordan and the Danube in East Slavic magic folklore [Iordan i Dunay v vostochnoslavlyanskom magicheskom fol'klore]. *Voprosy onomastiki* [Onomastics questions]. 2004. № 1. P. 55–74.

Поступила в редакцию 26.01.2016

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЖУКОВСКАЯкандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории с древнейших времен до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
*tzhukovskaya@yandex.ru***ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА КАЛИНИНА**кандидат исторических наук, докторант, Институт Российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)
kalinka46@yandex.ru

ДОРЕФОРМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ВО ГЛАВЕ УЧИЛИЩ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Цель статьи – на локальном примере исследовать модель организации и управления училищами на местах, стержнем которой являлся дореформенный университет. Привлечение нового фактического материала позволило реконструировать повседневные административные практики университета и в целом высоко оценить эффективность реформы начала XIX века, которая в основных чертах определила модель развития российской высшей и средней школы на 100 лет. Выводы авторов стали результатом комплексного анализа малоизученных материалов провинциальных архивов. Кроме того, использованы опубликованные законодательные и подзаконные акты, определявшие статус училищ и порядок управления ими, делопроизводственные материалы, мемуарные источники. Мы попытались реконструировать модель управления училищами на местах, сложившуюся в 1800–1830-х годах, стержнем которой был именно университет, обратив внимание на специфику в этом отношении Петербургского университета и его непосредственного предшественника – Педагогического института в Петербурге.

Ключевые слова: университет, гимназия, училища, учитель, управление системой народного образования

Система ведомственного управления в Министерстве народного просвещения была выстроена достаточно быстро, в течение двух-трех лет с момента начала реформ, одновременно с устройством новых университетов. В январе 1803 года были изданы высочайше утвержденные «Предварительные правила народного просвещения», излагавшие законодательные основы новой учебной системы. Число созданных учебных округов в тот момент было равно числу университетов, то есть шести. Однако в Петербурге в 1804 году был учрежден не университет, а Педагогический институт в виде «отделения» будущего университета. Этим была определена как специфика управления училищами внутри столичного учебного округа, так и особая роль самого Педагогического института. Ему предстояло стать не только центром подготовки учителей для гимназий и уездных училищ в общероссийском масштабе, но и аналогом «профессорского института», поскольку как минимум четверть его выпускников пополнили университеты империи и заняли впоследствии профессорские кафедры.

Современные работы по истории высшей и средней школы дореформенной России преимущественно сосредотачиваются на изучении отдельных учебных заведений или одной ступени школьной иерархии (например, высшей школы) в контексте правительственной политики [1], [2], [3], [5], [8]. Механизм управления систе-

мой просвещения, а также характер взаимодействия между ее звеньями редко попадают в фокус специального внимания. Функция российского университета как административного звена в школьной иерархии, иные формы его влияния на систему училищ исследованы лишь локально и достаточно поверхностно [6], [7].

Создать представление о системе университетов, пока их историописание разорвано на территории, невозможно. При этом следует учитывать особую роль внутри этой системы Петербургского университета (до 1819 года – Педагогического института), который комплектовал профессорскими и учительскими кадрами все округа, не исключая Виленский и Дерптский. Ни один другой университет не осуществлял в то время, да и позже, столь мощной кадровой экспансии, поскольку нигде более не была поставлена последовательная подготовка к «учительской должности».

Причина односторонней изученности деятельности самого Педагогического института, а также Петербургского университета в 1820–1830-х годах очевидна: невнимание к богатейшему архивному материалу. Историки университета обращаются в основном к опубликованным материалам: законодательным актам, ведомственным распоряжениям. К сожалению, очень мало используются делопроизводственные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Центральном государ-

ственном историческом архиве С.-Петербурга (ЦГИА СПб). Фонд Главного педагогического института (непосредственного предшественника университета) в ЦГИА СПб не только не известен историкам, но до сих пор не попал даже в указатели архивных фондов по истории СПбГУ. Этот фонд позволяет по-новому взглянуть на проблему задач, направлений и эффективности деятельности этого учебного заведения, не говоря о богатейшем материале, иллюстрирующем повседневную жизнь его студентов и профессоров, систему управления, уровень преподавания и пр.

Материалы провинциальных архивов историками университетов вообще почти не исследованы (за исключением фондов Московского и Казанского университетов в составе Центрального государственного исторического архива Москвы и Национального архива Республики Татарстан). Поэтому административная деятельность университета и ее результаты плохо представлены в историях Московского и других старейших университетов России.

Наши выводы стали результатом комплексного изучения материалов провинциальных архивов, в частности фонда дирекции училищ Олонецкой губернии в составе Национального архива Республики Карелия, а также фондов Главного Педагогического института в Санкт-Петербурге и Петербургского университета (ЦГИА СПб. Ф. 13, 14), канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа (Там же. Ф. 139), Департамента народного просвещения (РГИА. Ф. 733). Кроме того, использованы опубликованные законодательные и подзаконные акты, определявшие статус училищ и порядок управления ими, делопроизводственные материалы, мемуарные источники.

До 1819 года Педагогический институт в Петербурге участвовал в администрировании училищ подведомственного округа лишь опосредованно, так как на них распространялось прямое попечительское управление. Однако профессора института участвовали в визитациях (осмотрах) училищ округа, лицензировании соискателей учительской должности, и, главное, институт решал вопросы комплектования школ учительскими кадрами путем распределения своих выпускников, обязанных службой. С открытием в Петербурге университета в собственном статусе организация управления училищами в округе была приведена в соответствие с общеуниверситетским законодательством. Губернские директора народных училищ, ранее отчитывавшиеся перед попечителем, представляли отчеты непосредственно ректору университета и полностью подчинялись университетскому правлению в хозяйственном отношении. Университет ведал административными, хозяйственными и учебными делами во всех общеобразовательных учебных заведениях, расположенных на территории учеб-

ного округа. Эта система администрирования предусматривалась главой 15 Устава 1804 года «Об управлении и надзирании училищ», которой определялись права и обязанности университета по управлению низшими училищами в округе. Университет представлял попечителю ежегодный отчет и подробные сведения о состоянии дел по всем училищам, не исключая частные пансионы. В университете создавался Училищный комитет из профессоров, который ходатайствовал перед Советом университета о награждении и поощрении учителей, а также об их увольнении с должности, если «они окажутся недостойными звания». Эти предложения утверждались Советом и представлялись попечителю¹. Такой порядок управления сохранялся до 1835 года и издания нового университетского устава и положения об учебных округах.

Ежегодные отчеты директоров народных училищ, содержащие «подробное изображение испытаний, состояния, в каком учение находится, приращения способов народного просвещения и недостатков, останавливающее оное», составлялись на основе документов Училищного комитета, передавались для обсуждения в Совет университета, который представлял попечителю общий ежегодный отчет по округу, с включением обозрения состояния самого университета, для представления министру народного просвещения. В ведении Училищного комитета находились также хозяйственная и учебная части учебных заведений округа. Документы, касающиеся хозяйственных вопросов, проходили обсуждение в университетском Правлении². Правление же утверждало в должностях учителей не только гимназий, но и уездных и приходских училищ, решало вопрос о переводе учителя из одного места в другое внутри округа. Правлением университета утверждались и священники, занимавшие учительские должности. Училищный комитет университета присваивал звание уездных учителей тем, кто не получил законченного образования, после соответствующих испытаний, и выдавал свидетельства на право преподавания. Протоколы заседаний Училищных комитетов хорошо сохранились.

Совет университета избирал кандидатов на должность губернских директоров училищ и уездных смотрителей, делая о них представление Главному правлению училищ, ходатайствовал об их награждении.

Столичный университет, как до него Педагогический институт, влиял на дела училищ округа не только через систему администрирования, но и непосредственно – через своих выпускников, распределяемых на учительские места. Только с 1807 по 1830 год институтом и университетом было выпущено более 300 студентов, особенно многочисленными были первые два выпуска Педагогического института (1808, 1811). В 1830–

1850-е годы миссию «рассадника учителей» выполнял уже второй Главный Педагогический институт, существовавший в 1828–1859 годах и сохранивший связь с университетом. Ни один другой университет России в то время не осуществлял столь масштабную и последовательную кадровую экспансию в другие округа.

С 1807/08 учебного года в Педагогическом институте (а затем в университете) проходило распределение студентов по губернским гимназиям, поскольку казеннокоштные студенты обязывались подпиской прослужить не менее 6 лет по ведомству Министерства народного просвещения. Список вакансий заранее оглашался студентам, кандидатуры выпускников, отправляемых на учительские должности, утверждал попечитель округа. Распределение по «учительским местам» проводила Конференция института, оно происходило с согласия студентов, составленного в письменной форме. Так, в 1808 году предлагалось распределить сразу 15 выпускников 1-го и 2-го разрядов (выпуск) Педагогического института на учительские вакансии в Харьковский учебный округ³. В итоге 6 студентов первого выпуска были отправлены в училища Харьковского округа, 7 – в Московский, 10 – в Казанский округ. Трое студентов посланы в Виленский округ, двое – в Тифлис, около 30 – в училища столичного округа, в том числе Морской и сухопутные кадетские корпуса, Царскосельский лицей, уездные училища С.-Петербургской губернии. Несколько человек были оставлены для преподавания в статусе магистров в самом институте.

Схема распределения была такова. Объявлялись вакансии по каждому округу, в разное время, Совет профессоров (Конференция) объявлял это студентам, ожидая добровольцев, которые бы пожелали отправиться куда объявлено. Студенты в свою очередь просили рекомендации от преподавателей на «хорошие» места, в основном в пределах столицы (потом это было запрещено)⁴. Выбор места, в конечном счете, оставался за студентом, и против его воли он не мог быть послан куда-либо. Поэтому распределялись студенты далеко не сразу по окончании курса, некоторые пребывали при Институте еще год и более в ожидании подходящей вакансии. Изъявляя согласие подпиской по определенной форме, они обязывались прослужить в избранном ими месте не менее 6 лет. Кандидату выдавалось трехлетнее жалование (за треть года) из расчета 400 руб. в год, он снабжался прогонными деньгами до места назначения. Перемещения с места на место в течение периода обязательной службы были редки и производились при посредничестве Конференции института.

Окончившему Педагогический институт студенту выдавался аттестат с «означением» его успехов по основным предметам, по форме приближенный к университетскому, при этом чет-

кая иерархия оценок в начале XIX века еще не утвердилась. По архивным документам судьба универсантов-выпускников, оказавшихся в провинциальных гимназиях и других училищах, прослеживается на протяжении нескольких лет и даже десятилетий после их распределения⁵.

Занимаясь распределением студентов, Конференция Педагогического института, а позже Правление университета пытались соблюсти и выгоды студентов, и интересы обеспечения кадрами губернских гимназий. Против желания студента распределение не проводилось. При этом находились желающие занять вакансии не только вблизи столиц, но и в отдаленных губерниях. В губернии Русского Севера отправилось немалое количество выпускников, не бывших местными уроженцами.

Исследователи до сих пор недооценивали значение Педагогического института не только как «рассадника учителей», но и как аналога Профессорского института, который за 1,5 десятилетия подготовил не только около 300 учителей, но и более 30 профессоров для всех университетов империи. После преобразования Главного Педагогического института в университет цель подготовки кадров учителей для гимназий не была утрачена.

На документальном материале прослеживаются и такие формы администрирования училищ со стороны университета, как визитации (ревизии) училищ округа профессорами, назначавшимися по выбору университетских Советов. Визитаторы были знакомы с проблемами организации и деятельности училищ, владели методикой преподавания учебных предметов. Немаловажное значение имели и личные контакты профессоров с учителями гимназий – бывшими студентами института. Приезд визитатора часто совпадал с открытием новых училищ. Так, в 1811 году открытие гимназий в Петрозаводске и Архангельске совпало с визитацией профессора Педагогического института П. Д. Лодия.

Успех распространения гимназий на местах напрямую зависел от активности Училищных комитетов университетов. Необходимые средства на открытие губернских гимназий направлялись во все дирекции училищ уже с 1805 года. Но открывались новые учебные заведения значительно позже. Нормальное функционирование гимназий становилось возможным только после заполнения всех учительских вакансий. Не случайно преобразование Главных народных училищ в гимназии в Олонецкой и Архангельской губерниях состоялось только после прибытия туда выпускников Педагогического института.

Имея подробную информацию о работе учителей округа, университет делал представления на имя попечителя о достоинствах и профессиональных качествах педагогов. Эти представления

становились важным фактором в их дальнейшей карьере. Одних педагогов переводили из уездных училищ в губернские гимназии, повышали в чине. Других определяли на должность директоров народных училищ и штатных смотрителей, некоторым предлагалось стать преподавателями университетов при условии представления диссертации. Университетское начальство инициировало перемещение выпускника (с его согласия) не только из провинции в столичные учебные заведения, но и из одного учебного округа в другой.

Студенты, получившие учительские места в пределах округа, оставались в подчинении Педагогического института (позже университета), что распространялось не только на учебную деятельность. Они должны были испрашивать у Конференции института (Правления университета) разрешения на отпуск, через университет они представлялись к награждению и повышению в чине. Правлению университета они возвращали из учительского жалования прежние долги или суммы, затраченные на проезд к месту назначения. В Совет университета они представляли свои научные и методические сочинения, в университете защищали диссертации, и тогда их карьера, конечно, круто изменялась. Еще несколько лет бывшие студенты находились «в непосредственном ведении» университета, а по истечении срока обязательной службы, если она продолжалась, в постоянном контакте с ним. В случае их смерти размер пособия, определяемого вдове и детям, также зависел от решения университетского начальства, от того, как оно оценивало способности и заслуги умершего.

Правление университета занималось организацией лечения учителей из числа бывших воспитанников в Петербурге, имея возможность помещать их как бывших казенных студентов в Обуховскую градскую больницу, тогда как педагоги-выпускники других учебных заведений такой льготой не пользовались. Университет ходатайствовал об определении пенсий и пособий учителям, и даже средств на похороны и помощь наследникам. Причиной такого всестороннего

социального кураторства было несовершенство тогдашнего пенсионного законодательства.

2 июня 1835 года было издано новое «Положение об управлении учебными округами», по которому губернские дирекции училищ и учебные заведения на местах были изъяты из ведения университета и переданы в ведение попечителей округов. «Положение» устанавливало, что попечители «получают донесения от директоров училищ и гимназий и дают им разрешения или представляют свое заключение на утверждение министру народного просвещения»⁶. Но связь провинциальных учебных заведений с университетом на этом не прервалась. «Положение» 1835 года по-прежнему предусматривало проведение профессорами или адъюнктами университета обзорных учебных заведений округа по личному приглашению попечителя, если такая поездка не мешала их основной деятельности. Кроме того, по «Положению», попечитель запрашивал мнение университетского Совета об усовершенствовании преподавания, утверждении дополнительных курсов и методических пособий для средних и низших училищ (§ 12). Ректор университета входил в Совет при попечителе, который решал вопросы организации учебного дела на местах (§ 19).

Таким образом, деятельность учителей – выпускников Педагогического института и Петербургского университета и формы опеки университета над ними, включая лечение, пенсии, пособия сиротам и вдовам, открывают систему социальных отношений в рамках «университетского пространства». Вовлеченными в нее оказываются не только действующие члены корпорации, но и все «бывшие студенты», оставшиеся под управлением университета. «Университетское пространство» в социальном и территориальном измерении расширяется до границ территорий, «подведомых» университету. Это, конечно, не вся «просвещаемая Империя», но значительная ее часть. Пример столичного университета, разумеется, не был уникален, однотипные связи университетов и управляемых ими училищ устанавливались во всех округах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Устав Университетов // Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). 1. Т. 28. № 21497.

² Устав Университетов // ПСЗРИ. 1. Т. 28. № 21497.

³ Центральный государственный исторический архив СПб (далее ЦГИА СПб). Ф. 13. Оп. 1. Д. 451.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 785: Предписание преподавателям Института воздерживаться от рекомендаций студентов на места, предоставляя это право только Конференции (1811).

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 398. Л. 2; Д. 1878; Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/11. Л. 382; Д. 5/13. Л. 33; Д. 4/8. Л. 15; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 21. Д. 97. Л. 1.

⁶ Положение об учебных округах Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 7. С. 13.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глущенко П. П., Шейко В. В. История становления и развития института образования в России (до начала XX века). СПб.: ВВМ, 2004. 38 с.
2. Мищенко А. Л. Становление и развитие образования в российской провинции в 1719–1917 гг. (на материале южно-зауральского региона Западной Сибири). Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. 332 с.

3. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX в.: формирование системы университетского образования. Кн. 1–4. М.: Гос. изд. музей, 1998–2002.
4. Синицына П. Т. Развитие народного образования на европейском Севере. Архангельск: Изд-во Поморского междунар. пед. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1996. 142 с.
5. Ткаченко А. М. Учебно-методическое руководство Харьковского университета школами в 1805–1835 гг. / Под ред. проф. Н. А. Константинова. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1957. 124 с.
6. Шуртакова Т. В. Руководство Казанского университета развитием начального и среднего образования в учебном округе в 1805–1836 гг. Казань, 1959. 69 с.
7. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985. 346 с.

Zhukovskaya T. N., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
Kalinina E. A., Institute of Russian History of Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation)

PRE-REFORMED UNIVERSITY IN CHARGE OF COLLEGES IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The purpose of the article is to explore, based on the case study of local examples, the model of organization and management inherent to provincial colleges of the early XIX century. At that time, the pre-reform university acted as a pivot of the model in focus. Employment of the new factual material helped to reconstruct the University's everyday administrative practices, and, in general, to appreciate effectiveness of the reforms introduced in the early XIX century. The mentioned reforms defined the model of the Russian higher and secondary schools' development for the next 100 years. The authors' conclusions are based on the results of the comprehensive analysis of the little-known materials found in provincial archives (directorates' funds of the schools in Olonets, Arkhangelsk, Vologda, and other provinces), as well as in the funds of St. Petersburg University, Main Pedagogical Institute, the Office of the trustee of St. Petersburg school district, and the Department of Public Education. In addition, we studied available published laws and regulations, which specified the status of schools and order of their management, clerical materials, and memoirs. We tried to reconstruct the model of college management in provinces, which developed in 1800–1830-ies. The core of the model was the university. We also gave special consideration to the specifics of the influence exerted by the St. Petersburg University and its immediate predecessor – Pedagogical Institute of St. Petersburg.

Key words: university, gymnasium, schools, teacher, management of the system of public education

REFERENCES

1. Glushchenko P. P., Sheyko V. V. *Istoriya stanovleniya i razvitiya instituta obrazovaniya v Rossii (do nachala XX veka)* [History of formation and development of the institution of education in Russia (until the early twentieth century)]. St. Petersburg, VVM Publ., 2004. 38 p.
2. Mikhashchenko A. L. *Stanovlenie i razvitie obrazovaniya v rossiyskoy provintsii v 1719–1917 gg. (na materiale yuzhno-zaural'skogo regiona Zapadnoy Sibiri)* [Formation and development of education in the Russian province in the 1719–1917. (based on the South Trans-Ural region of Western Siberia)]. Kurgan, Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2004. 332 p.
3. Petrov F. A. *Rossiyskie universitety v pervoy polovine XIX v.: formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya* [Russian universities in the first half of the XIX century: the formation of the university system]. Book 1–4. Moscow, Gos. izd. Muzei Publ., 1998–2002.
4. Sinitsyna P. T. *Razvitie narodnogo obrazovaniya na evropeyskom Severe* [The development of public education in the European North]. Arkhangelsk, Izd-vo Pomorskogo mezhdunar. pед. un-ta im M. V. Lomonosova, 1996. 142 p.
5. Tkachenko A. M. *Uchebno-metodicheskoe rukovodstvo Khar'kovskogo universiteta shkolami v 1805–1835 gg.* [A teaching guide of Kharkov University schools in 1805–1835 gg.] / Pod red. prof. N. A. Konstantinova. Harkov, Izd-vo Khar'k. un-ta, 1957. 124 p.
6. Shurtakova T. V. *Rukovodstvo Kazanskogo universiteta razvitiem nachal'nogo i srednego obrazovaniya v uchebnom okruge v 1805–1836 gg.* [Kazan University Management of primary and secondary education development in school districts in the 1805–1836]. Kazan, 1959. 69 p.
7. Eymontova R. G. *Russkie universitety na grani dvukh epokh. Ot Rossii krepostnoy k Rossii kapitalisticheskoy* [Russian universities are on the verge of two epochs. From Russia to the Russian capitalist land]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 346 p.

Поступила в редакцию 21.01.2016

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА ИЕРУСАЛИМСКАЯ

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник центра трансфера технологий управления научных исследований и инноваций, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Ярославль, Российская Федерация)
osniyar@uniyar.ac.ru

ДУХОВНЫЕ СЕМИНАРИИ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Цель статьи – изучение исторического опыта развития семинарий Верхнего Поволжья первой половины XIX века. Новизна заключается в том, что впервые в исторической литературе создана региональная модель развития духовных семинарий и введен в научный оборот широкий круг источников. Актуальность исследования состоит в том, что исследуемая проблематика имеет важное познавательное значение, а в практическом плане опыт развития семинарий может быть востребован современной духовной школой. Дан анализ исторических условий деятельности верхневолжских семинарий, общероссийских тенденций и местных особенностей функционирования, приведены количественные и качественные характеристики учащихся и преподавательского состава, показана материальная база.

Ключевые слова: духовные семинарии, средняя школа, Верхнее Поволжье, преподавательский состав, выпускники

Духовные семинарии являлись закрытыми учебно-воспитательными заведениями среднего звена. На территории России они стали формироваться с начала XVIII века, при этом динамика их роста в изучаемый период была положительной. Согласно данным отчетов обер-прокуроров Св. Синода, в начале XIX века в стране было 36 учебных заведений данного типа, а к 1850-м годам их число выросло до 47 [8: 169]. В Верхневолжском регионе в первую половину XIX века функционировали 4 духовные семинарии – по одной в каждом епархиальном центре: Ярославле, Твери, Костроме и Владимире.

В 1807 году в столице был создан комитет, основным итогом работы которого стал «Доклад об усовершенствовании духовных училищ», составленный М. М. Сперанским. Согласно докладу все епархии страны распределялись на духовно-учебные округа (Петербургский, Московский, Казанский, Киевский)¹, подлежащие ведомству своей духовной академии. Тверская епархия (и, соответственно, Тверская семинария) относилась к Петербургскому учебному округу, а Владимирская, Костромская и Ярославская – к Московскому [11: 15–16]². Во главе каждого округа стояла духовная академия, державшая бразды правления семинариями в своих руках. В результате академическим правлениям подчинялись соответствующие семинарские правления. Всего в империи было составлено четыре округа по числу имевшихся духовных академий. Св. Синод по итогам рассмотрения донесений академических правлений постоянно отправлял руководящие предписания в верхневолжские семинарии³. В свою очередь духовные учебные заведения епархии подлежали контролю семинарского правления.

В каждой епархии следовало наличествовать одной семинарии (в Московской таким учебным заведением являлась Свято-Троицкая семинария в Свято-Троицкой Сергиевой лавре⁴), а также несколькими духовным училищам. Этот проект был утвержден в 1809 году, и на его основании в 1814 году принят устав духовных семинарий [11: 14]. Он регламентировал в семинариях 6-летний курс обучения, учебные курсы богословских и общеобразовательных наук – последний на уровне гимназического.

Конец 1830-х годов также был ознаменован переменами в духовном образовании страны. Назначенный на пост обер-прокурора Св. Синода граф Н. А. Протасов учредил собственную канцелярию, а синодальную (также находившуюся под его контролем) расширил. Синод был лишен права выносить свои решения по тем или иным вопросам, в том числе учебным, без проработки в соответствующих канцеляриях [17: 43]. Поскольку прямым начальником канцелярий являлся Н. А. Протасов, это усилило его власть. В 1839 году Комиссия духовных училищ была упразднена, ее функции перешли к Духовно-учебному управлению, также подчинявшемуся обер-прокурору Синода. В 40–50-е годы XIX века из Духовно-учебного управления циркулярно направлялись для надлежащего исполнения в правления верхневолжских семинарий определения Св. Синода, построенные на основании анализа донесений всех четырех упоминавшихся академических правлений⁵.

В 1840 году семинарская учебная программа была пересмотрена и подверглась значительным переменам: введены естественные науки, медицина, сельское хозяйство. Отныне во главе угла

стоял практицизм, а семинарское образование, благодаря реформе Н. А. Протасова, оказалось максимально приближено к реальной жизни. Богословское образование было расширено в низшем и среднем отделениях семинарий. В начале 1860-х годов в духовных семинариях впервые появились ученические библиотеки [11: 18].

Как и светские школы, семинарии, относящиеся к среднему типу народного образования, возникали при содействии известных учебных учреждений высшей школы. Этот процесс нашел свое отражение и в губерниях Верхнего Поволжья. Верхневолжские семинарии являлись одними из старейших в России. Так, Костромская духовная семинария, основанная в 1747 году как церковническая или епаршеская школа, по свидетельству современника, являлась «одним из основных проводников европейской культуры на Костромской земле» и «восходила к Киево-Могилянской духовной академии»⁶.

Тверская духовная семинария была открыта еще раньше, в 1722 году, как начальная славяно-русская школа, а в феврале 1739 года реорганизована в семинарию. Как и в других верхневолжских средних духовных учебных заведениях, в ее стенах в первой половине XIX века продолжали заботиться о воспитании будущих священнослужителей. Выпускники семинарии приняли активное участие в борьбе с нашествием Наполеона во время Отечественной войны 1812 года. В это время свыше 80 учащихся семинарии и духовных училищ вступили добровольцами в егерский батальон великой кн. Екатерины Павловны [12]. По поводу материального обеспечения преподавательского штата данного среднего духовного учебного заведения [9] стоит отметить, что в 1819 году учителя Тверской духовной семинарии получали около 100 руб. в год квартирных денег⁷. Эти суммы были увеличены в конце изучаемого периода. Так, в январе 1861 года месячное жалование архимандрита Алексия за исполнение деятельности ректора Владимирской семинарии составило 23 руб. 33 коп., а за работу в должности профессора в том же учебном заведении он получал еще такую же сумму⁸.

Создание первой духовной семинарии в Ярославле – славяно-латинской – относится к 1747 году. Место ее расположения – Спасо-Преображенский монастырь [13: 166], [14: 7]. Согласно источнику, здание, отведенное под нужды семинарии, находилось «от Святых ворот вдоль стены» по направлению к Михайловской башне. Это был двухэтажный келейный корпус, причем учебные занятия в основном проходили на втором этаже и частично на первом. При данном училище имелась библиотека. Главой Ярославской семинарии являлся ректор, до 1787 года назначавшийся, как правило, из настоятелей Спасо-Преображенского монастыря, а с 1788 года – из настоятелей других духовных обителей, чаще

ростовских. Первым ректором семинарии был архимандрит Спасо-Преображенского монастыря Варфоломей Люберский. Преподавательский состав Ярославской духовной школы в рассматриваемое время включал в себя выпускников Киевской духовной академии. В 1814 году Ярославская духовная семинария подверглась существенной реорганизации. Со времени своего создания и до указанной даты семинария представляла собой епархиальное учебное заведение, соединявшее учебные программы духовного училища и семинарии. Неслучайно еще в 1805–1806 годах имелись сведения о переводе учащихся Ярославской семинарии в Ростовское духовное училище¹⁸, что могло произойти только при согласованности их программ. С 1814 года старшие классы семинарии стали уездным и приходским училищем. Среди выпускников Ярославской семинарии стоит отметить о. Афанасия (Протопопова) – инспектора Петербургской духовной академии и ректора Казанской духовной академии и Тверской семинарии; Н. Ф. Лаврова – автора первого фундаментального труда, посвященного храмам Углича [3: 5].

Руководство семинариями традиционно осуществляли представители черного духовенства. При этом ректор не всегда вел преподавательскую деятельность во вверенном ему заведении, он мог отказаться от нее и сосредоточиться на осуществлении административных функций. Одной из важнейших обязанностей ректора семинарии являлось активное и регулярное ведение воспитательной работы среди семинаристов и всего православного населения губернии. Так, в 1810-х годах ректор Ярославской семинарии архимандрит Неофит выступал с речами по поводу очередной годовщины восшествия на престол императора Александра I, избрания судей в губернии и других актуальных общественно-политических вопросов⁹. В своих ярких проповедях он призывал к простоте, праведной жизни и неприятию сребролюбия¹⁰.

Верхневолжские семинарии находились в непосредственном подчинении у Духовной консистории, а через нее – у епархиальных архиереев. В фонде Тверской консистории Государственного архива Тверской области, как и в фондах других консисторий Верхней Волги, сохранилась делопроизводительная переписка начала XIX века, свидетельствующая об этом¹¹.

Рассматривая длительность учебы и численность семинаристов, следует отметить, что в Ярославской семинарии, как и в других подобных заведениях, был определен шестилетний срок обучения [5: 105], она делилась на три класса: низший, средний и высший [14: 49]. Число учеников к 1857/58 учебному году достигало 500 чел. (в том числе 150 казеннокоштных) [13: 166].

Круг предметов, изучаемых в верхневолжских семинариях, включал в себя чтение по гражданской и церковной печати, письмо, грамматику,

богословие, риторику, древние и новые языки (греческий, латинский, древнееврейский, немецкий, французский) [8: 81–104]; курсы арифметики, истории, географии [14: 78]; «усвоение основ поэтики, приобщение к наукам и искусствам». Учебными предметами также являлись краткий катехизис и краткая Священная история. На рубеже XVIII–XIX веков каждое духовное учебное заведение получило комплект учебных пособий, куда вошли: «Российский букварь», «Руководство по чистописанию», «Правила для учащихся», «Арифметика», «Священная история», «Катехизис сокращенный без вопросов, ученический», «Катехизис сокращенный с вопросами, учительский», «Пространный катехизис» и др. [7]. Преподавание основных дисциплин шло на латыни: до 1830-х годов она являлась «домашним языком» отечественных духовных училищ. На латыни велось не только обучение, на ней разговаривали, устраивали богословские диспуты, писали сочинения и т. д. Свообразным наказанием учащимся за разговор на русском языке, а не латыни был так называемый калкулюс. Получившему его семинаристу вменялось в обязанность выучить наизусть несколько латинских стихотворений и продекламировать их преподавателю или сеньору (почетное звание, предоставляемое ученику старших классов семинарии за отличную успеваемость, как правило, сеньор назначался приказом ректора из самых «благонравных»)¹². Усвоение латыни представляло собой одну из основных сложностей для семинаристов, поскольку требовало от учащихся не только природных способностей к языкам, но и большой работоспособности [7]. Ежегодно в семинариях организовывались «ученые диспуты». Для этих целей ставили специальную кафедру, на которой было предусмотрено два места: для отвечающего и его оппонента. Проводимые дебаты являлись своего рода визитной карточкой духовных семинарий. Они устраивались по заблаговременно избранному теологическим темам; участие в дискуссиях принимали как преподаватели, так и семинаристы. Закономерным результатом полемики, подытоживавшим мероприятие, служил «генеральный отпуск» (современные каникулы), который предоставлялся ученикам семинарии.

Не все учащиеся верхневолжских семинарий проходили курс обучения полностью. Значительной части из них хватало нескольких лет занятий (чаще трех-четырех) для того, чтобы по возвращении домой занять вакантное место в том приходе, где служили их ближайшие родственники. Основной причиной данного обстоятельства была не дороговизна обучения в губернском городе и не сложность программы, а отсутствие для епархии реальной потребности в численном увеличении этой категории приходского духовенства [7]. Зачастую выпускников с неоконченным семинарским образованием ждала карьера

дьячка или пономаря, однако в целом ряде случаев они наследовали и священнические места в приходах. Часть семинаристов определялась после окончания курса в местную консисторию на различные должности¹³.

Нередко родители направляли уже получившего начатки домашнего образования сына в семинарию с тем, чтобы закрепить за ним причетническое место в своем приходе. В этом случае пребывание семинариста в духовной школе носило еще более непродолжительный характер, поскольку все, что требовалось от причетника, – это знание катехизиса, умение читать по книгам и петь по нотам. Однако даже этим минимальным требованиям соответствовали далеко не все соискатели, а некоторые из учащихся не желали идти по духовной стезе. В результате часть семинаристов была уволена в светское ведомство. Так, подобные случаи были отмечены в 1830–1834 годах в списке окончивших курс во Владимирской духовной семинарии¹⁴.

Одной из характерных черт семинарского быта в исследуемом регионе являлась его четкая регламентация и строгий распорядок дня. Малейшее отклонение от традиционного графика строго каралось администрацией училища. Подъем осуществлялся в 4.30, отход ко сну – в 21.00. Ранним утром семинаристов ждал братский молебен, затем следовал завтрак и начинались занятия, занимавшие большую часть дня [19]. После обеда учащимся был разрешен получасовой прогулочный моцион, затем они приступали к выполнению домашнего задания. По воскресеньям и праздникам все семинаристы обязаны были присутствовать в храме на церковной службе¹⁵. Организация воспитательного процесса в семинариях была подчинена одной цели – укрепить и развить в среде учащихся «благочестие, добродетель, подчиненность начальствующим, почтительность... к старшим» [1: 13–14]. При семинариях функционировали библиотеки, в которых насчитывались сотни экземпляров книжных изданий. Так, к началу XIX века библиотечное собрание Ярославской духовной семинарии состояло приблизительно из 1000 наименований книг и охватывало достаточно широкий спектр самой разнообразной литературы: богословские труды, философские трактаты, исторические произведения (в том числе по истории РПЦ) и др. [17: 7].

Среднее духовное образование довольно быстро приобрело популярность среди населения в губерниях Верхнего Поволжья. Семинарии без особого труда осуществляли ежегодный набор абитуриентов. Если в середине XVIII века общая численность учащихся Ярославской семинарии составляла порядка 30–50 чел. [14: 77], то в конце XVIII века она насчитывала уже около 300 чел.¹⁶, а к началу XIX века среднее духовное образование здесь получали более 500 чел. [14]. О значимости семинарского образования на рубеже

столетий говорит тот факт, что даже не окончившие обучение семинаристы определялись на учительские должности в верхневолжские города¹⁷.

Для улучшения успеваемости и укрепления дисциплины в средних учебных заведениях Верхнего Поволжья широко использовались различные педагогические и дисциплинарные меры воздействия. Среди них активно применялись не только моральные, но и физические (телесные) виды наказаний. Так, в 1837 году в учебную практику было введено наказание розгами [10: 72]. Учеников наказывали за хулиганство, непослушание на уроках, неповиновение учителю, нещадно секли за воровство и лень [18: 28]. Среди наказаний другого рода следует назвать перевод всех расходов за обучение нерадивого семинариста на родственников последнего. В ряде случаев родители несли уголовную ответственность за проступки детей. Однако, несмотря на столь жесткую регламентацию, источники свидетельствуют о частом нарушении учебной дисциплины верхневолжскими гимназистами и семинаристами. Так, в семинарии Ярославской епархии проверяющие выявили целый ряд нарушений, типичных и для других подобных заведений, — пропуск занятий без уважительной причины, опоздание на общую молитву, курение, пьянство, отступление от семинарского дресс-кода, уход в «самоволку» [1: 13–14]. В том случае если ученик пытался под предлогом болезни уклониться от учебных занятий, факт ее наличия проверялся духовной консисторией. Данные тенденции являлись характерными для семинаристов по всей стране.

Подавляющую часть ученического контингента (свыше 80 %) епархиальных семинарий Верхнего Поволжья составляли дети лиц духовного звания. Среди инородных преобладали выходцы из крестьян [7: 170]. Обучение проводилось на бесплатной основе, поэтому для абсолютного большинства детей церковнослужителей это было единственной возможностью получить среднее образование. Вместе с тем, невзирая на очевидные достоинства, данный тип духовной школы имел и недостатки, поскольку являлся ведомственным и носил сословно ограниченный характер.

В целом по России в начале XIX века, согласно сведениям Св. Синода, общее число учащихся в духовных школах 33 епархий составило 24167 человек [4: 569]. При этом количество желающих попасть в семинарии нередко было больше, нежели число имевшихся свободных мест. В таких случаях епархиальное начальство ряда регионов осуществляло набор семинаристов исходя из финансовой состоятельности их родителей. Например, в Костромской семинарии в число студентов зачисляли только детей священнослужителей из приходных не менее чем со 100 дворами.

Окончательное становление Костромской семинарии связано с именем епископа Дамаскина (Аскаронского), возглавившего Костромскую епархию в 1758 году [6]. Во главе семинарии вместо смотрителя встал ректор. Первым ректором Костромской семинарии был назначен архимандрит Софроний, одновременно являвшийся настоятелем Николо-Бабаевского монастыря. В семинарии изучали латинский, греческий и древнееврейский языки. Было введено изучение французского языка и медицины. Среди ректоров Костромской семинарии были церковные деятели, оставившие заметный след в истории РПЦ. Так, архимандрит Макарий (Глухарев), бывший ректором семинарии и одновременно настоятелем Богоявленского монастыря в период 1821–1824 годов, осуществил перестройку одной из крепостных башен монастыря в сохранившуюся до наших дней церковь Смоленской иконы Божьей Матери, бывшую позднее 16 лет семинарским храмом. Среди других ректоров этого периода выделяется фигура архимандрита Платона (Городецкого), возглавлявшего семинарию с 1837 по 1839 год, позднее, став митрополитом Киевским, он неоднократно и эффективно помогал этому духовному училищу [6]. Костромская семинария (впрочем, так же как Тверская, Владимирская и Ярославская) функционировала в русле общероссийских социально-политических тенденций и являлась сословно обособленной. В рассматриваемый период двери семинарий были открыты лишь для детей священно- и церковнослужителей. Представители именно этой сословной группы составляли основную массу учеников Костромской семинарии. Это училище не испытывало трудностей при осуществлении набора учащихся, недостатка в желающих поступить не было. Динамика роста числа семинаристов в Костроме на протяжении всего рассматриваемого периода была устойчиво положительной. В 1800–1830-е годы количество окончивших семинарский курс составляло в среднем от 32 до 55 чел. Так, выпуск 1816 года насчитывал 41 чел.; выпуск 1820 года — 49 чел.; выпуск 1824 года — 42 чел. Увеличение числа выпускников не всегда шло только по нарастающей, случались годы, когда эта численность падала или, наоборот, резко шла вверх, однако в целом развитие семинарии в данном вопросе следует охарактеризовать как стабильное. Так, в 1818, 1822 и 1830 годах в связи с окончанием курса семинарию покинуло 32, 37 и 45 учеников соответственно; тогда как в 1826 и 1828 годах в выпускных классах насчитывалось 55 и 53 семинариста¹⁹. Вторая треть XIX века стала для Костромской семинарии временем расцвета. На данном этапе количество желающих поступить в училище возросло настолько, что администрация школы приняла решение открыть второе отделение. Соответственно увеличившемуся набору семинаристов повысилось и число

выпускников: выпуски 1834, 1836 и 1838 годов составили 63, 78 и 91 чел. соответственно. Выпуск 1842 года насчитывал рекордных 108 чел., после чего в семинарии и было создано второе отделение: выпуск первого отделения 1844 года включал в себя 56 семинаристов, второго – 58²⁰. На протяжении всего рассматриваемого периода численность учеников Костромской семинарии продолжала расти. Среди выпускников данного учебного заведения было немало выдающихся людей, оставивших заметный след как в истории Костромского края, так и в истории России. Вот лишь часть имен: статистик, историк и географ, профессор Петербургского университета, академик Петербургской Академии наук, учитель будущего императора Александра II, известный экономист (выпуск 1806 года) К. И. Арсеньев; религиозный философ, профессор Московской духовной академии (выпуск 1814 года), основатель русской теистической философии протоиерей Ф. А. Голубинский и др. [6]. С семинарией неразрывно связан старинный священнический род Островских. В 90-е годы XVIII века здесь учился Ф. И. Островский, дед великого драматурга А. Н. Островского, отец которого учился там же (выпуск 1814 года) [6]. С начала XIX века в семинарии обучались многие представители костромского священнического рода Флоренских, наиболее прославленного знаменитым иереем П. А. Флоренским. В стенах Костромской семинарии учился, в частности, его дед И. А. Флоренский (выпуск 1836 года), по предписанию начальства направленный после окончания училища в Медико-хирургический институт при Московском университете. Среди других священнических родов, обучавшихся в семинарии, следует назвать фамилию Елизаровых-Розановых, наиболее известным представителем которой являлся русский религиозный философ В. В. Розанов [17]. В изучаемый период в Костромской семинарии учились его дед Ф. Н. Елизаров (выпуск 1813 года) и отец В. Ф. Розанов (выпуск 1840 года) [6].

Разумеется, одно только пребывание в стенах семинарии не являлось гарантом получения учащимися необходимых умений и навыков. В наличии всегда был определенный (хотя и не слишком значительный) процент семинаристов, напротив фамилий которых в учебных и выпускных ведомостях значилось «туп», «безнадежен» или «никакой не подает надежды» [7].

Похожая картина складывалась в рассматриваемое время и в Тверской духовной семинарии. Данное училище также находилось в ведении Св. Синода и тверского архиепископа и было нацелено, главным образом, на подготовку священнослужителей. Вместе с тем некоторые семинаристы после выпуска становились учителями²¹ или продолжали образование в светских высших учебных заведениях. В семинарию принимались мальчики 10–15 лет, основную их часть состав-

ляли дети духовенства. Воспитанники подвергались строгому надзору со стороны семинарского начальства, были широко распространены жестокие телесные наказания. До 1779 года Тверская семинария размещалась в Федоровском монастыре на острове, в устье р. Тьмаки, где в 1777–1779 годах для нее был построен новый дом на территории бывшего Тверского кремля. В 1809 году по причине реконструкции центра города семинария была вынуждена переехать в Отроч Успенский мужской монастырь. Через год данное учебное заведение вновь переживает переезд – теперь в Затьмацкую часть недалеко от церкви Николы на Зверинце. С этого времени семинария функционирует без переселений более полувека – вплоть до 70-х годов XIX века, когда для ее нужд было сооружено новое здание, удовлетворяющее современным требованиям²². Среди выпускников Тверской духовной семинарии наибольшую известность в разное время приобрели: вице-губернатор, писатель и краевед Д. И. Карманов; выдающийся русский юрист, профессор Царскосельского лицея, один из любимых преподавателей А. С. Пушкина²³ А. П. Куницын; «дедушка химии» [2: 34], профессор химии, ректор Петербургского университета А. А. Воскресенский. В 1845 году после двух лет обучения семинарию покинул будущий министр финансов И. А. Вышнеградский [12].

Ректорами семинарии являлись священнослужители: о. Михаил (Бурдуков) (1810–1814)²⁴, о. Самуил (Запольский-Платонов) (1814–1817), о. Афанасий (Протопопов) (1817–1823), о. Михаил (Добров) (1823–1831), о. Арсений (Москвин) II (1831), о. Афанасий (Соколов) (1832–1838), о. Софония (Сокольский) (1845–1847), о. Серафим (Протопопов) (1856). Все они были выходцами из духовной среды, получили соответствующее образование, некоторые работали преподавателями в школах духовного ведомства. Так, о. Самуил (Запольский-Платонов) до своего ректорства в Твери по окончании курса Троице-Лаврской семинарии был определен учителем этой семинарии. Он же в 1807 году был назначен префектом Троице-Сергиевой семинарии и учителем философии, а с 1809 года – ректором указанной семинарии и учителем богословия²⁵. Ректор Тверской семинарии о. Афанасий (Протопопов) в 1805 году окончил курс Ярославской духовной семинарии и был оставлен в ней учителем. В 1809 году он поступил в Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1814 году со степенью магистра. В этом же году был пострижен в монашество и назначен инспектором столичной духовной академии. С 1816 года являлся ректором Казанской духовной академии и архимандритом Казанского Спасо-Преображенского монастыря. 28 июля 1817 года был переведен ректором Тверской семинарии и настоятелем Калязинского (Троицкого) монастыря.

В целом, за период с 1800 по 1857 год на посту ректора Тверской семинарии сменилось 9 человек (при этом пятеро были уроженцами Верхнего Поволжья и окончили местные семинарии). Некоторые из них до или после ректорства в Твери получали назначения в соседние верхневолжские губернии. Так, о. Евгений (Роман Емилиан), стоявший во главе Тверской семинарии в 1798 году, являлся ректором Ярославской семинарии в 1794 году и учителем во Владимирской в 1785 году. О. Софония (Сокольский) в 1827 году определен профессором Тверской семинарии, а в 1844 году назначен ректором Ярославской семинарии. Преподавательские штаты Тверской семинарии также состояли из священнослужителей, образовательный уровень которых был весьма высок. Так, учителем в семинарию был определен И. Е. Беляев (служил с 1839 по 1841 год), выходец из семьи священника Александровского уезда Владимирской губернии, в дальнейшем архиепископ Вятский Аполлос. В 1835 году он окончил Владимирскую духовную семинарию, а в 1839 году – Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В сентябре того же года был назначен преподавателем в Орловскую духовную семинарию, а 27 октября переведен в Тверскую семинарию. Педагогом в рассматриваемом духовном учебном заведении являлся также А. А. Новоселов, в дальнейшем епископ Екатеринославский Алексей. Он обучался с 1829 по 1837 год в Тверской семинарии, в 1841 году окончил курс Киевской академии и был назначен учителем Полтавской семинарии. 18 декабря 1842 года ему присвоена степень магистра богословия. С сентября 1846 года переведен преподавателем в Тверскую семинарию. Естественные науки (а позднее и другие дисциплины) в семинарии преподавал А. Ф. Изотов, в дальнейшем епископ Сухумский Арсений. По окончании в 1845 году Тверской духовной семинарии он закончил Горигореевский земледельческий институт. С 1847 года совмещал должность преподавателя Тверской семинарии и исполнение обязанностей помощника инспектора семинарии.

Следует отметить, что для большинства педагогов верхневолжских семинарий данные училища служили отличной стартовой площадкой для достижения более высокого положения в своих епархиях. В частности, П. В. Знаменский указывал на то, что преподавателям средних духовных школ было во многом удобнее и выгоднее принять приход или уйти в монастырь. Эта тенденция являлась характерной для значительной части педагогов отечественных духовных семинарий рассматриваемого периода. Так, бывшие семинарские учителя занимали священнические места в самых престижных церквях в губернских городах. Приходившие на службу преподаватели на рубеже XVIII–XIX веков зачастую относились к своей педагогической деятельности как

к временному занятию [7], закономерным итогом которого должен был стать карьерный рост.

Годом учреждения Владимирской духовной семинарии является 1750 год. За это время учебное заведение успело пережить несколько масштабных переездов (в том числе в Суздаль), однако в начале XIX века при Владимирском епископе Ксенофонте семинария помещалась преимущественно в архиерейском доме и только часть ее – в собственно семинарских зданиях на территории упраздненного Богородицкого монастыря во Владимире. Администрация и преподаватели училища прилагали большие усилия для того, чтобы сделать семинарию одной из самых процветающих школ губернии [8]. В 1817 году посредством покупки дома купца Апрянина вместе с земельным участком, располагавшимся по соседству с семинарией, была решена проблема общежития для учащихся, количество которых росло. Если в 1824 году в стенах Владимирской духовной семинарии обучалось 697 чел., то в 1838 году их число достигло 986. Известны статистические данные и по ее различным структурным частям. Так, в 1821 году в низшем отделении насчитывалось 35 учащихся первого разряда и 11 учащихся второго²⁶. Подавляющее большинство семинаристов, как и во всех других российских семинариях, были представителями духовного сословия, впрочем, некоторые из них были уволены в светское ведомство²⁷. Постепенно росла и семинарская библиотека: в 1816 году ее перевели в помещения, занимаемые ранее богословским и философским классами. Здесь же, в архиерейском доме, первоначально располагалась и семинарская больница, которую в 1830 году разместили в бывшем монастырском доме на Никольской улице, где жили наставники семинарии. В 1855 году было построено кирпичное здание двухэтажного училищного корпуса, вскоре закончили строительство нового общежития для студентов.

По отзывам современников, «... в течение своего полутора столетия существования семинария воспитала немало духовных пастырей и многих высших духовных и светских лиц; отсюда вышли: великий реформатор, сподвижник Александра I граф М. М. Сперанский, митрополиты: Амвросий (Новгородский и Петербургский) и Серапион (Киевский), архиепископы и епископы: Ириней (Псковский), Мефодий (Псковский), Лаврентий (Черниговский)... и мн. другие». Среди выпускников также стоит отметить магистров Петербургской и Московской духовных академий, профессора Калужской семинарии П. С. Алексинского, помощника ректора Московской семинарии Е. М. Алексинского и профессора Тверской семинарии Н. М. Алексинского, столоначальника Владимирского губернского правления И. И. Фаворского (выпуски 1816, 1834, 1837 и 1852 годов)²⁸.

Таким образом, деятельность духовных семинарий Верхнего Поволжья в первой половине XIX века проходила в соответствии с общероссийскими закономерностями развития среднего духовного мужского образования со всеми его достижениями и проблемами. Семинарии верхневолжских епархий, являясь по сути сословными духовными учебными заведениями, в то же

время действовали с большой эффективностью, о чем свидетельствует обширный перечень их известных выпускников. Успешному развитию семинарий способствовали опытный педагогический персонал, часто переходивший из одной верхневолжской семинарии в другую, умелое руководство ректорского корпуса и неплохая материальная база.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Устав православных духовных семинарий. СПб., 1867. С. 23.
- ² Преобразование духовно-учебных округов проходило в четыре этапа: первым реформы затронули С.-Петербургский округ; в 1815 году – Московский; в 1816 году – Киевский; в 1818 году – Казанский.
- ³ См., например: Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 454. Оп. 1. Д. 426. Л. 10 и др.
- ⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 381. Оп. 1. Д. 712. Л. 1, 4 и др.
- ⁵ См., например: ГАВО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 426. Л. 10 и др.
- ⁶ Андроников Н. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии / Сост. бывшим учителем семинарии и временным преподавателем гимназии Николаем Андрониковым. Кострома, 1874. С. 3.
- ⁷ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 575. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.
- ⁸ ГАВО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 411. Общая сумма месячного жалования архимандрита Алексия за исполнение двух должностей в семинарии равнялась, по мнению писца, составлявшего данную расходную книгу, 47 руб. 66 коп., а в действительности она равнялась 46 руб. 66 коп., т. к. здесь налицо элементарная ошибка счета.
- ⁹ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 728. Л. 1–4; Д. 729. Л. 1–8 и др.
- ¹⁰ Там же. Д. 728. Л. 2 об., 3–4 и др.
- ¹¹ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 14 и др.
- ¹² Инструкция, данная сеньорам Ярославской семинарии Архимандритом Евгением в 1794 году // Ярославские губернские ведомости (ЯГВ). 1888. ч. н. № 28. С. 4.
- ¹³ ГАВО. Д. 454. Оп. 3. Д. 9. Л. 5 об. и др.
- ¹⁴ Там же. Д. 9. Л. 2–5 об.
- ¹⁵ Инструкция, данная сеньорам Ярославской семинарии Архимандритом Евгением в 1794 году // ЯГВ. 1888. ч. н. № 28. С. 4.
- ¹⁶ ЯГВ. 1853. ч. н. № 6. С. 51.
- ¹⁷ Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО). Ф. 196. Оп. 1. Д. 26, Л. 1–5 и др.
- ¹⁸ РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1394. Л. 1–4 и др.
- ¹⁹ Выпускники Костромской духовной семинарии 1816–1897, 1911. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.petergen.com/bovkaloduhov/kossem.html> (дата обращения 17.05.2013).
- ²⁰ Выпускники Костромской духовной семинарии 1816–1897, 1911. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.petergen.com/bovkaloduhov/kossem.html> (дата обращения 17.05.2013).
- ²¹ Малейн И. М. Мои воспоминания. Тверь, 1910. Сам мемуарист в середине XIX века состоял учащимся духовной семинарии, а затем учителем в школе для государственных крестьян в Тверской губернии.
- ²² Малейн И. М. Мои воспоминания. Тверь, 1910 и др.
- ²³ См.: Пушкин А. С. Лицейской годовщине 19 октября 1825 г. // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 248.
- ²⁴ С 1810 года ректор Тверской семинарии и архимандрит Троицкого Макариева Калязина монастыря Тверской епархии.
- ²⁵ Русский архив. 1899. Кн. 2-я. № 6. С. 211. п/с. 3.
- ²⁶ ГАВО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 434. Л. 53.
- ²⁷ Там же. Оп. 3. Д. 9. Л. 2–34 и др.
- ²⁸ 1790–1900 гг. // Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии, 1750–1900 гг. / Сост. Н. В. Малицкий. М., 1902. С. 19–20, 331.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова Н. В. Провинциальное духовенство в конце XVIII – начале XX в.: быт и нравы сословия (на материалах Ярославской епархии): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 22 с.
2. Ворончихина Л. И., Платонова Т. И. Немного о забытых именах: кто является «дедушкой русской химии»? // Фундаментальные исследования. 2004. № 6. С. 34.
3. Ерохин В. И. Николай Федорович Лавров // Лавров Н. Ф. Путеводитель по церквам г. Углича. Углич, 1994. С. 5–7.
4. Знаменский П. В. Духовные школы России до реформы 1808 года. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1881. 807 с.
5. История образования и педагогической мысли: Краткое учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2002. 108 с.
6. История семинарии от момента основания до революции 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kods.kostroma-eparhia.ru> (дата обращения 07.04.2014).
7. Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 170–178.
8. Макарова И. В. Деятельность преподавателей духовных семинарий Владимирской, Костромской и Ярославской губерний (60-е годы XVIII – первая четверть XIX в.): Дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005. 188 с.
9. Петрова Е. А. Алексей Николаевич Островский и Щельково [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ostrovskiy.lit-info.ru> (дата обращения 11.12.2014).
10. Подольская Ж. А. Виды наказаний в учебных заведениях России XIX – начала XX века // Преподавание истории в школе. 2010. № 6. С. 72–73.

11. Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 197 с.
12. Тверская духовная семинария [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://region.tverlib.ru> (дата обращения 18.11.2014).
13. Тимченко М. Ю. Ярославская духовная семинария // Энциклопедия Ярославского края с древнейших времен до 1917 г.: Антология / Под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2009. С. 167.
14. Тимченко М. Ю. К вопросу об истории Ярославской духовной семинарии. 1747–1814 // «Минувшее, сливаясь с настоящим»: IV Тихомировские чтения. Ярославль, 1993. С. 77–79.
15. Тимченко М. Ю. Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник // Ярославские епархиальные ведомости. 1997. № 3–4. С. 7.
16. Тлиф И. Х. Костромские корни В. Розанова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rozanov.kostromka.ru> (дата обращения 08.09.2014).
17. Ушакова Н. Е. Среднее духовное образование Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. Ярославль: Изд-во: «Еще не поздно!», 2009. 246 с.
18. Чернов Г. И. Страницы прошлого. Владимир, 1970. 223 с.
19. Ярославская духовная семинария. История и современное положение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yarseminaria.ru/info> (дата обращения 21.12.2014).

Ierusalimskaya S. Yu., Yaroslavl State University P. G. Demidov (Yaroslavl, Russian Federation)

THEOLOGICAL SEMINARIES OF THE UPPER VOLGA REGION (FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)

The aim of the article is to analyze the history of the seminary of the Upper Volga region in the first half of the XIX century. The author of the article developed a model of regional seminaries' establishment and introduced a wide range of new historical sources on the topic. The significance of the research has a two-tier character: it is important from both educational point of view and from a practical approach as well. The obtained knowledge on the practice and experience of regional seminaries' establishment may be sought after by the founders of contemporary divinity schools. The research provides an in-depth analysis of historical conditions under which seminaries of the Upper Volga region functioned. All Russian tendencies and characteristic features of local experience on seminaries' establishment are studied. Qualitative and quantitative characteristics of seminaries' students and their teaching staff are presented. The seminaries' facilities and resources are described.

Key words: seminaries, high school, Upper Volga region, teachers, graduates

REFERENCES

1. Belova N. V. *Provintsial'noe dukhovenstvo v kontse XVIII – nachale XX v.: byt i nrayv sosloviya (na materialakh Yaroslavskoy eparkhii): Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Provincial clergy in the late XVIII – early XX century: the life and manners of the upper class (on materials of Yaroslavl diocese)]. Ivanovo, 2008. 22 p.
2. Voronchikhina L. I., Platonova T. I. A bit of forgotten names: who is the “grandfather of Russian chemistry”? [Nemnogo o zabytykh imenakh: kto yavlyayetsya “dedushkoy russkoy khimii”?]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2004. № 6. P. 34.
3. Erokhin V. I. Nikolay Fedorovich Lavrov [Nikolay Fedorovich Lavrov]. *Lavrov N. F. Putevoditel' po tserkvam g. Uglicha*. Uglich, 1994. P. 5–7.
4. Znamenskiy P. V. *Dukhovnye shkoly Rossii do reformy 1808 goda* [Spiritual schools Russia before the reform in 1808]. Kazan, Tip. Imperatorskogo un-ta Publ., 1881. 807 p.
5. *Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli: Kraikoe uchebnoe posobie* [The history of education and pedagogical thought]. Yaroslavl, Izd-vo YaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2002. 108 p.
6. *Istoriya seminarii ot momenta osnovaniya do revolyutsii 1917 g.* [The history of the seminary from its inception to 1917 revolution]. Available at: <http://kods.kostroma-eparhia.ru> (accessed 07.04.2014).
7. Leont'eva T. G. Orthodox Culture and seminary life (end of XIX – early XX century.) [Pravoslavnyaya kul'tura i seminariskiy byt (konets XIX – nachalo XX v.)]. *Otechestvennaya istoriya*. 2001. № 3. P. 170–178.
8. Makarova I. V. *Deyatel'nost' prepodavateley dukhovnykh seminariy Vladimirskey, Kostromskoy i Yaroslavskoy guberniy (60-e gody XVIII – pervaya chetvert' XIX v.): Diss. ... kand. ist. nauk* [Activity of teachers of the theological seminaries Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces (60 years of XVIII – the first quarter of XIX century)]. Ivanovo, 2005. 188 p.
9. Petrova E. A. *Aleksey Nikolaevich Ostrovskiy i Shchelykovo* [Aleksey Nikolaevich Ostrovskiy and Shchelykovo]. Available at: <http://ostrovskiy.lit-info.ru> (accessed 11.12.2014).
10. Podol'skaya Zh. A. Forms of punishment in Russian schools of XIX – beginning of XX century [Vidy nakazaniy v uchebnykh zavedeniyakh Rossii XIX – nachala XX veka]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 2010. № 6. P. 72–73.
11. Sushko A. V. *Dukhovnye seminarii v poreformennoy Rossii (1861–1884 gg.): Diss. ... kand. ist. nauk* [Theological Seminary in the post-reform Russia (1861–1884 gg.)]. St. Petersburg, 1998. 197 p.
12. *Tverskaya dukhovnaya seminariya* [Tver Theological Seminary]. Available at: <http://region.tverlib.ru> (accessed 18.11.2014).
13. Timchenko M. Yu. Yaroslavl Theological Seminary [Yaroslavskaya dukhovnaya seminariya]. *Entsiklopediya Yaroslavskogo kraja s drevneyshikh vremen do 1917 g.: Antologiya / Pod red. Yu. Yu. Ierusalimskogo*. Yaroslavl, 2009. P. 167.
14. Timchenko M. Yu. To a question on the history of the Yaroslavl Theological Seminary [K voprosu ob istorii Yaroslavskoy dukhovnoy seminarii. 1747–1814]. “*Minuvshee, slivayas' s nastoyashchim*”: IV Tikhomirovskie chteniya [“The past merging with the present”: IV Tikhomirovskie reading]. Yaroslavl, 1993. P. 77–79.
15. Timchenko M. Yu. Yaroslavl Historical and Architectural Museum-Reserve [Yaroslavskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik]. *Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti*. 1997. № 3–4. P. 7.
16. Tlif I. K h. *Kostromskie korni V. Rozanova* [Kostroma roots of Rozanov]. Available at: <http://rozanov.kostromka.ru> (accessed 08.09.2014).
17. Ushakova N. E. *Srednee dukhovnoe obrazovanie Verkhnego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Medium theological education of the Upper Volga region in the second half of XIX – beginning XX centuries]. Yaroslavl, Eshche ne pozdno! Publ., 2009. 246 p.
18. Chernov G. I. *Stranitsy proshlogo* [Pages of the past]. Vladimir, 1970. 223 p.
19. *Yaroslavskaya dukhovnaya seminariya. Istoriya i sovremennoe polozhenie* [Yaroslavl Theological Seminary. History and current status]. Available at: <http://www.yarseminaria.ru/info> (accessed 21.12.2014).

Поступила в редакцию 10.02.2016

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ОФИЦЕРОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
oficernv@mail.ru

СОВЕТСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ И АКТОРЫ*

Рассматриваются возможности применения теории политического проектирования к советской индустриализации. Освещаются основные элементы теории политического проектирования, важные для анализа процессов модернизации. Рассмотрены внешние и внутренние предпосылки разработки индустриального проекта. Показаны основные политические субъекты советского индустриального проекта, их возможности и сфера деятельности. Обозначаются политические акторы проекта – группы интересов, способные влиять на его процесс и реализацию. Заводские сообщества представлены как акторы советского индустриального проекта, показана их неоднородность и дифференциация, изменение структуры во второй половине 1920-х годов. Коллективные стратегии активного и пассивного протеста показаны как способ социального сопротивления промышленного сообщества реализации советского индустриального проекта. Ленинский призыв рассматривается как средство локализации недовольства старых рабочих. Сделан вывод о начале решающего этапа реализации советского индустриального политического проекта в конце 1920-х годов.

Ключевые слова: теория политического проектирования, политические субъекты и акторы, заводские сообщества, «старые» рабочие, «новые» рабочие, Ленинский призыв, коллективные стратегии

На протяжении последних десятилетий в России наблюдается возрастающий интерес к теории политического проектирования, использованию проектных методов в теоретической и практической деятельности. Многие исследователи выделяют политическое проектирование в самостоятельную область исследований. В России получили признание саратовская и московская школы, анализирующие содержательные, функциональные и институциональные аспекты политического проектирования [1: 10–11]. В 2013 году в Москве была проведена международная научная конференция «Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций», на которой обсуждались вопросы теории и методологии политического проектирования, коммуникативные практики и технологии, субъекты и объекты политического проектирования, модели и практики взаимодействия государства и гражданского общества, проектирование политических идеологий, глобальные и национальные аспекты политических проектов¹.

В 2015 году в Екатеринбурге прошла всероссийская научная конференция с международным участием «Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия», где рассматривались вопросы советской культуры как реализации проекта «модерн», социокультурные основания проекта, основы формирования советской идентичности, формы оппозиции советской идеологии и культуры².

Согласно известному определению, предложенному К. В. Симоновым, политическое про-

ектирование представляет собой «составление научно обоснованных суждений о возможных глобальных, базисных и принципиальных для тех или иных политических систем качественных изменениях, приводящих к существенным политическим трансформациям и занимающих значительный период времени» [10: 150]. М. Н. Грачев предлагает рассматривать политическое проектирование как «деятельность одного или нескольких индивидов либо организаций по созданию, разработке политических проектов» [5: 117]. А. Ф. Афонасова обозначает важное дополнение к определению категории: «...это всегда проектирование в условиях “ключевых неопределенностей”» [1: 11].

Теоретические разработки политического проектирования давно применяются при изучении современных проблем российской модернизации, поэтому нам представляется рациональным использовать их при изучении советской индустриализации.

Вслед за К. Е. Листратовым мы понимаем политический проект как ограниченное во времени целенаправленное изменение отдельной системы с установленными требованиями к качеству результатов, возможными рамками средств и ресурсов и специфической организацией [7: 5]. Индустриализация стала одним из самых масштабных советских политических проектов. Важнейшее значение здесь имеют 1920–1932 годы – период подготовки и первый этап воплощения индустриального дискурса в практике государственной деятельности. Советский ин-

дустриальный политический проект был вызван к жизни как внешними, так и внутренними предпосылками. К числу важнейших предпосылок мы относим потребность советского общества в ликвидации экономической и политической нестабильности после революции 1917 года, доктринальные установки большевиков, экономическую целесообразность индустриализации, потребность общества и власти в целенаправленном изменении социально-политических институтов и многое другое.

При исследовании советской индустриализации как политического проекта нами используется расширенная структурная модель политического проектирования, предложенная А. В. Афонасовой [2: 65]. Остановимся на таких составляющих советского индустриального проекта, как его политические субъекты и акторы.

Субъектом/субъектами жизнедеятельности общества выступают те отдельные лица, группы, корпорации, этносы, движения, государства, общественные и государственные организации и объединения, которые были в состоянии принимать, отстаивать, добиваться реализации общественно значимых решений и нести за них ответственность. Субъект – тот, кто мыслит, познает и действует рационально [6: 58]. Политическими субъектами советского индустриального проекта выступают прежде всего партийные и советские лидеры высшего звена: В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, А. И. Рыков и др., а также государственные институты и общественные организации: ЦК РКП(б) – ВКП(б), СНК РСФСР/СССР и др. Именно они определяли и корректировали цели и задачи, процедуры и правила, этапы и содержание индустриального проекта, преодолевали сопротивление тех или иных сообществ, изыскивали ресурсы и контролировали их использование.

В политическом процессе наряду с субъектами присутствует множество акторов. Под акторами обычно понимаются неочевидные, но, по меткому выражению Н. Н. Козловой, не бессловесные участники процесса. Несмотря на то что акторы действуют по правилам, не ими установленным, они оказывают влияние на результат, на изменение социальной реальности [6: 61]. Таким образом, акторы могут положительно или отрицательно воздействовать на политический процесс и на реализацию политического проекта, способствовать его корректировке. В качестве политических акторов советского индустриального проекта мы рассматриваем различные сообщества, группы, имеющие общие интересы (партийно-политические, заводские, профессиональные и пр.).

Итак, важнейшим политическим субъектом советского индустриального проекта была власть, представленная партийно-государствен-

ными лидерами и государственными органами, определявшими политику и практику индустриализации. Необходимость этого проекта диктовалась как его экономической целесообразностью, так и доктринальными установками большевистского режима. Для лидеров РКП(б) необходимость модернизации России была очевидной, что отразилось в их нормативных документах. Программа РКП(б), принятая 23 марта 1919 года, включала в себя такую важную задачу в экономической области, как обеспечение перехода от мелкой, кустарной промышленности к крупной механизированной индустрии³. Политика индустриализации соответствовала провозглашенному большевиками лозунгу о «диктатуре пролетариата» как форме власти, защищающей интересы рабочего класса, постепенном превращении «крестьянской страны» в индустриальную державу. Восстановление и реконструкция промышленности, создание новых предприятий и социалистических городов должно было стимулировать рост численности рабочего класса, провозглашенного главной опорой власти, ее социальной базой. Декларируемая идея диктатуры городского промышленного пролетариата способствовала легитимации советской власти и ее политических проектов.

Стоит отметить, что, несмотря на убежденность в необходимости модернизации, до середины 1920-х годов среди политических субъектов индустриального проекта не существовало единства мнений о формах и методах проведения индустриализации, ее источниках. Планы и перспективы индустриального развития страны рождались в ходе внутрипартийной борьбы 1920-х годов. Так, некоторые советские лидеры выступали с лозунгами «сверхиндустриализации» – переброски средств, изъятых у кулачества и, частично, у кустарей, на нужды промышленности. Л. Д. Троцкий, например, обосновывал необходимость этого сохранением внешней опасности: «...сгустившееся снова империалистическое окружение и белая горячка фашизма»⁴. По его мнению, основой социалистического хозяйства и его развития были четыре «кита»: диктатура партии, Красная армия как необходимое орудие диктатуры, национализация средств производства и монополия внешней торговли, для сохранения которых необходимо: «Экономить всюду и на всем, урезать до крайности расходы... все это с тем, чтобы поддержать промышленность, снабдить ее необходимыми оборотными средствами»⁵, вкладывать средства в тяжелую промышленность. Некоторые его идеи об ускоренном развитии военно-промышленного комплекса были использованы впоследствии.

В наиболее полном виде теория «сверхиндустриализации» сформулирована Е. А. Преображенским в его «основном законе социалистического накопления», где единственным спасением

для советской страны в условиях враждебного капиталистического окружения становится ускоренная индустриализация путем мобилизации всех ресурсов страны⁶. Его работы вызвали бурную полемику, в том числе и на страницах журнала «Большевик», где Преображенского обвиняли в «безудержном пессимизме» по поводу перспектив развития СССР при «излишне оптимистическом отношении к плановому началу»⁷.

Ф. Э. Дзержинский, совмещавший в 1924–1926 годах посты председателя ОГПУ и ВСНХ, будучи сторонником «разумной индустриализации», также выступал против перекачивания средств из сельского хозяйства в промышленность. Он предлагал разумное сочетание внешних (займы) и внутренних источников индустриализации, предлагал стимулировать комплексное развитие кустарной (для удовлетворения широких потребностей населения) и фабричной промышленности⁸. Представляется, что на его взгляды оказывала влияние деятельность на посту председателя ОГПУ, основной целью которой было обеспечение политической лояльности населения.

Задача индустриализации страны была официально поставлена на XIV съезде партии: «...вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР... представлял собой самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически и способную благодаря своему экономическому росту служить могучим средством революционирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний; готовить по возможности экономические резервы... принимать все меры по укреплению обороноспособности страны»⁹. Таким образом, экономические задачи объявленной индустриализации во многом вытекали из политических, прежде всего из требований внешнеполитической безопасности. На последующих партийных съездах и конференциях поставленный курс на индустриализацию получил свое дальнейшее углубление, базой которого стала идея И. В. Сталина о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. «Военная тревога» 1927 года и усложнение международной обстановки на рубеже 1920–1930-х годов демонстрировали населению правильность взятой партийной линии на реализацию индустриального проекта.

Одной из важных причин изменения индустриальной политики (но не ее конечного результата!) стало влияние акторов проекта – определенных сообществ, действовавших в заводском пространстве и вне его. К числу политических акторов мы относим заводские сообщества и отдельно рабочих, партийные структуры на производстве, профсоюзы и др.

Заводское сообщество понимается не только как совокупность людей, занятых на данном предприятии (рабочих, мастеров, инженеров, администрации), но и как существовавшие между ними многообразные связи, взаимоотношения, противоречия. Главной особенностью заводского сообщества была его неоднородность: социальная (существование нескольких социальных слоев: рабочие, бывшие крестьяне, интеллигенция, дворяне), национальная (наличие в структуре, кроме большинства русских, представителей национальных меньшинств), административная (сосуществование и совместная работа рабочих, мастеров, «старой» и «новой» технической интеллигенции, администрации, в том числе и «красных директоров»), возрастная и профессиональная (высококвалифицированные рабочие, рабочие низкой квалификации, чернорабочие, рабочая молодежь, «новые рабочие»), общественно-политическая («старые большевики», коммунисты «от станка», комсомолы, активные члены профсоюза, бывшие члены «антисоветских партий», индифферентные и т. п.), психологическая (основополагающие стремления «изменить мир» или «изменить себя»).

Эти акторы, в сущности, и должны были обеспечить практическую реализацию индустриального проекта, а власть не могла не считаться с их интересами. Политические интересы были тесно связаны как с первостепенными для всех групп заводского сообщества экономическими интересами, так и с психологическими особенностями личности и группы. Коллективные стратегии заводского сообщества (поддержка власти, демонстрация политической лояльности, протест, эскапизм и апатия) демонстрируют нам возможность его влияния на власть.

Так, подъем забастовочного движения, организованного протеста рабочих в 1923–1924 годах стал одной из причин проведения кампании по поднятию производительности труда и усилению репрессивной деятельности органов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) в экономической сфере [9].

Стоит отметить, что протестное движение было более свойственно «старым», нежели «новым» рабочим. В сентябре 1926 года в Ленинграде состоялось совещание ответственных партработников, на котором было отмечено: «Настроения (недовольства. – *Н. О.*) на заводах обычно бывают у старых рабочих. В волынках Путиловского завода руководителями были старые рабочие... У молодежи есть уравнилельные настроения со старыми рабочими»¹⁰.

К активным формам протеста относится «провал» партийных списков на выборах (в первой половине 1920-х годов), усиление абсентеизма (во второй половине) [8], отказ от участия в мероприятиях власти (демонстрациях и митингах, кампаниях помощи международному пролетариату)

[11], отказ от отчислений и т. д. [3]. Такие формы протеста были характерны для «новых» рабочих и технической интеллигенции.

Протестная стратегия выражалась не только в активной, но и в пассивной форме. Такая пассивность, с одной стороны, была выгодна большевикам, так как не создавала препятствий к внедрению новых, социалистических практик поведения и сохранению их власти на производстве. С другой стороны, всегда существовала опасность перехода рабочих к активным формам протеста, и поэтому «пассивность» всегда отмечалась в документах политического контроля в негативном ключе [8: 146]. Апатия вызывала серьезное беспокойство еще и по причине усиления активности кустарей, «новых» рабочих, служащих, нередко возглавляемых «бывшими людьми», и представляла собой опасность для власти¹¹.

Одним из способов привлечения «старых» рабочих на сторону власти стал Ленинский призыв 1924 года, где они становились первой категорией для пополнения партии. «Старые», квалифицированные рабочие составили большую часть, чем другие группу «ленинцев»¹². Вступление в партию в 1924 году происходило по разным причинам: повышение социального статуса, сохранение рабочего места в условиях безработицы, эмоциональное потрясение от смерти В. И. Ленина и траурных мероприятий и т. д. [4: 181–183]. Став членами РКП(б) во время Ленинского призыва, рабочие, часть мастеров, небольшая часть ин-

теллигенции оказались перед необходимостью строгого подчинения партийной дисциплине, безоговорочного подчинения решениям «сверху», оказания постоянной практической поддержки мероприятиям. Часть «ленинцев» не сразу усвоила новые отношения и новые правила игры. Так, например, информаторы на многих предприятиях СССР отмечали, что «ленинцы голосуют против списка фракции (профсоюза. – Н. О.) на общих с беспартийными собраниях, выступают против отдельных членов партии... участвуют в волынках»¹³. Ленинский призыв стал способом локализации недовольства.

К концу 1920-х годов И. В. Сталиным и его ближайшим окружением были сформулированы стратегические и тактические вопросы, определены цели и задачи, обозначены процедуры и правила советского индустриального политического проекта. Политические субъекты проекта (руководители оппозиции) были отстранены от руководства им, ряд политических субъектов (ОГПУ, профсоюзное руководство) превращаются в акторов, инструменты партии. Заводское сообщество как политический актор упускает возможность воздействия на него. Ликвидация оппозиции внутри партии, насыщение промышленного пространства новыми рабочими, преимущественно лояльными власти, появление слоя советских специалистов, достижение промышленностью уровня развития 1913 года определили начало проведения решающего этапа советского индустриального политического проекта.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00383а (грант «Советский индустриальный политический проект: подготовка и начало реализации. 1920–1932»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: Материалы X Международной научной конференции, Москва, 31 октября – 1 ноября 2013 г.: В 2 ч. / Отв. ред. А. П. Логунов. М., 2013.
- ² Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия: Материалы Международной научной конференции (X Колосницкийские чтения). Екатеринбург, 2015.
- ³ Программа РКП(б) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1981. Т. 38. С. 434.
- ⁴ Троцкий Л. Д. О промышленности // XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 350.
- ⁵ Троцкий Л. Д. О промышленности // Там же. С. 326–327; Троцкий Л. Д. Заключительное слово по докладу «О промышленности» // Там же. С. 415–416.
- ⁶ Преображенский Е. А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Т. 1. М., 1926.
- ⁷ Астров В. Тов. Преображенский «отвечает» // Большевик. 1926. № 21–22. С. 25–40.
- ⁸ Дзержинский Ф. Э. Докладная записка по вопросу о металлопромышленности // Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения: В 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 364–382.
- ⁹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии ВКП(б). 18–31 декабря 1925 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 516–517.
- ¹⁰ Стенограмма совещания по вопросу работы с новыми рабочими от 10.09.1926 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 16. Оп. 1. Д. 209. Л. 10.
- ¹¹ Обзор политико-экономического состояния СССР за апрель 1926 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934. М., 2004. Т. 4. 1926. С. 216.
- ¹² Ленинский призыв: Сборник. М.; Л., 1925. С. 12–13.
- ¹³ Доклад о процессах и уклонах среди Ленинского призыва (по данным с мест в Информационный отдел ЦК РКП(б) до 15 октября 1924 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 60. Л. 29, 34, 42, 48, 53.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афонасова А. В. Проблема адаптации общей теории управления к потребностям анализа политического проектирования // Молодежная политическая наука в Саратове. Наука. Вып. 4. 2013. С. 10–18.

2. Афонасова А. В. Проблема понятия и элементной базы политического проектирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 65–70.
3. Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М.: Собрание, 2006. 286 с.
4. Великанова О. В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 177–185.
5. Грачев М. Н. «Политическое проектирование» и «политический проект»: концептуализация понятий // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: теории и технологии: Материалы «круглого стола» сотрудников и аспирантов Российского государственного гуманитарного университета и Российского университета дружбы народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 117–149.
6. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2006. 544 с.
7. Листратов К. Е. Теоретико-методологические основы управления политическими проектами. М.: Макс-Пресс, 2007. 158 с.
8. Офицерова Н. В. Апатия как жизненная стратегия населения на выборах второй половины 1920-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 145–148.
9. Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 813 с.
10. Симонов К. В. Политический анализ. М.: Логос, 2002. 152 с.
11. Ульянова С. Б. «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. 529 с.

Ofitserova N. V., St. Petersburg Politechnical University (St. Petersburg, Russian Federation)

SOVIET INDUSTRIAL PROJECTS: POLITICAL SUBJECTS AND EXECUTANTS

The article discusses possibilities of applying the theory of political engineering to the process of Soviet industrialization. The main subjects of the Soviet industrial project, its capabilities and the scope of activities are discussed. External and internal preconditions of the Soviet industrial project development are considered. Political executants of the project – interest groups that could influence its process and implementation are identified. The factory community is presented as a single entity of realizers of the Soviet industrial project. The project's heterogeneity and differentiation are revealed. Collective strategies of the active and passive protests are identified as a way of social resistance. Lenin's call is seen as a tool of localizing displeased older workers. A conclusion on the beginning of the decisive stage of industrial realization of the Soviet project in the late 1920s is made.

Key words: Soviet industrial political project, theory of political design, subjects, actors, community factory, old workers, new workers, Lenin's call, collective strategy

REFERENCES

1. A f o n a s o v a A. V. The problem of the General theory adaptation to the analysis of political design [Problema adaptatsii obshchey teorii upravleniya k potrebnostyam analiza politicheskogo proektirovaniya]. *Molodezhnaya politicheskaja nauka v Saratove. Nauka. Vypusk 4*. 2013. P. 10–18.
2. A f o n a s o v a A. V. The problem of the concept and elements of political design [Problema ponyatiya i elementnoy bazy politicheskogo proektirovaniya]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya*. 2013. Vol. 13. № 2. P. 65–70.
3. B o r i s o v a L. V. *Trudovye otnosheniya v Sovetskoj Rossii (1918–1924 gg.)* [Labor relations in Soviet Russia (1918–1924)]. Moscow, Sobranie Publ., 2006. 286 p.
4. V e l i k a n o v a O. V. The image of Lenin in mass consciousness [Obraz Lenina v massovom soznanii]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. 1994. № 2. P. 177–185.
5. G r a c h e v M. N. “Political engineering” and “political project”: the conceptualization of categories [“Politicheskoe proektirovanie” i “politicheskij projekt”: kontseptualizatsiya ponyatij]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 2013. № 3. P. 117–149.
6. K o z l o v a N. N. *Sovetskie lyudi. Ssny iz istorii* [The Soviet people. Scenes from the history]. Moscow, Evropa Publ., 2006. 544 p.
7. L i s t r a t o v K. E. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy upravleniya politicheskimi proektami* [Theoretical and methodological foundations of political projects]. Moscow, Maks-Press Publ., 2007. 158 p.
8. O f i t s e r o v a N. V. Apathy as a vital strategy of the population during election campaigns of the second half of the 1920s. [Apatiya kak zhiznennaya strategiya naseleniya na vyborah vtoroy poloviny 1920-kh gg.]. *Vlast*. 2014. № 5. P. 145–148.
9. P l e k h a n o v A. M. *Dzerzhinskij. Pervyy chekist Rossii* [Dzerzhinsky. The first chekists of Russia]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2007. 813 p.
10. S i m o n o v K. V. *Politicheskij analiz* [Political analysis]. Moscow, Logos Publ., 2002. 152 p.
11. U l ' y a n o v a S. B. “To na skaku, to na boku”: *Massovye khozyaystvenno-politicheskie kampanii v petrogradskoy/leningradskoy promyshlennosti v 1921–1928 gg.* [“Then gallop, then on the side”: Mass domestic political campaigns in Petrograd/Leningrad industry in 1921–1928]. St. Petersburg, Izd-vo Politekhn. un-ta Publ., 2006. 529 p.

Поступила в редакцию 30.11.2015

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА УРОЖАЕВА

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет (Иркутск, Российская Федерация)
olgoy@ya.ru

МОНОГОРОДА В 1980–1990-е ГОДЫ: ЗАРУБЕЖНЫЙ, РОССИЙСКИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Во второй половине XX века с трудностями в развитии моногородов столкнулись практически все промышленно развитые страны. В первую очередь это было связано с научно-техническим прогрессом. Такие проблемы, как закрытие нерентабельных шахт, устаревших заводов и фабрик, приходилось решать Великобритании, Франции, Германии и другим странам Западной Европы. Однако эти вопросы решались там легче, чем в России, так как западные страны имеют высокую плотность населения, и практически само поведение горожан не так жестко было привязано к месту проживания. В результате исследования автор приходит к выводу, что если основным направлением для решения проблем градообразующих предприятий и монопоселений на западе становилась миграция населения к действующему производству, то в нашей стране основным направлением стало перемещение и создание производства с целью приближения его к населению. Цель написания статьи – анализ проблем в развитии моногородов за рубежом и в нашей стране (на уровне региона), а также исследование и сопоставление зарубежного и отечественного опыта решения проблем монопоселений на уровне государства и компаний – собственников градообразующих предприятий. Были использованы различные источники: статьи в центральных, региональных и местных периодических изданиях, статистические данные, монографические исследования, сборники законодательных актов. Развитие социально-производственных структур градообразующих предприятий в Восточно-Сибирском регионе представляло собой переход «от кризиса к кризису». Следовательно, едва оправившись от тяжелой ситуации 1990-х годов, монопрофильные города в нулевые годы были вынуждены проводить антикризисную политику управления, сталкиваясь с перепрофилированием, необходимостью государственной поддержки, ростом безработицы и социального напряжения в целом, оттоком населения. Основными направлениями по решению первоочередных проблем в социально-трудовой сфере моногородов должны стать меры, связанные с повышением конкурентоспособности градообразующего предприятия как главного работодателя; стабилизацией ситуации на рынке труда монопрофильных образований; созданием новых рабочих мест в сфере малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: моногорода, градообразующие предприятия, городская инфраструктура, перепрофилирование

Возникновение монопрофильных городов в мире было вызвано индустриализацией и появлением крупных компаний. Моногорода часто образовывались на базе горнодобывающей отрасли: шахт, карьеров и пр. Позже стали создаваться «города-компании» (в нашей стране – «города-заводы»), которые специализировались на какой-либо отрасли промышленности, имели на своей территории, как правило, одно крупное предприятие. От него напрямую зависела жизнь горожан. Представим себе город, основанный вблизи крупного предприятия. Промышленный гигант давал работу всем жителям, притягивая к себе новых специалистов. Развивалось производство, городская инфраструктура и социальная сфера. Люди были полны энтузиазма, им нравилась работа, свой город, нравилась та жизнь, которая была вокруг. Спустя некоторое время постепенно все начинало рушиться: производство, городская инфраструктура. Жители горо-

да пребывали в глубочайшей депрессии. У них оставалась только одна мечта – уехать.

Города, которые из-за оттока населения несли серьезные демографические потери, становились все более прочным феноменом. В Западной Европе за период с 1995 по 2000 год их число возросло втрое, тогда как общее увеличение городов с населением свыше 100 тыс. чел. составило 2,4 раза. В последние 30 лет большинство городов с убывающим населением находилось главным образом в западных индустриальных странах, в первую очередь в США, Великобритании, Германии и Франции.

В США тяжелая промышленность обеспечивала более половины всех рабочих мест. Экономический рост вызывал приток капиталов и трудовых ресурсов. В 1970–1980-е годы северо-восток страны, включающий города Детройт, Кливленд, Питтсбург, Ньюкасл, стал местом сосредоточения тяжелой промышленности (метал-

лургия, машино- и автомобилестроение), которая долгое время считалась локомотивом экономики США.

Жители г. Флинта трудились на заводах «General Motors», но к началу 1990-х годов в результате банкротства компании от прежних почти 100 тыс. сотрудников осталось лишь 8 тыс. чел. Безработица во Флинте приближалась к 20 %, а население сократилось наполовину – до 110 тыс. чел. Уволенные стали массово переезжать в другие штаты в поисках работы. Город оказался не в состоянии оплачивать коммунальные услуги, и ему грозило банкротство. 40 % территории г. Флинта было решено сровнять с землей. Участь Флинта могли разделить еще 50 городов, в том числе такие крупные поселения, как Детройт и Мемфис [2: 46].

Стратегии борьбы с упадком, выбранные американскими городами, можно разделить на две категории. Одна направлена на поддержку роста, другая – на сокращение расходов. Поддержка роста могла включать в себя создание зон предпринимательства, выделенных муниципалитетом для интенсивного развития. Компании, открывающие там бизнес, получали налоговые льготы или субсидии на каждого нанятого сотрудника [8: 38–39].

В Канаде при освоении ресурсов северных территорий (провинции Квебек, Онтарио, Альберта, Манитоба и др.) города создавались как центры экономической активности прилегающих районов. Практиковался вахтовый метод освоения сырьевых месторождений. В основе регулирования освоения Севера было положено признание потенциального банкротства этих территорий без государственной поддержки. Стратегия закрытия городов и переселения всех жителей при завершении разработки месторождения или прекращении производства получила ограниченное распространение в силу высоких социальных и финансовых издержек. Интересен и поучителен пример г. Тамблер-Ридж (провинция Британская Колумбия), который был основан в начале 1980-х годов для разработки коксующихся углей. В 1998 году компания «Teck Corporation» объявила о закрытии самой большой шахты, что поставило под вопрос существование города. Региональные власти инициировали обсуждение закрытия города, поскольку считали, что в городе не было перспектив. Однако администрация Тамблер-Риджа подготовила долгосрочный план оздоровления городской инфраструктуры. Основная идея плана состояла в обеспечении стабильного предоставления социальных услуг жителям и поддержании транспортной и инженерной инфраструктуры. План получил поддержку региональных властей и был успешно реализован [7].

В Германии Рурский регион сыграл огромную роль в индустриализации страны. Однако с конца

1950-х годов кризис охватил угольную, а затем сталелитейную промышленность. Такие крупные индустриальные центры Рура, как города Бохум, Гельзенкирхен, Дуйсбург, Мюльхайм-на-Руре, Хаген, Оберхаузен и Эссен, оказались в критическом положении. Добыча угля резко упала, многие шахты закрылись. Кризис распространился на другие отрасли региона, связанные с угледобычей, в результате чего быстро увеличивалась безработица. Правительство ФРГ выбрало путь специальной экономической поддержки Рурского региона. Первыми шагами стало выделение дотаций угольной промышленности и субсидирование потребления угля (в первую очередь на тепловых электростанциях) с целью сохранения покупательского спроса на уголь. Важнейшую роль в судьбе Рура сыграл Федеральный закон о реструктуризации и оздоровлении угольной промышленности и угледобывающих регионов (1978 год), в соответствии с которым государство определяло минимально необходимый объем добычи в стране, размеры дотаций, достаточных для безубыточной работы угледобывающих предприятий, субсидий высвобождающимся рабочим и затраты на их переквалификацию [9]. Таким образом, регулирование угольной промышленности, сочетающее использование разных экономических институтов и инструментов, позволило в дальнейшем избежать обвального падения производства.

В начале 1980-х годов особо остро проблема моногородов возникла в Великобритании, в частности в районах, сильно зависимых от угольной и металлургической промышленности. В период с 1981 по 1997 год было закрыто 124 угледобывающих и перерабатывающих предприятия из существующих 130, в результате чего 193 тыс. рабочих лишились своих мест, без работы оказались 25 % работоспособных мужчин [5: 73].

Примерами модернизации могут служить моногорода Кардифф Бэй и Токстет. Город Кардифф Бэй был ранее известен в мире как регион «Доки» – угольный экспортер с десятками тысяч рабочих. В 1987 году была основана компания «Cardiff Bay Development Corporation», основная задача которой заключалась в привлечении частных инвестиций в регион. В 1997 году в Кардифф Бэе был открыт туристический центр. В 2000 году корпорация развития была закрыта. В целом этот проект стал одним из наиболее успешных проектов возрождения городов в Великобритании [6].

Во Франции к концу 1980-х годов завершилась эпоха амбициозных государственных программ военного и гражданского характера. Это существенно сократило объемы финансирования государственного заказа, что поставило под вопрос перспективы дальнейшего развития многих индустриальных центров. Когда в середине 1980-х годов обострился кризис в угледобывающей от-

расли, в упадок пришли города северо-востока страны (Дуэ, Валансьен, Дюнкерк, Бетюн, Кале, Аррас). При поддержке французского правительства в регионе Па-де-Кале была создана дочерняя горнодобывающая компания «Ртогга». Основной целью ее стала организация и развитие в различных регионах страны угольных предприятий. В государственном бюджете отдельной строкой выделялись средства на цели реструктуризации. За период с 1984 по 1993 год фирмой было осуществлено более 200 проектов. Из них 40 % – создание новых предприятий, 50 % – расширение действующих, 10 % – покупка предприятий, оказавшихся в сложном экономическом положении [11: 129–135].

Как показывает зарубежный опыт, формирование институтов развития моногородов сопровождалось целым комплексом государственных и муниципальных мероприятий социальной направленности, среди которых можно выделить следующие: профессиональное переобучение работников и социальная помощь населению; поддержка развития малого бизнеса за счет государственных средств, местных бюджетов и общественных фондов; содействие переселению населения из неперспективных моногородов; совершенствование старой и создание новой инфраструктуры (развитие логистики, коммуникаций, строительство и реконструкция жилых кварталов и т. п.); экологическая санация монопрофильных городов, заключающаяся в рекультивации земель, поврежденных в результате промышленной деятельности.

Проблема моногородов известна практически всем промышленно развитым странам. В первую очередь это было связано с научно-техническим прогрессом. Такие проблемы, как закрытие нерентабельных шахт, устаревших заводов и фабрик, приходилось решать Великобритании, Франции, Германии и другим странам Западной Европы. Однако эти вопросы решались там легче, чем в России, так как западные страны имеют высокую плотность населения, и практически само поведение горожан не так жестко было привязано к месту проживания. Если основным направлением для решения проблем градообразующих предприятий и монопоселений на Западе становилась миграция населения к действующему производству, то в нашей стране основным направлением стало перемещение и создание производства с целью приближения его к населению [4: 56].

После распада системы централизованного планирования и начала приватизации социальная инфраструктура повисла тяжким бременем на российских градообразующих предприятиях. Помимо собственно дополнительных издержек на поддержание жилого фонда, теплоснабжение городов, содержание социальных учреждений и т. д., градообразующие предприятия оказались

гораздо менее мобильными в отношении высвобождения рабочей силы. Как пишет Н. В. Зубаревич, в 1990-е годы многие монопоселения стали «депрессивными зонами, стоящими порой на грани коллапса и социальных волнений», главной причиной чего стала деформация традиционных (сложившихся в советское время) моделей жизнедеятельности градообразующих предприятий [3].

Процесс банкротства и выживания предприятий, наблюдаемый в первое постсоветское десятилетие, для моногородов стал по существу вопросом селекции самих населенных пунктов, часть из которых перестала существовать, а ряд других потерял статус городских поселений. Согласно исследованию Экспертного института РФ, в 1999 году 83 % российских городов с монопрофильной структурой экономики имело на своей территории финансово неблагополучные градообразующие предприятия (показатели рентабельности продаж по чистой прибыли были ниже 10 %) [1]. Вместе с тем именно монопрофильные города в 1990-е годы оставались основой российской экономики (на их долю приходилось порядка 40 % суммарного ВВП). Причем в РФ из 1 095 городов в 1999 году около 440 соответствовали критериям монопрофильных [10: 387].

Экономическая ситуация на градообразующих предприятиях российских моногородов не была обделена вниманием государства. В 1994 году вышло постановление Правительства РФ «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими». Отчасти была реализована разработанная Союзом малых городов РФ и принятая постановлением Правительства РФ № 762 от 28 июня 1996 года «Федеральная комплексная программа развития малых и средних городов РФ в условиях экономической реформы». Рассчитанная на десятилетний период, программа финансировалась лишь в течение четырех лет на уровне 30 % от утвержденных объемов.

По закону РФ «О государственной поддержке градообразующих организаций промышленности», принятому в 2000 году, властные структуры оказались задействованы в разработке мер поддержки и способов вывода градообразующих предприятий из кризиса. В качестве помощи использовались следующие инструменты: субсидии на капитальный ремонт и реконструкцию объектов ЖКХ, находящихся на балансе организации, списание безнадежных долгов по региональным налогам и сборам; предоставление бюджетных и инвестиционных налоговых кредитов. Администрация города могла настоятельно рекомендовать региональным и федеральным властям пересмотреть управленческий состав градообразующего предприятия, разработать план выхода из кризиса или реструктуризации местного производственного объединения.

В 1990-е годы были приняты программы по перепрофилированию деятельности градообразующих предприятий и решению социальных проблем отдельных моногородов Восточной Сибири, например Федеральная целевая программа «Перепрофилирование Байкальского целлюлозно-бумажного комбината». На уровне региона был издан целый ряд законодательных документов, в которых предпринимались попытки решения социально-экономических проблем монопоселений. Здесь уместно упомянуть законы Красноярского края, Иркутской и Читинской областей о фондах выравнивания развития депрессивных территорий, о статусе и границах муниципальных образований (Закон Иркутской области «Об областном фонде выравнивания» и др.).

В связи с тем что многие градообразующие предприятия проводили политику оптимизации и высвобождения избыточной рабочей силы, были изданы многочисленные постановления глав администраций регионов Восточной Сибири о мерах по борьбе с безработицей на территориях с напряженной ситуацией в сфере занятости (Постановление Главы администрации Иркутской области «О порядке оказания финансовой помощи работодателям»). Чтобы снизить уровень безработицы и способствовать мобильности трудовых ресурсов, были изданы документы о предоставлении гарантий и компенсаций жителям, выезжающим из районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним (Положение «О порядке предоставления гарантий и компенсаций жителям Иркутской области, выезжающим из районов Крайнего Севера»).

В Иркутской области был запланирован агломерационный процесс, в который включались Ангарск, Шелехов, возникшие на базе крупных предприятий нефтехимии и цветной металлургии. В первое постсоветское десятилетие эти монопоселения столкнулись с проблемами в развитии транспортной инфраструктуры, инженерно-коммунального комплекса, депопуляции населения. Предполагалось поэтапное объединение этих городов с Иркутском с привлечением значительных федеральных средств.

В конце 1990-х годов был разработан сценарий «Новая индустриализация региона» (до 2010 года) с четким географическим позиционированием. Так, планировалось создание северного промышленного узла на базе монопрофильных городов (Усть-Илимск, Железногорск-Илимский, Усть-Кут), который должен был реализовывать долговременные проекты промышленного освоения Ближнего Севера Иркутской области. Основным ресурсом должны были стать долговременные инвестиции в современные технологии глубокой переработки древесины, интенсификация добычи углеводородов.

В целом развитие социально-производственных структур градообразующих предприятий региона представляло собой переход «от кризиса к кризису». Рыночная трансформация социально-экономических отношений требовала существенной модернизации предприятий, построенных в советский период для нужд плановой экономики. Едва оправившись от тяжелой ситуации 1990-х годов, монопрофильные города Восточной Сибири в нулевые годы были вынуждены проводить антикризисную политику управления, сталкиваясь с перепрофилированием, необходимостью государственной поддержки, ростом безработицы и социального напряжения в целом, оттоком населения.

В свою очередь, программы по переселению имеют серьезные причины, препятствующие их реализации. К ним можно отнести: недооценку прежней жилой площади, смену климатических условий с южных на северные, огромную дистанцию между расселяемым городом и местом переезда, общую низкую мобильность населения.

По нашему мнению, в моногородах и в регионе в целом назначенному руководству следует вести себя по-новому, преодолевать общие для различных социальных групп горожан настроения, такие как чувство «брошенности» властью, апатия, осознание постепенного ухудшения социально-экономической ситуации. Отсюда вытекает важнейшая проблема – необходимость пробуждения у населения социальной активности, способности к самоорганизации, формирования (за счет выпускников вузов) или привлечения «креативного класса» – молодых, активных, целеустремленных руководителей и специалистов, преданных своей малой родине, готовых прилагать реальные усилия к ее возрождению.

Основными направлениями по решению первоочередных проблем в социально-трудовой сфере моногородов должны стать меры, связанные с повышением конкурентоспособности градообразующего предприятия как главного работодателя; стабилизацией ситуации на рынке труда монопрофильных образований; созданием новых рабочих мест в малом и среднем предпринимательстве. В моногородах необходимо также создать условия для бесплатного обучения граждан предпринимательству, государство должно предусмотреть расходы на такой «ликбез».

Государство, в первую очередь в лице Министерства экономического развития, должно работать совместно с крупными корпорациями и региональными властями долгосрочную программу, направленную на сохранение и развитие инфраструктуры монопоселений. Сохранение экономических функций моногородов неразрывно связано с поддержкой городской социальной среды. Насколько эффективными станут проекты развития моногородов, нам еще предстоит оценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. Город и предприятие: хозяин или сателлит? // Муниципальная власть. 2004. № 3. С. 86–90.
2. Джекобе Дж. Жизнь и смерть больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. 154 с.
3. Как спасти российский моногорода? – пресс-конференция Натальи Зубаревич. 19.06.2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/conf/zubarevich> (дата обращения 13.01.2016).
4. Монопрофильные города и градообразующие предприятия: Обзорный доклад. М.: Издательский дом «Хроникер», 2000. 239 с.
5. Норд Д. Города-компании: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 73–77.
6. Паркинсон М. Города-предприниматели и местное финансирование // Евроград. 2000. № 10. С. 15–23.
7. Пьянкова С. Г. Формирование институтов развития монопрофильных территорий: зарубежный и отечественный опыт // Социальные исследования. 2011. № 6. С. 122–127.
8. Ребайн Т. Индустриальный город. Генезис и судьба. М., 2012. 91 с.
9. Реструктуризация градообразующих предприятий: уроки и передовой опыт Западной и Восточной Германии // Исследовательский центр ИПМ, Немецкая экономическая группа в Беларуси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.research.by> (дата обращения 12.01.2016).
10. Урожаева Т. П. Северные города Сибири в 1990-е годы: разные судьбы // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. Иркутск: БГУЭП, 2015. С. 380–389.
11. Экономическое программирование в странах Западной Европы. М.: Наука, 1999.

Urozhaeva T. P., Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

MONO-INDUSTRY TOWNS OF THE 1980-1990-ies: FOREIGN AND NATIONAL EXPERIENCE IN SOLVING SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS

In the second half of the twentieth century, practically all industrial countries faced the problem of single-industry towns' development. The problem was primarily caused by the progress of science and technology. As a result of the developing challenge the United Kingdom of Great Britain, France, Germany and other countries of the Western Europe had to deal with multiple closures of unprofitable mines and old, non-competitive factories. Nevertheless, the Western countries managed to solve this problem with a much less negative repercussion for their population than Russia. This fact can be explained by a much higher population density characteristic of the Western countries and by the living habits of the people who were not so closely tied to the place of residence. As a result of the research, the author comes to a conclusion that the Western countries solved the problem by encouraging migration of the population to the places of effectively functioning industry. In our country, the problem was tackled through the transfer of industrial sites to the places of settlements. The purpose of the article was to analyze the problems of the single-industry towns' development abroad and in our country (in the region). The study is also focused on the comparison of foreign and national experience in solving the problem of mono-settlements at the level of the state and company owners. The study is based on the research of various sources: articles from central, regional and local periodicals, statistics, monographic studies, and collections of legislative acts. Development of the social and industrial structures in the regions of Eastern Siberia represented the ongoing transition "from crisis to crisis". Hardly having recovered from a difficult situation of the 1990s, in the "zero" years, multiple single-industry towns were forced to introduce new anti-crisis policy management. They had to deal with conversion of industrial enterprises, the need for governmental support, rising unemployment and social tensions, and migration. According to the author, the main efforts addressing the most challenging issues in the social and labor spheres of mono cities should be directed at the elevation of competitiveness of the city-forming enterprises; stabilization of the situation on the labor market, monoprofile formations; and creation of new jobs in small and medium-sized business.

Key words: mono industry towns, city-forming enterprises, city infrastructure, redevelopment

REFERENCES

1. Vinogradov V. City and enterprise: the owner or satellite? [Gorod i predpriyatie: khozyain ili satellit?]. *Munitsipal'naya vlast'* [The municipal authority]. 2004. № 3. P. 86–90.
2. Dzhekoobe Dzh. *Zhizn' i smert' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [The life and death of great American cities]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. 154 p.
3. *Kak spasti rossiyskie monogoroda? Press-konferentsiya Natal'i Zubarevich. 19.06.2009* [How to save Russian monocities? Press-conference of Natalia Zubarevich. 19.06.2009]. Available at: <http://lenta.ru/conf/zubarevich/> (accessed 13.01.2016).
4. *Monoprofil'nye goroda i gradoobrazuyushchie predpriyatiya: Obzornyy doklad* [Single-industry towns and township-forming enterprise: overview report]. Moscow, Khroniker Publ., 2000. 239 p.
5. Nord D. City-companies: a historical introduction [Goroda-kompanii: istoricheskoe vvedenie]. *THESIS*. 1993. Vol. 1. Issue 2. P. 73–77.
6. Parkinson M. The city's entrepreneurs and local financing [Goroda-predprinimateli i mestnoe finansirovanie]. *Evrograd*. 2000. № 10. P. 15–23.
7. P'yankova S. G. Formation of institutes of development of single-industry territories: foreign and domestic experience [Formirovanie institutov razvitiya monoprol'nykh territoriy: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt]. *Sotsial'nye issledovaniya*. 2011. № 6. P. 122–127.
8. Rebayn T. *Industrial'nyy gorod. Genезis i sud'ba* [Industrial city. The Genesis and fate]. Moscow, 2012. 91 p.
9. *Restrukturizatsiya gradoobrazuyushchikh predpriyatiy: uroki i peredovoy opyt Zapadnoy i Vostochnoy Germanii / Issledovatel'skiy tsentr IPM, Nemetskaya ekonomicheskaya grupa v Belarusi* [Restructurization of core enterprises: lessons and best practices of Western and Eastern Germany / IPM Research center, German economic team in Belarus]. Available at: <http://www.research.by/> (accessed 12.12.2015).
10. Urozhaeva T. P. Northern Siberia in the 1990s: different destinies [Severnye goroda Sibiri v 1990-e gody: raznye sud'by]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk historical and economic yearbook]. Irkutsk, 2015. P. 380–389.
11. *Ekonomicheskoe programmirovaniye v stranakh Zapadnoy Evropy* [Economic programming in the countries of Western Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1999.

Поступила в редакцию 19.12.2015

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ МЕЛЬНИЧЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Дальнего Востока восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
erralin@yandex.ru

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И КОРОЛЕВСТВО ТАИЛАНД В XXI ВЕКЕ

Рассматриваются российско-тайландские отношения в XXI веке, в том числе отношения последних семи лет, которые не вошли в книгу «Россия – Таиланд: история взаимоотношений (XIX – начало XXI века)». Премьер-министр Таиланда Таксин Чинават был в России в 2002 году. Президент Российской Федерации В. В. Путин посетил Таиланд 21–22 октября 2003 года. Королева Таиланда Сирикит нанесла визит в Россию 2–11 июля 2007 года. Премьер-министр России Д. А. Медведев посетил Таиланд в апреле 2015 года. Переговоры между высшими лицами двух государств привели к заключению соглашений о развитии торгово-экономического и военно-технического сотрудничества и о расширении культурно-гуманитарных контактов. Таиланд становится основным торговым партнером России среди стран АСЕАН. Актуальность статьи и ее цель – показать, что наши традиционные дружественные отношения, установившиеся еще на рубеже XIX–XX веков, продолжают и будут продолжаться в XXI веке. Премьер-министр Таиланда Прают Чан-Оча в интервью корреспонденту ТАСС подчеркнул: «Мы друзья, и наша дружба будет существовать еще столетие и, наверное, не одно».

Ключевые слова: Россия, Таиланд, XXI век, традиции

В конце XX века наметился новый подъем взаимоотношений после визита в СССР премьер-министра Таиланда Према Тинсуланона (1988 год) и ответного визита председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова (1990 год). Празднование в 1997 году столетия установления дипломатических отношений между Россией и Сиамом ознаменовало сохранение и упрочение исторической традиции дружбы двух государств [1]. В июне 1997 года тайландская делегация, возглавляемая председателем Тайного совета при короле Раме IX Пхумипоне Адульдете, бывшим премьер-министром Таиланда, посетила Россию, вела переговоры в Москве, побывала в Санкт-Петербурге. Еще в июне 1996 года в Санкт-Петербурге открылось Консульство Королевства Таиланд. К юбилейной дате была издана книга «Россия – Сиам. 1863–1917. Документы и материалы». Большинство документов в книге из архивов МИД Российской Федерации и Национального архива Таиланда было опубликовано впервые. 5–11 июля 1997 года фестиваль «Дни Таиланда» проходил в Санкт-Петербурге. Эти и другие события показали, что современные отношения России и Таиланда развиваются в самых позитивных традициях.

В начале XXI века имеют место регулярные встречи главы России с королем Таиланда и главами правительств этой страны. Так, в октябре 2002 года премьер-министр Королевства Таиланд Таксин Чинават посетил Россию с официальным визитом. Состоялись встреча и переговоры с президентом Российской Федерации и председателем правительства России. По итогам визита

было принято совместное российско-тайландское коммюнике, подписаны соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений, соглашение о сотрудничестве в области туризма, меморандум о взаимном сотрудничестве в области космических технологий и их применения и другие соглашения.

21–22 октября 2003 года состоялся официальный визит в Королевство Таиланд президента Российской Федерации В. В. Путина. В ходе переговоров была достигнута договоренность о создании Совместного делового совета, были подписаны соглашения о сотрудничестве между Российским союзом промышленников и предпринимателей и Федерацией тайландской промышленности, протоколы о расширении научно-технических и гуманитарных (между министерствами культуры) связей. Был дан импульс политического диалога между двумя странами в последующие годы. Так, министр иностранных дел РФ С. В. Лавров побывал в Таиланде с официальным визитом в декабре 2004 года и в июле 2009 года. «У России и Таиланда близкие или совпадающие позиции по большинству международных и региональных проблем», – подчеркнул С. В. Лавров в интервью газете «Тай Рат» 3 декабря 2004 года.

В лекции в Университете имени Чулалонгкорна в Бангкоке в июле 2009 года С. В. Лавров, в частности, заявил: «Убежден, что есть все основания говорить о налаживании между Россией и Таиландом взаимодействия нового типа, основывающегося на прагматизме и взаимном уважении национальных интересов. В Таиланде

мы видим одного из наших наиболее важных и перспективных партнеров в АТР, с которым готовы и далее активно развивать сотрудничество по всем направлениям, вести совместную работу на международной арене, способствуя тем самым становлению более справедливого и безопасного мира» [2: 221].

Таиланд становится основным торговым партнером России среди стран АСЕАН, он экспортирует в Россию каучук, сахар, фрукты, одежду, рис, рыбную продукцию, автомобили; импорт из России – прокат черных металлов, алюминий, нефть, удобрения [2: 224]. Развитию торгово-экономического сотрудничества между нашими странами уделили большое внимание В. В. Путин и Таксин Чинават во время встреч в Ново-Огарёво 15 октября 2005 года [2: 225] и на Саммите «Россия – АСЕАН» в Куала-Лумпуре (Малайзия) 13 декабря 2005 года [2: 227]. Осуществляется военно-техническое сотрудничество, сотрудничество в области туризма, развиваются культурно-гуманитарные отношения.

В XXI веке регулярно осуществляются контакты в рамках Межпарламентского союза и Межпарламентской организации АСЕАН. В 2000 году парламентарии России участвовали в сессии Межпарламентской организации АСЕАН в Бангкоке. Руководители парламентов двух государств неоднократно встречались на международных форумах в Бангкоке, Москве, Джакарте. В начале XXI века имели место и первые практические шаги по капиталовложению, разрабатывались первые совместные инвестиционные проекты [2: 228–229].

Значительно расширились в XXI веке культурно-гуманитарные контакты России и Таиланда. В июне 2001 года в Бангкоке было подписано соглашение о сотрудничестве между Российской Академией естествознания и Национальным агентством по развитию науки и техники Таиланда. В ежегодном Международном фестивале танца и музыки в Бангкоке постоянно участвовали художественные коллективы из России: Новосибирский государственный академический театр оперы и балета (в 2000 и 2004 годах), Государственный академический театр классического балета под управлением Н. Касаткиной и В. Васильева (в 2001 и 2003 годах), театр «Кремлевский балет» и Президентский оркестр Российской Федерации (2002 год), Московский академический музыкальный театр им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко (2005 год) [2: 238–241] и др. В выступлениях на фестивалях также принимали участие Башкирский государственный театр оперы и балета (в 2006 и 2008 годах), Екатеринбургский оперный театр (в 2009 году). Бангкокский зритель, бангкокские газеты очень высоко оценивали достижения балетного искусства России. Еще 15 сентября 2000 года газета «Bangkok Post» писала: «Пир-

шество для глаз – это подтвердит огромная масса балетных поклонников, наполнивших Таиландский Культурный центр... Нельзя не добавить к общему впечатлению от современного балета, музыки и пения восторг от костюмов» [2: 238–239]. О балете «Спящая красавица» та же газета писала, в частности: «Когда наступает финальная мазурка... истинный знаток уйдет в себе критика и просто сидит и наслаждается разворачивающимся волшебством балета» [2: 238–239].

С большим успехом прошла 13 декабря 2003 года премьера балета «Катя и принц Сиам» в постановке Кремлевского балета с участием Президентского оркестра Российской Федерации. Основой либретто стала история любви принца Чакрабона и Екатерины Десницкой (начало XX века, Чакрабон, сын Рамы V, учился в России).

В декабре 2007 года праздновали 80-летие короля Таиланда Рамы IX Пхумипона Адульядета. В Таиланде в те дни прошли гастроли Мариинского театра оперы и балета. Еще в феврале 2007 года в Бангкоке в программе, посвященной юбилею короля, состоялся концерт Московского камерного оркестра под управлением К. А. Орбеляна. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» неоднократно появлялся материал о праздновании дня рождения монарха [2: 242–243].

Этапным событием стал визит в Россию королевы Таиланда Сирикит 2–11 июля 2007 года. Королева встретила с президентом России В. В. Путиным, посетила Могилу Неизвестного Солдата в Москве, побывала в Храме Василия Блаженного и в музеях Московского Кремля, в Третьяковской галерее, присутствовала на представлении балета «Лебединое озеро» в Большом театре. В Санкт-Петербурге королева посетила Мемориал героическим защитникам Ленинграда, музей-заповедник «Петергоф», Петропавловскую крепость, Эрмитаж, Музей антропологии и этнографии, побывала на крейсере «Аврора» и в Исаакиевском соборе. Королеве Сирикит было присвоено звание Почетного доктора СПбГУ. В книге «От друга», посвященной 110-летию установления дипломатических отношений между Россией и Таиландом и изданной в 2007 году, подчеркивается, что «Королева привезла с собой россиянам добрые пожелания и искренние чувства друзей из Древнего Сиам» [3: 157].

В апреле 2015 года премьер-министр России Д. А. Медведев посетил с официальным визитом Социалистическую Республику Вьетнам и Королевство Таиланд. Накануне визита Д. А. Медведева в Таиланд первый заместитель генерального директора ТАСС Михаил Гусман взял интервью у премьер-министра Таиланда Прают Чан-Оча. «Я жду встречи с российским премьер-министром как с другом, с которым мы познакомились и подружились в Мьянме, – сказал Прают Чан-Оча. – Наши страны дружат больше ста

лет, со времени нашего Пятого царствования, и дружеские контакты продолжают и сейчас». «Помню, – продолжал таиландский премьер-министр, – господин Дмитрий мне сказал в Нейпидо, когда мы говорили о 118-летней дружбе наших стран и народов: мы, как два премьер-министра, вместе построим еще 118 лет этой дружбы! Правильно сказал, мне эта его фраза очень понравилась. Следующее правительство должно будет продолжить эту политику дружбы. Мы друзья, и наша дружба будет существовать еще столетие и, наверное, не одно¹». Далее в интервью Прают Чан-Оча говорил о возможностях расширения торговых и культурных связей, а также военно-технического сотрудничества между нашими странами. «Мы будем создавать таиландско-российский центр по вопросам развития туризма... надо создавать совместные научные организации и компании... создавать совместные фирмы – в финансах... мы заинтересованы в приобретении ваших вооружений²». Эти и многие

другие предложения были подготовлены к предстоящим переговорам. 7–8 апреля 2015 года Д. А. Медведев провел переговоры в Таиланде. Были заключены соглашения в сфере энергетики, о сотрудничестве в области туризма и культуры, по борьбе с оборотом наркотических средств. «Наши страны готовят большой пакет проектов. Надеюсь, все они будут реализованы», – заявил Д. А. Медведев. Премьер-министр Таиланда Прают Чан-Оча отметил, что обе стороны вполне удовлетворены развитием экономических связей и рассчитывают в 2016 году увеличить товарооборот вдвое (с 5 до 10 млрд долларов)³.

На встрече Д. А. Медведева с Прают Чан-Оча в ноябре 2015 года на саммите АТЭС в Маниле были подтверждены достигнутые договоренности.

Добрые, взаимовыгодные, дружественные отношения между Российской Федерацией и Королевством Таиланд должны будут продолжаться и далее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интервью премьер-министра Королевства Таиланд Прают Чан-Оча первому заместителю генерального директора ТАСС Михаилу Гусману // Российская газета. 2015. 8 апреля. С. 17.

² Кузьмин Владимир. С пяти до десяти // Российская газета. 2015. 9 апреля. С. 3.

³ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельниченко Б. Н., Трифонов С. Е. Король Чулалонгкорн в России. Поминавание Его Величества Короля Таиланда Чулалонгкорна. В столетнюю годовщину со дня его смерти в 2010 г. М., 2011. 80 с.
2. Мельниченко Б. Н., Пылева А. И. Россия – Таиланд: история взаимоотношений (XIX – начало XXI века). СПб., 2011. 295 с.
3. От друга: Стодесятилетие установления таиландско-российских отношений. М., 2007. 222 с.

Mel'nichenko B. N., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KINGDOM OF THAILAND IN THE TWENTY-FIRST CENTURY

The progress of international relations between the Russian Federation and the Kingdom of Thailand in the twenty-first century is described in the article. Description of the international relations established between two countries in the previous seven years is also incorporated, even though these relations were not included into the book "Russia – Thailand: the history of relationships (XIX – beginning of XXI centuries)". The Prime Minister of Thailand Thaksin Shinawatra visited Russia in 2002. The President of the Russian Federation V. V. Putin visited Thailand on the 21–22 of October, 2003. Sirikit, the Queen of Thailand, visited Russia on the 2–11 of July, 2007. The Prime Minister of Russia D. A. Medvedev visited Thailand in April of 2015. The bilateral negotiations conducted by the countries' representatives resulted in conclusion of contracts on the development of trade-economic and military-technical cooperation, as well as on the expansion of cultural-humanitarian contacts. Thailand is becoming one of the main trade partners of Russia among ASEAN countries. The purpose of the article is to demonstrate that our bilateral, traditionally friendly relations, having been established at the turn of the XIX and XX centuries, will be continued in the twenty-first century. The Prime Minister of Thailand Prayuth Chan-OCHA in an interview to the correspondent of TASS said: "We are friends and our friendship will exist for yet another century and probably more than one".

Key words: Russia, Thailand, 21th century, tradition

REFERENCES

1. Mel'nichenko B. N., Trifonov S. E. *Korol' Chulalongkorn v Rossii. Pominoventie Ego Velichestva Korolya Tailanda Chulalongkorna. V stoletnyuyu godovshchinu so dnya ego smerti v 2010 g.* [King Chulalongkorn in Russia. Commemoration of his Majesty, of the Thailand king Chulalongkorn. In centenary anniversary from the day of his death in 2010]. Moscow, 2011. 80 p.
2. Mel'nichenko B. N., Pyleva A. I. *Rossiya – Tailand: istoriya vzaimootnosheniy (XIX – nachalo XXI veka)* [Russia – Thailand: the history of relations (XIX – beginning of XX century)]. St. Petersburg, 2011. 295 p.
3. *От друга: Стодесятилетие установления таиландско-российских отношений* [From friend: One hundred and ten years since the date of the Thai-Russian relations' establishment]. Moscow, 2007. 222 p.

Поступила в редакцию 08.02.2016

ГАЛИНА ТОЙВОВНА ТЮНЬ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Дальнего Востока восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tynig@yandex.ru

ИДЕЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МАХАТХИРА МОХАМАДА И МУСУЛЬМАНСКАЯ БАНКОВСКАЯ СЕТЬ В МАЛАЙЗИИ

На протяжении нескольких последних десятилетий Малайзия демонстрирует стабильное и прогрессивное развитие экономики. Эти позитивные изменения в развитии страны начались в период премьерства Махатхира Мохамеда (1981–2003), который был последовательным сторонником идеи глобализации, реформатором в духе этого направления. Он также стремился повысить финансовую грамотность населения через использование исламских банков и привлечение основной массы населения к участию в развитии экономики страны. Исламская банковская система основана на принципах шариата и развивается через совершенствование экономики всего общества. Для Малайзии эта система ценна еще и тем, что она является серьезным конкурентом китайской банковской системы, работающим в духе своих традиций. При этом исламские банки подчеркивают в своей деятельности значение моральных и этических принципов в духе общечеловеческих ценностей и в противовес приоритету доходов без учета морали. Соответственно шариат обеспечивает предоставление кредитов без их оплаты до самого момента получения доходов от полученного кредита, что, разумеется, способствует развитию торговли и системы услуг в стране.

Ключевые слова: малайзийская экономика и финансы, глобализация, Махатхир Мохамед, исламские банки

Идеи глобализации хорошо знакомы в Малайзии благодаря позиции талантливой и успешной премьер-министра 1981–2003 годов Махатхира Мохамеда [8]. Именно в эти годы премьер пропагандировал «азиатские ценности» в противовес западным, возглавлял международное движение неприсоединения – в результате этой политики Малайзия превратилась из страны со слабо развитой аграрной экономикой в одного из «азиатских тигров» 1980-х¹.

Становление Махатхира Мохамеда как общенационального политика происходило в 1960-е – начале 1970-х годов, когда этнические противоречия между китайцами-хуацяо и малайцами вылились в открытое столкновение. Крайне острая конфронтация явилась не чем иным, как кровавым выражением противоречий, назревавших в стране в течение достаточно длительного времени. Вступив в постколониальную фазу, Малайзия оказалась весьма уязвимым государством в смысле развития национального единства и нарастающей угрозы ухудшения межнациональных отношений. Основанием для этого служил колоссальный социально-экономический разрыв между политически доминирующими, но бедными малайцами и экономически развитыми, но политически бесправными китайцами. Начало программы модернизации страны в конце 1960-х годов было положено новой экономической политикой (НЭП – Malaysian New Economic Policy – MNEP) еще при Тун Абдул Разаке (премьер-министр Малайзии в 1970–1976 годах), но продолжалось в течение всего периода премьер-

ства Махатхира Мохамеда. Задачу этой политики М. Мохамед видел в том, чтобы улучшить экономическое положение *bumiputera* (малайцы и местные народы Малайзии) через реализацию равных возможностей в таких областях, как корпоративная собственность и прием малайской молодежи в университеты. На протяжении последних 30 лет, во многом благодаря его усилиям, эти задачи в Малайзии были успешно осуществлены, проводилась Новая экономическая политика (New Economic Policy) (1971–1990) и Национальная политика развития (National Development Policy) (1991–2000). В настоящее время успешно реализуется стратегия превращения Малайзии в современное, высокотехнологичное государство к 2020 году [11]. Реструктуризация малайзийского общества, цель которой состояла в установлении равенства и справедливости, не была чем-то новым. Многие западные идеологи и революционеры пытались изменить общество в своих странах, чтобы, как им казалось, покончить с неравенством и несправедливостью. М. Мохамед с этой целью активно проводил приватизацию государственных предприятий с начала 1980-х годов, что как раз предоставляло не только равные, но и преимущественные возможности для малайцев, а это давало экономические возможности компаниям малайцев-*bumiputera*. Его правительство приватизировало авиакомпании, телекоммуникационные фирмы, ускорив темпы приблизительно до 50 приватизаций в год к середине 1990-х годов. Огромное внимание уделялось инвестициям, среди которых особые права

получали долгосрочные иностранные вложения в экономику страны. Однако при всех созданных условиях благоприятствования малайскому сектору экономики существовали проблемы, без решения которых было сложно реализовать успех в конкуренции с преимуществами *хуацяо*. Одной из таких проблем был финансовый и банковский сектор. Первой идеей М. Мохаммада изменить ситуацию в этих сферах стал «золотой динар» как альтернатива доллару США [12].

В XXI веке старое заклинание универсального прогресса при помощи западных идеологий – социализма и капитализма – окончательно перестало работать. Если нас пугает и приводит в ступор мир в огне, то это только потому, что мы живем – на востоке и юге, так же как и на западе и севере, – в суете и иллюзиях, что азиатские и африканские общества, как и Европа, будут становиться более светскими и инструментально рациональными по мере ускорения экономического роста; что при мертвом и похороненном социализме свободные рынки будут гарантировать быстрый экономический рост и всемирное процветание. «Эти фантазии перевернутого гегельянства всегда скрывали за собой отрезвляющий факт: что динамика и специфические черты западного “прогресса” не могли и не могут быть скопированы или правильно выстроены на не-Западе»². При этом страны Востока тоже стали не только реципиентом, но и источником глобализации, распространяя, к примеру, традиционные ценности ислама, идущие с Ближнего Востока [1]. Одной из сфер распространения специфических исламских ценностей в Малайзии и Индонезии стал именно финансовый сектор, традиционно на протяжении столетий практически полностью находившийся в руках китайцев-*хуацяо*. А «кто владеет финансами, тот владеет страной» – аксиома, известная со времен первых Ротшильдов. Важно также учитывать и тот факт, что большой интерес к услугам исламских финансовых структур сегодня проявляют немусульмане. Это свидетельство высокой конкурентоспособности исламских банков – большинство их клиентов в Малайзии являются представителями китайской диаспоры. Однако современная ситуация в Малайзии, как и в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не может рассматриваться в отрыве от такой сложной и актуальной проблемы, как развитие мусульманского банковского сектора в мире. В 1975 году был всего один исламский банк, а теперь их 200 в 40 странах мира [3: 152]. Процессы глобализации, происходящие в мире, приводят к тесному сотрудничеству стран во всех отраслях жизни. Поэтому для более плодотворных результатов сегодня необходимо учитывать потребности каждой нации, особенно в такой важной сфере, как банковское дело. Деловые контакты между странами все больше

расширяются, ускоряет этот процесс создание международных организаций [7].

На проблемы развития финансовой сферы в современной ситуации указывает то, что Сингапур и Малайзия являются крупнейшими финансовыми центрами мира, а экономики Индонезии и Брунея показывают самые быстрые темпы роста в год. Во всех этих странах исламские банки играют все большую роль в экономике, в Малайзии даже была предложена идея «золотого динара», единой валюты, имеющей золотое обеспечение, которую можно было бы использовать во всех мусульманских странах [12]. В самом деле, распространение исламской банковской системы в Юго-Восточной Азии представляется бесспорным признаком глобализации, несмотря на то что источником является непривычный к этому процессу Запад. Впрочем, исторически процессы глобализации, предшествовавшие ее современной стадии, тоже двигались не из Европы: на раннем этапе – инданизация, распространение индуизма и буддизма, в дальнейшем – распространение ислама и христианства. Понятие «арабы» на протяжении всей истории меняло свое значение. До VII века арабами называли в основном кочевое население Аравийского полуострова, а также население оседлых земледельческих общин южной Аравии и немногих оазисов северных и центральных районов страны. Сопредельные области и страны Ближнего Востока населяли народы, говорившие на разных языках и исповедующие различные религии. Кочевники Аравийского полуострова оказывали постоянное давление на две могущественные империи Ближнего Востока – Византию и Иран. Бедуины группами ушли за пределы Аравийского полуострова и еще в первые века нашей эры образовали на его северных границах небольшие арабские княжества (гассанидов в южной Сирии и лахмидов на границе с Ираком) [1]. В VII веке жители Аравийского полуострова приняли новую религию – ислам, вошли в состав нового арабского мусульманского государства – халифата и начали свои грандиозные завоевания. И только на завершающем этапе – пришедшее с Запада обучение на языках метрополии при колониальном режиме, просветительство, а в конце XIX и в первой половине XX века – антиколониальный патриотизм. Само понятие «малайцы» сложилось лишь в XX веке – исторически жители каждого султаната на полуострове считали себя «отдельными» от соседей. Однако с началом взаимодействия султанатов между собой пришло осознание исторической и культурной общности всех жителей, а вместе с тем и того, что главным фактором, объединяющим их, являются единые малайские и исламские ценности. Именно поэтому понятие «малаец» не может не подразумевать под собой понятия «мусульманин». Это нашло отражение

и в Конституции Малайзии. В параграфе 160 понятие «малаец» включает в себя исповедание ислама, свободное владение малайским языком и соблюдение малайских традиций³.

Таким образом, для сохранения самобытности малайцев в эру глобализации одной из главных задач государства является защита исламских традиций внутри страны, что означает приверженность традиционным исламским ценностям и умеренное, сообразное времени и прогрессу в мире, обновление ислама, его адаптацию к современным реалиям и потребностям общества. Согласно Конституции Малайзии, ислам является официальной религией страны, при этом существует свобода исповедания других религий. Решением всех наиболее важных дел, касающихся ислама, занимается каждый султан в своем штате. В штатах, где главой является губернатор, исламские вопросы переходят под юрисдикцию *Янг ди-Пертуан Агонга* (верховного правителя страны), такими штатами являются: Малакка, о. Пинанг, Сабах, Саравак; особые городские округа: Куала-Лумпур, Лабуан и Путраджая.

Будучи автором концепции «Видение 2020», ставящей целью превращение Малайзии в индустриально развитое государство к 2020 году, Махатхир Мохаммад сумел преодолеть финансовый кризис 1998 года, провозгласив главной задачей в экономике опору на собственные силы. В преамбуле программы это продекларировано следующим образом: «Какую страну можно назвать “абсолютно развитой”? Да, вопрос справедливый. Хотим ли мы быть, как 19 других стран, называющихся “развитыми”? Хотим ли мы быть сравнимыми с Великобританией, Канадой, Нидерландами, Швецией, Финляндией или Японией? Но ведь помимо позитивных сторон, каждая из этих 19 стран имеет и слабые стороны. Давайте не будем копировать их пути развития. Давайте построим уникальную развитую страну»⁴. «Видение 2020» было дополнено идеологией «восточных ценностей» в противовес идеализации вестернизированного образа жизни и экономических принципов. Экономическое усиление Малайзии привело к значительной переоценке собственной роли в мировой политике и экономике. Между тем восприятие азиатских народов Западом во многом оставалось прежним. Так, по словам Маргарэт Тэтчер, «на Западе за многие годы у людей сложились образы и стереотипы, которые высмеивают коренных жителей Азии. Самым печальным из всего, что когда-либо происходило с Азией, была не физическая, а духовная колонизация. Эта духовная колонизация пока еще не полностью искоренена в Азии, общества многих азиатских стран пытаются освободиться от нее» [12]. В качестве же превентивной меры в отношении экономических потрясений, подобных кризису

1998 года, в дальнейшем Махатхир Мохаммад выдвинул «проект золотого динара», который подразумевает создание обеспеченной золотом международной валюты. Именно этот проект положил начало широкому распространению мусульманской банковской сети в Малайзии. М. Мохаммад изложил новые для страны идеи в книге «Малайская дилемма», вышедшей в 1970 году. В ней он впервые публично заявил о существующем экономическом дисбалансе в обществе в пользу местных китайцев [14: 152]. Кроме осознания экономического неравенства, служившего почвой межэтнических конфликтов, у местной политической и интеллектуальной элиты вызвали недоверие закрытость китайской общины, развитие связи китайцев с границей, их инвестиции в экономику КНР. Кроме этого, китайцы являлись серьезными конкурентами в бизнесе, они сумели занять лидирующие позиции в важных сферах национальной экономики и разбогатеть [14: 36]. Сами же китайцы не видели в таком положении ничего предосудительного, оценивая деловые качества членов китайской общины очень высоко и отмечая как национальные достоинства «готовность трудиться, способность адаптироваться к новым условиям, проверенную деловую хватку, умение быстро использовать новые возможности». По мнению А. Г. Ларина, китайцам Малайзии удалось создать своеобразную систему неформальных связей. Эта «сеть» способствовала конфиденциальной передаче деловой информации, а также позволяла, не теряя времени на формальности, основываясь лишь на доверии, мгновенно заключать крупные сделки. Все это в сумме вызвало естественную негативную реакцию со стороны коренного населения, не говоря уже о местных предпринимателях [4: 36]. М. Мохаммад предложил программу действий, которая оказала бы поддержку малайцам для их активного внедрения в экономическую деятельность страны. Это в дальнейшем помогло бы преодолеть несправедливое, с точки зрения малайцев как коренного населения страны, распределение национальных богатств, а также повысить уровень образования, что помогло бы им адаптироваться к реалиям современного мира. Эти цели ставила также и Новая экономическая политика (1965–2000) правительства Малайзии. Одним из важнейших этапов новой программы стало изучение и сохранение малайских традиций, лежащих в основе всей истории Малайзии и ее развития. Создать условия для участия малайцев в основных видах экономической деятельности в стране было легче на словах, чем на деле. Малайцы не обладали коммерческими навыками, не умели обращаться с деньгами [14: 140]. В 1970 году из общего числа квалифицированных специалистов малайцы составляли только 4,9 %. Деньги, в особенности для крестьян-малайцев, были просто средством обращения,

используемым для приобретения необходимых им товаров. Образовательный уровень малайцев был чрезвычайно низок, число выпускников университетов – невелико, а квалифицированных специалистов – и того меньше⁵.

Важной частью НЭП стала программа экономической «малаизации»: во-первых, представители *бумипутра* должны были через 20 лет (1970–1990) управлять не менее чем 30 % общей промышленной и коммерческой деятельности страны (по сравнению с 2,4 % на момент начала реализации НЭП); во-вторых, состав всех секторов экономики страны должен был отражать весь этнический состав населения Малайзии (что предполагало внедрение в сферы промышленности и экономики значительной малайской составляющей). Для достижения этой целевой установки правительство начало политику «бархатной» национализации. Это означало выкуп и реструктуризацию капитала иностранных акционерных компаний через трастовые фонды [15]. В то время учреждения банковской системы Малайзии и банкиры не заботились о том, чтобы способствовать социально-экономическому развитию страны, играть какую-либо роль в реструктуризации общества, банки были чисто кредитными учреждениями. За исключением «Бэнк Мэлэй» (Bank Malay), который был создан, чтобы облегчить малайцам доступ к капиталу, банки не считали себя обязанными предоставлять кредиты бизнесменам-малайцам, стремившимся развивать свое дело. Такие учреждения, как «Народный доверительный совет» (MARA – *Majlis Amanah Rakyat*), который пришел на смену Управлению индустриально-аграрного развития (*Rural Industrial Development Authority*), концентрировались исключительно на развитии мелкого бизнеса и не были способны обеспечить участие малайцев в развитии главных отраслей экономики [14: 36]. Цели НЭПа были очевидны, методы и пути их достижения – нет. В то время в мире еще не существовало модели, которую бы правительство Малайзии могло взять в качестве примера. Практики «позитивной дискриминации» в США еще не существовало, поэтому правительству Национального фронта приходилось карабкаться по непроторенному пути, совершая множество дорогостоящих ошибок [14: 44]. М. Мохамед всегда славился особым стратегическим видением, отождествлялся в народе с такими понятиями, как трудовая этика, индустриализация, реформы в государственном секторе и движение вперед для достижения статуса развитой страны. Предусматривалось, что перестройка социально-экономической структуры и модернизация общества уже через два десятилетия смогут содействовать «созданию единой, социально справедливой и уравненной в экономических возможностях нации». В частности, растущий средний класс *бумипутра* рас-

сматривался как стабилизирующая сила, которая помогала в поддержании нормального политического климата и способствовала снижению напряженности в межнациональных отношениях 80-х годах XX века [14: 37].

Характерным примером прямой помощи малайцам служил уже упомянутый Национальный доверительный совет (*Majlis Amanah Rakyat* – далее НДС), государственная организация, созданная 1 марта 1966 года под эгидой Министерства сельского и национального развития. Целью Совета являлась помощь *бумипутра* в сферах бизнеса и промышленности. Сама организация была создана еще в 1951 году английской колониальной администрацией и называлась иначе – Управлением индустриально-аграрного развития (*Rural Industrial Development Authority (RIDA)*). Целью ее была финансовая помощь малайским крестьянам и сельским жителям. Основной задачей этого агентства стало устранение всякого рода дисбалансов в экономике – регионы Малайзии развивались неравномерно, а роль этнических общин не соответствовала их численному и фактическому социальному положению. Однако ключевой ее деятельностью стала именно в период реформ конца 1960–1970-х годов. Организация успешно работает и сейчас. На данный момент помимо тринадцати офисов в штатах Малайзии НДС имеет 3 представительства за границей – в Лондоне, Вашингтоне⁶ и Александрии⁷.

НДС в период НЭП предоставлял и продолжает предоставлять кредиты предпринимателям – представителям *бумипутра*. Такие кредиты могут быть погашены как в традиционной западной форме, так и путем исламского банкинга – в зависимости от предпочтений заемщика. НДС также предлагает обучающие курсы для предпринимателей, профессиональную переподготовку, консультационные услуги и помощь в маркетинге для предпринимателей, являющихся *бумипутра*. Кроме того, НДС развивает инфраструктуру, создавая мастерские и заводы, которые сдаются в аренду этой категории населения по заниженным тарифам. Такого рода объекты часто строятся в слаборазвитых районах с целью их экономического развития. Сознывая наличие классовых и национальных противоречий, правительство стремилось путем подъема благосостояния жителей отсталых провинций, увеличения общего дохода на душу населения в стране, улучшения систем здравоохранения и образования, расширения сферы наемного труда и осуществления ряда других мероприятий по возможности предотвратить социальные конфликты и способствовать национальной консолидации.

Планы Малайзии не только разрабатывались, но и реализовывались. Как писал Махатхир Мохамед, «Малайзия всегда ориентировалась на свободную рыночную экономику. В отличие от других освободившихся государств, Малайзия не

была подвержена узкому национализму, который приводил к различным вариантам национализации. Малайзия лишь выкупала акции у иностранных предприятий через механизм рынка». Он подчеркивал, что «Малайзия обладает политической волей и умением претворять в жизнь комплексные планы, которые составляют теоретики и плановики, а правительство поддерживает утверждение планов и отвечает за их реализацию перед электоратом» [7: 73]. К 1995 году приватизировалось 50 компаний в год. Из примеров приватизации крупных объектов в середине 90-х годов отметим весьма знаковые объекты – Университет Малайя (*University of Malaya*) и государственное информационное агентство Бернама (*Berita Nasional Malaysia – Bernama*) [13: 57].

Страны Юго-Восточного региона строили новую экономику во многом по нелиберальным принципам: прямолинейный монетаризм, приоритет финансовых услуг над производством и – самое главное – жесткая привязка национальной валюты к доллару. Достаточно сказать, что в начале 1997 года малайзийская Биржа Куала-Лумпура (*Kuala Lumpur Stock Exchange*) была самой активной биржей мира, чьи обороты превышали даже обороты Нью-Йоркской фондовой биржи⁸. Однако для достижения этих успехов потребовалась реализация и других программ. Многие фермеры-малайцы заключали договоры с местными китайцами – владельцами магазинов или хозяевами рисовых мельниц и отдавали им будущий урожай, получая взамен аванс, что позволяло им покрыть свои текущие расходы или подготовиться к посевной. Многие из них были настолько наивны, что даже не требовали, чтобы кредиторы вели какой-либо учет стоимости выращенного ими урожая или товаров, полученных ими в кредит. Они довольствовались тем, что могли получить у лавочника или мельника деньги или товары по мере того, как в них возникла нужда, а кто кому при этом оставался должен – их не интересовало. Их также не заботило то, начислялись ли проценты на свободный остаток принадлежавших им денежных средств, ибо малайцев-мусульман проценты просто не интересовали: взимание процентов запрещено Кораном. Единственное, что казалось им важным, – это легкость доступа к деньгам и товарам [6]. В целом банковская система, созданная в арабском мире, существенно отличается от других банков мира по своим правилам, отвечающим Корану и шариату, что было в сопоставлении с банками *хуацяо* принципиально новым для малайцев.

Приведем несколько исламских правил, обязательных в банковской сфере.

- *Амана* (в переводе с арабского – надежность, честность). В исламском банковском деле *амана* представляет собой ответственное хра-

нение. Банк, не обладая правом распоряжаться предметом хранения, выполняет поручения владельца в отношении данного предмета, взимая за это определенную плату. Помимо этого, банк вправе покрывать за счет владельца расходы, связанные с выполнением его распоряжений⁹.

- *Такафул* (араб. – взаимное предоставление гарантии) – исламское страхование. Система, основанная на принципах солидарности и взаимопомощи, в рамках которой участники договора обеспечивают взаимную поддержку друг друга в случае ущерба, причиненного любому из них (включая, прежде всего, денежное возмещение). По мнению мусульманских правоведов, в отличие от традиционного договора страхования договор исламского страхования (*такафула*) не содержит элементы *гарара* и *рибы*. Классический договор *такафула* должен включать в себя:

- специальный механизм обоюдного разделения рисков и предоставления взаимной гарантии;
- условия участия в договоре, где держатели полисов являются совладельцами фондов *такафула*;

- условия управления, предоставляющие держателям полисов право участия в операциях и право контроля над счетами;

- условия инвестирования, касающиеся использования уплаченных участниками взносов в не запрещенной исламом деятельности;

- условия распределения результатов финансовой деятельности между участниками¹⁰.

Мурабаха представляет собой сделку, при которой банк или иной финансовый посредник приобретает необходимый клиенту актив у продавца и продает его клиенту с отсрочкой платежа. Традиционно такой тип сделок применяется в финансировании торговых операций. Возможно также применение *мурабаха* с целью финансирования частных приобретений, аналогично потребительскому кредитованию. Принципиальным отличием от традиционного кредитования является то, что финансовый посредник должен стать полноценным собственником перепродаваемого имущества, со всеми вытекающими рисками. Более того, клиента, как правило, нельзя заставить купить приобретенную финансовым посредником вещь, хотя возможно требовать возмещения расходов, понесенных в результате продажи актива иному лицу¹¹.

Мудароба – договор, по которому владелец избыточных средств (*рабб ал-мал*) доверяет их лицу (*мударибу*), обладающему возможностями и определенным предпринимательским опытом для их эффективного использования. Доход от средств, пущенных в оборот, распределяется между *рабб ал-малем* и *мударибом* в соответствии с ранее заключенным соглашением о долях. Убытки несет владелец капитала, а *мудариб*

в таком случае не получает вознаграждения за свои усилия. В классическом договоре *мудароба рабб ал-мал* не имеет контроля над управлением проектом¹².

Мушарака (в переводе с арабского – партнерство, соучастие) – в широком значении это договор товарищества. В банковском деле на основе договора *мушарака* между банком и клиентом заключается специальное соглашение, согласно которому полученная прибыль делится между ними в заранее оговоренных долях. Убытки подлежат распределению пропорционально вкладу в капитал. Управление проектом может осуществляться как всеми сторонами, так и одной из сторон. Но обычно в качестве управляющего за дополнительное вознаграждение выступает клиент. При этом любая из сторон может отказаться от права участия в управлении в пользу другого лица¹³.

Кард хасан (в переводе с арабского – добрый заем) – беспроцентный заем, предоставляемый как в благотворительных целях, так и для кратковременного финансирования проектов, могущих принести доход. Заемщик обязан вернуть только заемную сумму в заранее оговоренное время. Если же для займодавца очевидно, что заемщик заведомо не в состоянии возратить долг, то средства, предоставленные в виде *кард хасан*, могут рассматриваться как добровольное или обязательное пожертвование (см.: *закят, садака*). В исламском банковском деле *кард хасан* выступает наряду с *аманой* в качестве формы привлечения средств клиентов¹⁴. Согласно этому договору, клиенты дают банку разрешение использовать данные средства, а банк гарантирует возврат суммы вклада. Выплата клиенту прибыли отнесена на усмотрение банка. При этом клиент может в любой момент забрать свои деньги. Некоторые банки, как и в случае с механизмом *амана*, создают стопроцентный резерв под существующие обязательства банка по сберегательным счетам¹⁵.

Разумеется, населению необходимо было изучать все эти особенности финансовой и банковской сферы по нормам шариата, кроме того, надо было создать категорию финансистов-профессионалов в этой сфере, что привело к развитию системы мусульманского образования в Малайзии. Помимо банковской сферы, мусульманское образование требовалось и в других областях экономики и культуры, безусловно, оно способствовало повышению образовательного уровня и квалификации мусульманского населения [9: 391]. В целом в основе этих перемен лежит продуктивная внутренняя политика, благодаря которой в январе 1997 года был создан Департамент по развитию ислама (*Jabatan Kemajuan Islam Malaysia* (мал.) JAKIM, *Malaysian Department of Islamic Development* (англ.)). Однако становлению этого департамента предшествовало два десятилетия

предварительной подготовки. Главой JAKIM традиционно является премьер-министр страны. За период с 1970 по 1980 год было основано несколько различных институтов по развитию и исследованию ислама:

1. Исламский институт распространения религии (*Да'ват*) и воспитания (1974);
2. Малайзийский Исламский фонд для распространения религии (*Да'ват*);
3. Малайзийский колледж исламских учений;
4. Религиозные средние школы в Сараваке;
5. Исламский исследовательский центр (1971);
6. Школы, где изучаются академические дисциплины наряду с Кораном и религией (*Махаад Тахриз аль-Куран уа аль-Кират*);
7. Министерство образования и координирования исламского воспитания¹⁶.

Помимо общей системы мусульманских колледжей, факультетов и вузов, Национальным банком Малайзии в марте 2006 года был основан Международный центр обучения по Исламским финансам (ИНСЕИФ *International Centre for Education in Islamic Finance INCEIF*). Он представляет собой учебное заведение, основной задачей которого является инвестирование в развитие профессиональных кадров, обладающих навыками опытных специалистов, для поддержки развивающейся индустрии исламских финансов¹⁷. В составе же Международного мусульманского университета был открыт первый и по сей день единственный в мире Институт мусульманского финансового права¹⁸.

Самым важным аспектом деятельности мусульманских банков в Малайзии, разумеется, является их активное участие в работе крупнейших предприятий и финансовых центров. В частности, агентство Бернама сообщило, что Международный центр развития бизнеса и финансов (*International Business and Financial Centre IBFC*) Лабуана – крупнейшего в АСЕАН центра экономического сотрудничества региона – подписало меморандум о сотрудничестве с ИНСЕИФ с целью управления исследованиями по финансовому менеджменту¹⁹. Известный малайзийский политик, султан Перака по имени Назрин Шах, в своем интервью агентству Бернама сказал, что политические деятели должны понимать, насколько надежным компонентом все еще хрупкой финансовой системы планеты являются исламские банки²⁰. Султан Назрин Шах, имеющий должность Королевского патрона Малайзийской исламской финансовой инициативы, приветствует более тесное сотрудничество исламских банков в различных сферах для создания более широких возможностей для бизнеса, упрочения квалификационных блоков всей банковской индустрии, а также расширения сфер ее применения. Он заметил, что «система принципов и ценностей исламского финансирования на основе шариата настолько гибка, что ее

не только ожидают, но и с готовностью примут во всем мире. И этот серьезный аргумент должны не просто признать, но непременно применить для достижения позитивных результатов наши современные политические деятели»²¹.

Весьма активную роль в распространении исламских банков в Малайзии играет Ассоциация исламских банковских институтов Малайзии (АИБИМ) (*Association of Islamic Banking Institutions Malaysia – AIBIM*). Главную привлекательность для производств и населения АИБИМ видит в минимальных налоговых и кредитных ставках, принятых в исламской банковской системе. Именно это приведет к меньшим расходам на банковскую сферу и заставит государственные органы – Министерство финансов (*Finance Ministry*), Королевскую таможену Малайзии (*Royal Malaysian Customs*), Государственный банк Малайзии (*Bank Negara Malaysia*) и Ассоциацию банков Малайзии (*Association of Banks Malaysia*) – усовершенствовать налоговую и таможенную систему и своевременно регулировать свои коммерческие и финансовые механизмы²². «Это позволяет надеяться, что исламская банковская система будет продолжать свою деятельность в направлении снижения банковских процентов и выплат, и повышать качество как банковских сервисов и продуктов, так и обслуживания своих клиентов», – сказал президент АИБИМ Датук Хаджи Мохд Редза Шах в интервью агентству

Бернама. В настоящее время АИБИМ управляет 25 банками, работающими в Малайзии²³.

Таким образом, идеи Мохатхира Мохамеда, как в оценках процесса глобализации, так и в поисках альтернативы доллару США на мировом валютном рынке, нашли свои дальнейшие пути развития в распространении исламской банковской системы в современной Малайзии. 10 апреля 2015 года было подписано решение о сотрудничестве исламского Университета Разака и Казанского федерального университета. Подписи под документом поставили президент UniRazak доктор Мохаммед Забид Бин Хаджи Абдул Рашид и проректор по внешним связям КФУ Л. Латыпов. Меморандум заключен в рамках исполнения перечня поручений по итогам рабочей встречи президента Республики Татарстан Р. Минниханова с представителями Малайзийско-российского консорциума о подготовке технико-экономического обоснования (ТЭО) по созданию исламского банка или исламского банковского окна²⁴. На глобализационный характер этого процесса указывает быстрое распространение исламского банковского сектора не только в Малайзии, но и в таких отнюдь не мусульманских международных финансовых центрах, как Лондон, Париж, Гонконг, Сингапур и Япония²⁵. Это позволяет расширять исламский сектор экономики этих государств, а исламским финансовым структурам обеспечивает роль предпочтительного способа оздоровления мировой финансовой сферы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ http://thelib.ru/books/mahathir_mohamad/put_vpered-read-2.html (дата обращения 2.04.2015).

² Журнал Гефтер. <http://gefeter.ru/archive/14255> (дата обращения 3.04.2015).

³ Undang-undang Malaysia (Конституция Малайзии), доступно на официальном сайте Комиссии по назначению судей Малайзии: <http://www.jac.gov.my/images/stories/akta/perlembagaanpersekutuan.pdf> (дата обращения 5.04.2015).

⁴ Официальный сайт «Видение-2020» (Wawasan 2020): <http://www.wawasan2020.com/> (дата обращения 5.05.2013).

⁵ http://thelib.ru/books/mahathir_mohamad/put_vpered-read-2.html (дата обращения 19.04.2015).

⁶ Официальный сайт Majlis Amanah Rakyat (Национального Доверительного Совета): <http://www.mara.gov.my/> (дата обращения 2.04.2015).

⁷ <http://www.mara.gov.my/pejabat-mara-luar-negara/> (дата обращения 22.04.2015).

⁸ http://thelib.ru/books/mahathir_mohamad/put_vpered-read-2.html (дата обращения 2.04.2015).

⁹ Здесь и далее для разъяснения финансовых терминов использованы материалы словаря информационно-аналитического издания «Islamic Finance Business», посвященного развитию исламского бизнеса в России и в мире: <http://islamic-finance.ru/load/1-1-0-1> (дата обращения 5.04.2015).

¹⁰ <http://islamic-finance.ru/load/1-1-0-1> (дата обращения 5.04.2015).

¹¹ <http://islamic-finance.ru/load/1-1-0-1> (дата обращения 5.04.2015).

¹² <http://islamic-finance.ru/load/1-1-0-1> (дата обращения 5.04.2015).

¹³ <http://islamic-finance.ru/load/1-1-0-1> (дата обращения 5.04.2015).

¹⁴ <http://islamic-finance.ru/load/1-1-0-1> (дата обращения 20.04.2015).

¹⁵ <http://islamic-finance.ru/load/1-1-0-1> (дата обращения 20.04.2015).

¹⁶ Официальный сайт Министерства: <http://www.iiu.edu.my/browse#institute> (дата обращения 20.04.2015).

¹⁷ <http://www.muslimeco.ru/doc/section/study/abroad/inceif/> (дата обращения 7.04.2015).

¹⁸ <http://www.islamic-wealth-management.net/2014/03/malaysia-aibim-expects-new-products.html> (дата обращения 12.04.2015).

¹⁹ <http://labuanibfc.my/list-labuan-ibfc-trust-companies/>; <http://www.labuanibfc.com/> (дата обращения 20.09.2015).

²⁰ <http://finance.bernama.com/news.php?id=1121493> (дата обращения 7.04.2015).

²¹ <http://finance.bernama.com/news.php?id=1116940> (дата обращения 11.04.2015).

²² <http://finance.bernama.com/news.php?id=1116940> (дата обращения 11.04.2015).

²³ <http://www.islamic-wealth-management.net/2014/03/malaysia-aibim-expects-new-products.html> (дата обращения 12.04.2015).

²⁴ <http://finance.bernama.com/news.php?id=1121493> (дата обращения 7.04.2015).

²⁵ <http://islamic-finance.ru/load/1-1-0-1> (дата обращения 20.04.2015); <http://www.muamalat.com.my/downloads/media-room/articles/2015/Article1-Islamic-banking-products.pdf> (дата обращения 5.04.2015); <http://www.islamic-banking.com/> (дата обращения 31.08.2015).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова Д. Глобализация глазами арабо-мусульманского мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2003/07/22/621761/> (дата обращения 4.02.2016).
2. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
3. Ибадов Э. С., Шмырева А. И. Этапы развития исламского банковского дела, характеристика и мировой опыт // Вестник Томского университета. 2015. № 390. С. 150–154.
4. Ларин А. Г. Китай и зарубежные китайцы. М.: ИВ РАН, 2008. 78 с.
5. Мосяков Д. В., Королев А. А. Процессы глобализации: есть ли плюсы для России? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hdirussia.ru/381> (дата обращения 21.03.2015).
6. Махатхир Мохамад. От имени своего народа: Сборник / Вступ. ст. С. Гончаренко. М.: Летопись, 1998. 137 с.
7. Пахомова Л. Ф. Модели процветания. Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия. М.: ИВ РАН, 2007. 355 с.
8. Погадаев В. Феномен личности Махатхира. Политический портрет // Азия и Африка сегодня. М.: Российская академия наук, 2001. № 5. С. 66–68.
9. Тюнь Г. Мусульманское высшее образование в Малайзии и проблемы безопасности // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Северной Африки до Восточной Азии. СПб., 2014. С. 394–398.
10. Тэтчер М. Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира: Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2003. 504 с.
11. Maznah Mohamad. From Nationalism to Post-Developmentalism: The intersection of Gender, Race and religion in Malaysia // Macalester International. 2011. № 12. P. 84.
12. Meera A. K. M. Islamic Gold Dinar. Selangor: Pelanduk Pub., 2002. 97 p.
13. Milne R. S., Mauzy K. Diane. Malaysian Politics Under Mahathir. London: Routledge, 1999. 248 p.
14. Mahathir Mohamad. Achieving true globalisation. Selangor: Pelanduk Publications, 2004. 152 p.
15. Ismail Muhd Salleh, Saha Dhevan Meyanathan. The Lessons of East Asia, Malaysia: Growth, Equity and structural Transformation. Washington: D. C., The World Bank, 1994. 137 p.

Tyun' G. T., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

MAHATHIR MOHAMAD'S GLOBALIZATION IDEA AND MUSLIM BANKING NET IN MALAYSIA

Malaysia has been seen as a stable developing economy for some decades by now. Its progressive development was started during the reign of Mahathir Mohamad, the Prime-Minister of the country (1981–2003). He proved himself as a consistent reformer and a staunch follower of globalization concept. He also worked for the advancement of economic competency in local population through acquisition of basic principles of economic development via Muslim banking system and personal investments into Malaysian economy. Islamic banking is understood as a system of banking business or banking activities that are consistent with the principles of Shari'ah Law (Islamic rulings), which practical application is assistive in the development of Islamic economics. The principles of such banking system are grounded on the importance and dominance of moral and ethical values absolute for all banking operations; understandably, they enjoy a wide universal appeal. Shari'ah banking system does not allow payments or acceptance of interest charges (riba) on money loans. It prohibits any operations or activities that provide profits or services considered contrary to the banking system principles.

Key words: Malaysian economy and finance, Globalization, Mahathir Mohamad, Muslim banking

REFERENCES

1. Arkhipova D. *Globalizatsiya glazami arabo-musul'manskogo mira* [Globalization through the Sight of Arabian Muslim World]. Available at: <http://polit.ru/article/2003/07/22/621761/> (accessed 4.02.2016).
2. Bek U. *Chto takoe globalizatsiya?* [What is Globalization?]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 304 p.
3. Ibadov E. S., Shmyreva A. I. Steps of Banking Business Development, Characteristic and World Experience [Etapny razvitiya bankovskogo dela, kharakteristika i mirovoy opyt]. *Vestnik Tomskogo universiteta*. 2015. № 390. P. 150–154.
4. Larin A. G. *Kitay i zarubezhnye kitaytsy* [China and Foreign Chinese]. Moscow, IV RAN Publ., 2008. 78 p.
5. Mosyakov D. V., Korolev A. A. *Protsessy globalizatsii: est' li plyusy dlya Rossii?* [Process of Globalization: Are there any Positive Points for Russia?]. Available at: <http://www.hdirussia.ru/381> (accessed 21.03.2015).
6. Makhathkir Mokhammad. *Ot imeni svoego naroda: Sbornik* [On behalf of My People]. Moscow, Letopis' Publ., 1998. 137 p.
7. Pakhomova L. F. *Modeli protsvetaniya. Singapur, Malaysiya, Tailand, Indoneziya* [Models for Prosperity: Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia]. Moscow, IV RAN Publ., 2007. 355 p.
8. Pogadaev V. Phenomenon of Mahathir Personal Identity. Political Portret [Fenomen lichnosti Makhathkhira. Politicheskiy portret]. *Aziya i Afrika segodnya*. Moscow, RAN Publ., 2001. № 5. P. 66–68.
9. Tyun' G. Muslim higher education and security problems in Malaysia [Musul'manskoe vyysshee obrazovanie v Malayzii i problemy bezopasnosti]. *Evraziyskaya duga nestabil'nosti i problemy regional'noy bezopasnosti ot Severnoy Afriki do Vostochnoy Azii*. St. Petersburg, 2014. P. 394–398.
10. Tetcher M. *Iskusstvo upravleniya gosudarstvom: strategii dlya menyayushchegosya mira* [The Art of Statesmanship Strategies for a Changing World]. Moscow, Al'pina Publisher, 2003. 504 p.
11. Maznah Mohamad. From Nationalism to Post-Developmentalism: The intersection of Gender, Race and religion in Malaysia // Macalester International. 2011. № 12. P. 84.
12. Meera A. K. M. Islamic Gold Dinar. Selangor: Pelanduk Pub., 2002. 97 p.
13. Milne R. S., Mauzy K. Diane. Malaysian Politics Under Mahathir. London: Routledge, 1999. 248 p.
14. Mahathir Mohamad. Achieving true globalisation. Selangor: Pelanduk Publications, 2004. 152 p.
15. Ismail Muhd Salleh, Saha Dhevan Meyanathan. The Lessons of East Asia, Malaysia: Growth, Equity and structural Transformation. Washington: D. C., The World Bank, 1994. 137 p.

Поступила в редакцию 15.01.2016

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ КИСЕЛЕВ
аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ripli50@yandex.ru

НАЧАЛО ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В КАРЕЛИИ В 1970–1980-х ГОДАХ

На базе неопубликованных ранее материалов Национального архива Республики Карелия впервые рассматривается работа региональных органов ценообразования РК в период с 1970 по 1990 год. Особое внимание уделено их составу, функциям, результатам работы и локальным нововведениям в ценовой практике. Цель исследования – на основе рассмотрения деятельности этих органов определить круг проблем в советской системе ценообразования и проанализировать эффективность способов их решения. Сформированная в советское время бюрократическая система по регулированию цен была малоэффективной, в результате чего с начала 1980-х годов стали вводиться первые договорные цены на товары. Обосновывается вывод о том, что принятые советским правительством меры в области ценообразования были нерешительными и не принесли положительных результатов.

Ключевые слова: плановое ценообразование, застой, перестройка, местные органы ценообразования

В отечественной историографии ценовая практика в СССР подробно рассматривается, пожалуй, лишь в советских экономических работах [2], [4], [6], [8]. В них авторы раскрывают понятие, функции, виды цен в социалистической экономике. Краткий экскурс в историю регулирования цен прослеживается также у современных авторов [1]. Отдельные исследования посвящены политике ценообразования в первые годы советской власти, периоды нэпа и довоенных пятилеток [9]. Однако особенности работы региональных органов ценообразования в последние годы существования СССР до сих пор не рассматривались.

Начиная с 1970-х годов плановое ценообразование преобразовалось в самостоятельную отрасль, независимую от Госплана. Именно в те годы советская система формирования цен обрела свою окончательную форму и почти не изменялась до развала СССР. Государственный комитет цен при Госплане трансформировался в Государственный комитет цен Совета Министров СССР, функции и задачи которого были определены в Положении, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 14 июня 1971 года¹. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 января 1970 года (п. 5²) и Указом Президиума Верховного Совета КАССР от 4 февраля 1970 года³, отдел цен Госплана КАССР был преобразован в отдел цен Совета Министров КАССР, который подчинялся Совету Министров КАССР и Государственному комитету цен Совета Министров РСФСР. Основные задачи отдела были направлены на: а) проведение в республике мероприятий по осуществлению единой политики в вопросах цен, улучшение системы цен и повышение их роли в стимулировании технического прогресса;

б) установление цены на продукцию, которая утверждалась Советом Министров КАССР; в) контроль за соблюдением государственной дисциплины в установлении и применении цен предприятиями, расположенными на территории республики⁴.

Для реализации задач отдел имел право получать данные от предприятий (калькуляции себестоимости, образцы), проводить проверки, разрабатывать преискуранты, отменять незаконно установленные цены. Розничные и оптовые цены утверждались на основании калькуляционных материалов, представляемых предприятиями и организациями республики.

Вторым государственным органом по ценам в КАССР была Межведомственная комиссия цен. Заседания комиссии проводились раз в месяц, а ее персональный состав утверждался Советом Министров КАССР. На заседаниях комиссия заслушивала доклады министерств, ведомств, предприятий и организаций по вопросам ценообразования и соблюдению государственной дисциплины, а также утверждала новые цены и надбавки. Кроме того, комиссия заслушивала отчеты 3-й группы органов по контролю за ценами – городских и районных комиссий, участвующих в комплексных проверках предприятий общепита и розничной торговли. Гор(рай)комиссии формировались при местных райгорисполкомах и сотрудничали в свою очередь с многочисленными комитетами народного контроля. Формировались они сразу же после проведения ежегодных выборов в местные Советы. Для улучшения работы отделом цен в гор(рай)комиссии периодически высылались методические указания, организовывались семинары и совещания.

Кроме вышеприведенных организаций, контрольные функции также исполняли различные

министерства, выполняя для этого ежегодные планы внутриведомственного контроля за правильным применением цен и тарифов. В сложившейся системе контроля очень сложно было разобраться не только обывателю, но и специалистам органов ценообразования. Служащие не могли понять, кто и что будет проверять. Для этого каждый год Госкомитет цен Совета Министров РСФСР составлял достаточно громоздкий сводный план проведения органами ценообразования государственной дисциплины цен. К этому плану прилагалось большое количество приложений, в которых раскрывались названия регионов и предприятий, подлежащих проверке. Такое повышенное внимание со стороны государства к дисциплине цен не случайно. Развитие многоотраслевого промышленного комплекса положительно влияло на экономическое развитие страны, но создавало большие проблемы для системы планового ценообразования. Расширение ассортимента и увеличение количества предприятий требовало полного контроля за соблюдением установленных цен. Именно по этой причине выстраивалась вертикаль из большого количества органов контроля, однако несоблюдение дисциплины цен стало в этот период фактически нормой. В 1969 году из проведенных в Карелии 2169 проверок в 733 случаях были установлены различные нарушения цен. В 1970 году проверки вновь вскрыли факты многочисленных нарушений: из проверенных 175 предприятий торговли нарушения были установлены в 58 магазинах⁵. Объемы нарушений в некоторых районах КАССР были значительно выше среднего процента по РСФСР. Например, в 1975 году в Медвежьегорском районе несоблюдения цен и правил торговли были обнаружены в 16 магазинах госторговли (26,6 %), 10 магазинах потребкооперации (33 %) и 4 предприятиях общественного питания (33 %)⁶. Во многих случаях нарушения цен являлись следствием несвоевременной и некачественной переоценки товаров. В магазинах неправильно применялись надбавки к розничным ценам на товары, неправильно маркировались фасованные товары, часто продавали нестандартную продукцию по ценам, установленным на качественную продукцию. В предприятиях бытового обслуживания распространялась практика бесквитанционного обслуживания, когда недобросовестные работники обслуживали население в обход кассы. В 1971 году было проверено 102 мастерских и ателье, или 17 % от общего числа предприятий бытового обслуживания, из которых 46 предприятий допустили нарушения⁷. Такая неэффективная практика ценообразования и контроля за соблюдением цен прослеживалась по всей стране. В 1970-е годы правительство обратилось за помощью к научному сообществу. Непосредственно для органов ценообразования были разработаны автоматизированные системы обработки информации (АСОИ) и автоматизированные системы управления (АСУ)⁸. Инновационные технологии

могли дать плановому ценообразованию второе дыхание. Однако эта работа не была завершена, так как разработка программ, обучение специалистов требовали большого количества времени и средств. Судя по имеющимся архивным данным и отсутствию упоминаний АСОИ в них, инновации до республики так и не дошли.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета КАССР от 30 ноября 1979 года, отдел цен Совета Министров КАССР был преобразован в Государственный комитет Карельской АССР по ценам. При Госкомитете до апреля 1980 года продолжала работать Междуведомственная комиссия цен. С апреля 1980 года она была упразднена, а ее функции переданы аппарату Госкомитета, состоящему из 10 человек. В целях повышения квалификации работников ежемесячно, за исключением летнего периода, проводилась учеба. На занятиях рассматривались вопросы порядка и практики ценообразования, организации контроля за дисциплиной цен в отдельных отраслях и др. Председатель занимался в школе партийно-хозяйственного актива при Обкоме КПСС. За каждым экономистом был закреплен определенный участок по ценообразованию и несколько отраслей народного хозяйства, по которым он рассматривал проекты цен и осуществлял контроль за правильностью применения цен и тарифов.

Для усиления дисциплинарного контроля были организованы два новых органа. В 1981 году, по примеру Чувашии и Ленинграда, при Госкомцен были утверждены внештатные инспекторы⁹. Количество инспекторов, равно как и количество предприятий, проверенных ими в течение года, было небольшим, поэтому ситуацию по контролю этот новый орган фактически не изменил. Кроме внештатных инспекторов, на помощь районным и городским комиссиям в 1982 году пришли сельские и поселковые комиссии, что существенно сократило объем работы для сотрудников районных комиссий.

В советской экономике цены на товары первой необходимости отличались стабильностью. Государство субсидировало как производителя, так и потребителя, поддерживая для него достаточно низкий уровень цен на эти товары. Однако сформированный в СССР дотационный механизм усиливал инфляционные тенденции. Дефицит финансовых ресурсов для дотирования провоцировал удорожание продукции, что приводило либо к убыточности совхозов и предприятий, либо к дальнейшему росту дотаций [10: 15]. Например, убыточность производства по совхозу «Тепличный», основному поставщику овощей в республике, составляла в среднем 50–60 %, в связи с чем цены на капусту цветную, петрушку, пастернак, салат росли¹⁰. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других низкорентабельных совхозах¹¹. Величина дотаций достигла своего апогея в 1989 году, когда субсидии на продовольственное потребление в государственном бюджете страны составили 1/3 его расходной части [3: 212].

Заметные перемены в ценообразовании начались с началом перестройки. Ключевым документом стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 года № 820 «Об основных направлениях перестройки системы ценообразования в условиях нового хозяйственного механизма»¹². Документ подвергал жесткой критике функционирующую систему ценообразования, признавая, что цены в СССР «выполняли в основном учетно-расчетные функции, не создавая условий для улучшения хозяйственного механизма, повышения эффективности производства и ресурсосбережения».

Для выхода из сложившейся ситуации предлагались меры, направленные на обеспечение демократизации, оптимальное сочетание стабильности и гибкости в установлении цен на продукцию и услуги при одновременном усилении централизованных начал в управлении всем процессом ценообразования. В 1983 году в качестве эксперимента в Карелии стали вводить первые договорные цены на общую сумму 235 тыс. рублей¹³. За год объем выпуска товаров по договорным ценам значительно вырос. Карельское производственное швейное объединение поставило товаров на 480 тыс. руб., а Петрозаводская трикотажная фабрика – на 356 тыс. руб.¹⁴ Динамика роста постоянно шла вверх: 1985 – 1 млн 48 тыс. руб., 1987 – 2 млн 907 тыс. руб. Однако следует признать, что основная масса товаров по-прежнему реализовывалась по государственным ценам. Принятые решения об изменениях в ценообразовании только дестабилизировали и без того сложную ситуацию на потребительском рынке. В 1987 году Карелия в связи с невыполнением планов по госпоставкам вынуждена была закупать много плодо-овощной продукции по договорным ценам. Это резко повысило розничные цены. В то же время республика должна была свою промышленную продукцию (лес, пиломатериалы, бумагу и камень) реализовывать по твердым государственным ценам. В результате происходил неэквивалентный обмен продукцией между регионами страны¹⁵. В создавшейся ситуации из-за слабого авторитета власти неэффективно работал и бюрократический аппарат.

Вышедший в 1988 году Закон «О кооперации в СССР» позволял кооперативам самостоятельно, на договорных началах вести свою работу. Торговая и посредническая деятельность была оптимальным вариантом для многих кооператоров, так как она давала возможности, в рамках острого дефицита, реализовать потребности в сверхприбылях. Цены в коммерческих магазинах формировались с учетом спроса и предложения. При этом цены на товары в таких магазинах практически никем не контролировались, так как еще не было нормативных документов, которые позволяли бы поставить жесткие ограничения по ценам в этой сфере. Монополизм новых фирм и большие доходы дискредитировали

кооператоров в глазах населения. В Петрозаводске и других районах Карелии неоднократно регистрировались поджоги торговых киосков [5: 215]. Однако в 1990 году было принято постановление «О мерах по регулированию цен на товары (услуги), производимые и реализуемые кооперативами населению и организациям на территории КАССР»,¹⁶ согласно которому торговая деятельность кооперативов была ограничена предельными уровнями цен.

С 1990 года коммерческой торговлей стало заниматься государство, открыв специализированные магазины для продажи по коммерческим ценам отдельных видов высококачественных товаров отечественного и иностранного производства. На особо дефицитные товары импортного производства была организована аукционная продажа¹⁷. В этом же году впервые стали вводиться свободные цены на основную промышленную продукцию Карелии. Распоряжение Совета Министров КАССР от 19 сентября 1990 года разрешало предприятиям при расчетах за лесопroduкцию, гранит, мрамор, щебень, гранитные блоки, поставляемые за пределы республики в обмен на продовольственные и строительные товары, применять договорные цены¹⁸. Однако продажа по договорным ценам допускалась только на лесопroduкцию и продукцию из природного камня, которая была произведена сверх установленного плана и государственного заказа.

Аналогичная ситуация была и в сельском хозяйстве. Постановлением Совмина КАССР от 24 сентября 1990 года № 259¹⁹ всем сельхозпредприятиям разрешалось продавать излишки по договорным ценам. При этом подчеркивалось, что вся выручка от реализации указанной продукции должна отражаться на отдельном счете. Использовать эти средства можно было по своему усмотрению, без каких-либо ограничений.

Весной 1990 года Госкомитет КАССР по ценам совместно с исполкомами городских и районных Советов народных депутатов и с участием органов народного контроля должен был в двухмесячный срок провести проверку ранее установленных временных и договорных цен²⁰. Это была последняя проверка Госкомитета КАССР по ценам. 27 сентября Совет Министров КАССР упразднил Государственный плановый комитет КАССР и Государственный комитет КАССР по ценам, переложив исполнение некоторых функций на вновь созданный орган – Государственный комитет по экономике.

Сегодня часто говорят об СССР как о социально справедливым государстве, вспоминая низкие и стабильные цены. Говоря о стабильности цен, люди далеко не всегда понимали, на какие жертвы шло советское руководство для поддержания такой практики. Бывший председатель КГБ СССР В. А. Крючков признавал: «К числу серьезных проблем в нашей экономической политике надо отнести пренебрежение таким важнейшим рычагом, как ценообразование. Существовавшие

цены, словно тяжелый камень, тянули экономику ко дну. Цены не соответствовали реалиям, спросу и предложению, не влияли на производство товаров, порождали спекуляцию [7: 179–180].

До 1991 года правительство предпочитало вводить незначительные и уже запоздалые нововведения в области ценообразования, опираясь при этом на старый строй государственного социализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Информационно-правовой портал «BesPravo» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-zakony/k8a.htm> (дата обращения 15.02.2016).
- ² Там же. Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-praktika/c6b.htm>
- ³ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р–43. Оп. 1. Д. 4. Л. 31.
- ⁴ Там же. Л. 74.
- ⁵ Там же. Д. 12. Л. 16.
- ⁶ Там же. Д. 87. Л. 4.
- ⁷ Там же. Д. 12. Л. 29.
- ⁸ Там же. Д. 121. Л. 43–46.
- ⁹ Там же. Д. 44. Л. 51.
- ¹⁰ Там же. Д. 171. Л. 45.
- ¹¹ Там же. Д. 171. Л. 45.
- ¹² Информационно-правовой портал «BesPravo» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-zakony/x7v.htm> (дата обращения 15.02.2016).
- ¹³ НА РК. Ф. Р–43. Оп. 2. Д. 106. Л. 29.
- ¹⁴ Там же. Д. 135. Л. 42.
- ¹⁵ Там же. Д. 237. Л. 44.
- ¹⁶ Там же. Д. 318. Л. 83.
- ¹⁷ Ленинская правда. 1990. № 71.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р–43. Оп. 2. Д. 318. Л. 59.
- ¹⁹ Там же. Л. 62.
- ²⁰ Там же. Л. 20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братановский С. Н. Правовая организация управления в сфере регулирования цен (тарифов) в Российской Федерации. М.: Директ-Медиа, 2012. 133 с.
2. Гагарина И. С., Португалова О. В. Ценообразование в отдельных отраслях народного хозяйства. М., 1979. 77 с.
3. Гайдар Е. Т. Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2007. 447 с.
4. Гусаров А. С. О системе ценообразования в СССР. М.: Экономист, 1973. 64 с.
5. История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. 244 с.
6. Кантор Л. М. Ценообразование в СССР. М.: Экономист, 1964. 182 с.
7. Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. 480 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/147278/Kryuchkov_-_Lichnoe_delo.pdf (дата обращения 05.03.2016).
8. Обзоры в помощь экономическому образованию специалистов. Ценообразование в СССР в 1966–1970 гг. Вып. 2. М.: Науч.-исследов. институт по ценообразованию, 1984. 73 с.
9. Салимжанов И. К. Ценообразование: Учебник. М.: Крокус, 2007. 304 с.
10. Шохин А. Н. Потребительский рынок. М.: Знание, 1989. 63 с.

Kiselev A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PRICE FORMATION CRISIS BAIL OUT IN KARELIA IN 1970–1980s

On the basis of previously unpublished archival materials found in Karelian National Archives the work of local Karelian authorities in price formation policy in 1970–1990 is considered. Special attention is paid to the composition of financial authorities, their functions, results of their work, and local innovations in developing pricing practice. Based on the analysis of these authorities, we identified problems of the Soviet pricing system and analyzed the ways to solve them. These data suggest that the Soviet bureaucratic system of price regulation was ineffective and couldn't cope with responsibilities assigned to it. As a result, in the early 1980s the practice of introducing the system of negotiated prices was implemented. Nevertheless, new pricing measures undertaken by the Soviet government were rather indecisive and, therefore, didn't bring positive results. Coexistence of free prices with the centralized socialist state system was impossible.

Key words: planned price formation, stagnation, reconstruction, local authorities in price formation

REFERENCES

1. Bratanovskiy S. N. *Pravovaya organizatsiya upravleniya v sfere regulirovaniya tsen (tarifov) v Rossiyskoy Federatsii* [Legal organization of management in the price regulation in the Russian Federation]. Moscow, Direct-Media Publ., 2012. 133 p.
2. Gagarina I. S., Portugalova O. V. *Tsenoobrazovanie v otdel'nykh otraslyakh narodnogo khozyaystva* [Price formation in different sectors of the national economy]. Moscow, Economist Publ., 1979. 77 p.
3. Gaydar E. T. *Gibel' imperii: uroki dlya sovremennoy Rossii* [Empire death: Lessons for modern Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 447 p.
4. Gusarov A. S. *O sisteme tsenoobrazovaniya v SSSR* [About the pricing system in the USSR]. Moscow, Economist Publ., 1973. 64 p.
5. *Istoriya ekonomiki Karelii: V 3 kn. Kn. 2. Ekonomika Karelii sovetskogo perioda (1917–1991 gg.)* [History of Karelian economy: in 3 books, Bk. 2. Karelian economy in soviet period (1917–1991)]. Petrozavodsk, PetroPress Publ., 2005. 244 p.
6. Kantor L. M. *Tsenoobrazovanie v SSSR* [Price formation in the USSR]. Moscow, Economist Publ., 1964. 182 p.
7. Kryuchkov V. A. *Lichnoe delo* [Private file]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 480 p. Available at: http://www.e-reading.club/bookreader.php/147278/Kryuchkov_-_Lichnoe_delo.pdf. (accessed 05.03.2016).
8. *Obzory v pomoshch' ekonomicheskomu obrazovaniyu spetsialistov. Tsenoobrazovanie v SSSR v 1966–1970* [Helpful reviews to economists. Pricing in the USSR in 1966–1970 gg]. Issue 2. Moscow, 1984. 73 p.
9. Salimzhanov I. K. *Tsenoobrazovanie* [Pricing: the textbook]. Moscow, Krokus Publ., 2007. 304 p.
10. Shohkin A. N. *Potrebitel'skiy rynek* [Consumer market]. Moscow, Znanie Publ., 1989. 63 c.

Поступила в редакцию 12.04.2016

УДК 325.2:94(470+571)«.../1939»

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА МИКУЛЕНКО
аспирант кафедры новой, новейшей истории и междуна-
родных отношений факультета истории, социологии и междуна-
родных отношений (ФИСМО), Кубанский государ-
ственный университет (Краснодар, Российская Федерация)
klio-alex@yandex.ru

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И ДЕНЬ РУССКОГО РЕБЕНКА В КОНЦЕ 1920-х–1939 ГОДАХ

Рассматривается проблема «денационализации» детей-эмигрантов и один из способов борьбы с ней – так называемый День русского ребенка (ДРР), входивший в тройку самых значимых эмигрантских праздников наряду с Днем русской культуры и Днем непримиримости. Несмотря на свое позднее возникновение – конец 1920-х годов – он очень быстро стал одним из самых любимых эмигрантских праздников и отмечался вплоть до начала Второй мировой войны практически во всех странах проживания эмигрантов. Исследование основано на архивных документах, хранящихся в так называемом Пражском архиве (ГАРФ, г. Москва), и эмигрантской периодике изучаемого периода. Автор анализирует первопричины возникновения этого дня, задачи, возлагаемые на него эмигрантами, и то, как они трансформировались в течение времени, по мере осознания истинного положения детей, проживавших в эмиграции, и их нужд.

Ключевые слова: российская эмиграция, денационализация, лимитрофные государства, США, национальная идентичность, День русского ребенка

После революции из России в Европу направилось несколько сот тысяч беженцев в поисках лучшей доли. Однако очень быстро выяснилось, что международное законодательство было не в силах урегулировать все правовые аспекты, связанные с положением эмигрантов в странах-реципиентах, и, в первую очередь, наиболее незащищенными оказались дети из-за практически полного отсутствия международной системы, необходимой для оказания им помощи. Поэтому в первой половине 1920-х годов неоднократно поднимался вопрос о необходимости принятия мер, направленных на защиту детей, что привело в 1924 году к подписанию Женевской декларации прав детей¹, которая впоследствии стала основополагающей для различных конвенций и деклараций о правах детей, принятых после Второй мировой войны. Поэтому изучение достаточно узких аспектов истории российской эмиграции позволяет лучше понять основу многих международных законов, направленных на защиту детей. А это, в свою очередь, позволит сделать все возможное для предотвращения возникновения подобных ситуаций в будущем.

В отечественной историографии достаточно мало внимания уделялось такому значимому для эмигрантов празднику, как День русского ребенка [5]. Как правило, исследователи больше внимания уделяют Дню русской культуры [2], [4]. Однако День русского ребенка играл и играет значительную роль в жизни эмигрантов, например в США, он проводится до сих пор, а все собранные деньги перечисляют на нужды детей в российские детские дома [3]. Поэтому целью данной работы является освещение такой малоизученной темы, как День русского ребенка в жизни эмигрантов первой волны.

В период экономического кризиса 1930-х годов российские эмигранты одними из первых ощутили на себе его последствия, рикошетом отразившиеся и на детях-эмигрантах². Становилось все труднее получать государственные денежные дотации для борьбы с «денационализацией» (от фр. *denationalisation* – утрата национальных особенностей (культуры, языка)) [1: 272], а иностранные пожертвования ежегодно сокращались³. В этих условиях оказание помощи детям стало делом самих эмигрантов.

Первоначально Российское зарубежье отдавало приоритет в борьбе за сохранение национальных особенностей русским национальным школам. Однако из-за нехватки денежных средств или политики правительств стран-реципиентов, направленной на ликвидацию русскоязычных учебных заведений, большинство из них закрывалось [6: 335]. На смену им пришли дополнительные занятия русским языком, литературой и историей. Несмотря на их высокую практическую пользу в борьбе за сохранение национальной идентичности в условиях эмиграции, они имели существенный недостаток: вызывали большую утомляемость учащихся, что негативно отражалось на восприятии детьми материала и посещаемости, а впоследствии вызывало и неприязнь ко всему, что было связано с Россией. Именно поэтому для эмигрантов было важно, чтобы День русского ребенка стал национальным праздником и занял важное место в борьбе с «денационализацией» наряду с Днем русской культуры и Днем поминовения (Днем поминовения жертв русской революции или Днем непримиримости).

Идея проведения Дня русского ребенка возникла в Праге в 1928 году. За его основу был взят

День белой ромашки, существовавший в России с 1910 года⁴ [5: 138], [7]. В этот день было принято продавать ромашки или любые другие белые искусственные цветы, а все вырученные деньги шли на нужды детей, больных туберкулезом. День белой ромашки и День русского ребенка были приурочены к Благовещению – 25 марта (7 апреля по новому стилю)⁵. Однако основная цель этого дня в условиях эмиграции заключалась в борьбе с прогрессирующей «денационализацией», поиске дополнительных средств и привлечении внимания к моральному и материальному положению детей, проживавших в эмиграции.

Подчеркивалось, что каждому русскому вне зависимости от того, были у него свои дети или нет, необходимо было осознавать свою ответственность за всех русских детей за границей, иначе в силу физической и моральной слабости они подвергались «денационализации», что впоследствии приводило к полной ассимиляции. Первоначально предполагалось, что в этот день будет показываться истинное положение детей в условиях эмиграции и проводиться агитационная работа по оказанию им посильной помощи. Кроме того, в ДРР представители Русского зарубежья могли обращаться к иностранцам для привлечения денежных средств, не показывая при этом своего тяжелого материального положения.

Для координации действий всех стран-участниц был учрежден Центральный комитет Дня русского ребенка в Праге, располагавшийся там вплоть до начала Второй мировой войны⁶. В состав Центрального комитета входили представители Педагогического бюро по делам средней и низшей школы, Объединения земских и городских деятелей (Земгора), Всероссийского союза городов, Союза академических организаций за границей [5: 140]. Кроме того, существовал и Центральный фонд ДРР, распределявший денежные средства между странами, где положение детей было особенно тяжелым, однако в силу ряда причин самостоятельно собрать необходимую денежную сумму для оказания помощи не представлялось возможным⁷. Председателем Центрального фонда был избран князь П. Д. Долгоруков. В разное время его членами были: Н. Цуриков, А. Жекулина, А. Бем, П. Скачков, Е. Шимановский, В. Дубиненко, В. Винокуров, Н. Максинович [5: 141]. Во многих странах организовывались местные временные или постоянные Комитеты Дня русского ребенка, состоявшие из представителей эмигрантских благотворительных организаций, общественных деятелей и иностранных меценатов. Однако в Польшу вплоть до начала Второй мировой войны функции Комитета ДРР выполняло местное Русское благотворительное общество⁸. В его обязанности входило ежегодное устройство Дня русского ребенка и распределение собранных средств, так как местные Комитеты были совершенно независимы в своей финансовой деятельности. Однако,

как правило, не менее 10 % от собранной суммы направлялось в Центральный фонд ДРР, где они уже распределялись по мере необходимости⁹. Наибольшая часть денег в Центральный фонд поступала из Китая, Чехословакии и США, так как именно в этих странах праздник получил наиболее широкое распространение.

День русского ребенка со сбором на нужды детских учреждений впервые был проведен 7 апреля 1929 года. Из 12 стран-участниц (Бельгии, Болгарии, Италии, Латвии, Литвы, Норвегии, Польши, Финляндии, Франции, Чехословакии, Эстонии и Югославии) в Центральный Фонд ДРР поступило 38 384 французских франков, а в 1930 году – 38 000. Собранные средства были направлены на поддержку 24 детских учреждений, находящихся в разных странах¹⁰.

Первоначально предполагалось, что денежные средства будут расходоваться исключительно на культурно-просветительскую работу и борьбу с «денационализацией» с помощью дополнительных занятий по Закону Божьему и другим русским предметам, обустройства детских библиотек и снабжения необходимой литературой, устройства детских садов, площадок, организации экскурсий и праздников, как религиозных, так и светских. Однако оказывать помощь детям-эмигрантам приходилось не только в духовном, но и в материальном плане: устраивать бесплатные обеды и прикармливания для малышей (например, молоком), раздавать одежду, обувь, лекарства, организовывать летние детские площадки, отправлять детей в санатории и т. д.¹¹

Существовало несколько основных способов сбора средств на нужды детей – церковные тарелочный и кружечный сборы, через подписные листы, продажа специально издававшихся однодневных газет, устройство благотворительных лотерей, спектаклей, детских праздников под девизом – «Дети – детям» и т. д.¹² Такому успеху Дня русского ребенка способствовало наличие во многих странах временных и постоянных Комитетов ДРР, координировавших свою деятельность с Центральным комитетом, находившимся в Праге.

В большинстве своем День русского ребенка приурочивали к Благовещению, однако, например, в Нью-Йорке и в некоторых других городах США его отмечали в 3-ю субботу октября¹³. Все собранные в этот день средства отправляли в Центральный фонд ДРР, который распределял их между нуждающимися странами.

Во многих странах День русского ребенка начинался с молебна в церкви и торжественных речей¹⁴. Часто инициаторами организации праздника выступали непосредственно сами приходские советы. Как правило, сценарий проведения Дня русского ребенка в разных странах был схож и зависел только от материальных возможностей и желаний организаторов. Программа включала в себя танцевальные этюды (балетные сценки и постановки русских народных танцев), декламование стихов, выступления струнных оркестров.

стров, постановку «живых картинок», например, посвященных трагической гибели царской семьи. После праздничной программы устраивали танцы, благотворительные лотереи, детские и взрослые буфеты и другие мероприятия. Входной билет, как правило, стоил 3 франка.

В Сан-Франциско впервые День русского ребенка прошел в апреле 1932 года. Все собранные деньги были отправлены в Центральный фонд ДРР на нужды детей-эмигрантов, проживавших в Европе. Праздник открывал американский гимн, далее следовали выступления детей с номерами в виде балетных сценок под руководством Н. Н. Ермоловой, русских народных танцев, декламирования стихов, сенок по мотивам произведений великих русских писателей, например И. С. Тургенева или Н. В. Гоголя. После представления были организованы танцы. Кроме того, Дамским обществом Скорбященского собора была устроена благотворительная лотерея с главным призом в виде золотого браслета. Традиционные буфеты для детей устраивались Д. В. Зайцевой, для взрослых – сестрами Свято-Троицкого собора.

С 1934 года в Сан-Франциско Общество помощи детям русской эмиграции стало издавать ежегодный журнал – «День русского ребенка». Председателем редакционной коллегии являлся Н. В. Борзов. Все авторы, к которым обращались с просьбой о сотрудничестве, охотно соглашались. Среди них были К. Д. Бальмонт, И. А. Бунин, В. В. Корсак, И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский и многие другие. Вся прибыль от продажи тиража шла на нужды детей-эмигрантов. Расходы на издание полностью покрывались от размещения платных объявлений и добровольных пожертвований. Стоимость экземпляра журнала, вне зависимости от его объема и тиража, оставалась неизменной и составляла 25 центов. А в Нью-Йорке ко Дню русского ребенка выпускались специальные почтовые открытки с изображением детей и стихотворением об их тяжелом положении в условиях эмиграции¹⁵.

В лимитрофных государствах День русского ребенка проходил с 1929 года и был весьма популярен среди эмигрантов вплоть до начала Второй мировой войны. Например, в Литве День русского ребенка проходил с благословения митрополита литовского и виленского Елевоерия. В этот день во всех православных храмах производился сбор в пользу Фонда ДРР. Кроме того, в течение всего года принимались пожертвования через редакцию «Голоса Литовской православной епархии». В 1937 году праздник совпал с годовщиной смерти А. С. Пушкина, поэтому в память о великом русском поэте Комиссия по организации Дня русского ребенка рассылала по приходам его портреты, избранные сочинения

и материалы о пушкинских днях для библиотек. Всего по приходам и школам было разослано 50 экземпляров сочинений поэта, 100 его портретов, около 500 юбилейных пушкинских изданий и 1 000 листовок о Дне русского ребенка. В Финляндии в 1938 году праздничный концерт, приуроченный ко Дню русского ребенка, прошел в доме престарелых, где на государственном обеспечении находились русские старики, когда-то бывшие состоятельными коммерсантами, аристократами, военными, священниками, учителями, нянями, портнихами и лишившиеся всего после революции. В этот день дети из русской школы и детского сада в возрасте от 5 до 14 лет устроили благотворительный концерт. Открывали его коллективным исполнением песни «Коль славен господь в Сионе...», после чего начинались сольные номера с декламированием стихов, рассказами о России, самые маленькие пели хором и танцевали балетные сценки. Участники выступали в традиционных русских нарядах, изготовленных заведующей детским садом. Многие номера повторяли по 2–3 раза на бис. Заканчивалось мероприятие выступлением 14-летнего воспитанника русской школы, продекламировавшего «Огненный Цвет». Зрители были в восторге, они плакали, целовали детей, угощали их яблоками и конфетами¹⁶. А в Латвии специально к этому дню выпускали листовки под названием «Детский уголок». Первый выпуск составил 1 000 экземпляров и был посвящен Рождеству Христову, второй выпуск – Благовещению, третий – двадцатилетию независимости Литвы. Листовки планировалось выпускать периодически 3–4 раза в год, они пользовались спросом у населения¹⁷.

Таким образом, День русского ребенка играл важную роль в жизни эмигрантов в межвоенный период. Впервые он был проведен в конце 1920-х годов и в течение нескольких лет стал одним из наиболее ярких и любимых праздников российских эмигрантов, наряду с Днем русской культуры, получив широкое географическое распространение. Первоначально он возник для сбора средств на нужды детей-эмигрантов, так как получать средства от иностранных меценатов (частных или государственных) становилось все труднее, а рассчитывать на собственные силы – невозможно. Планировалось оказывать помощь детям только в духовно-нравственном и культурном плане, однако очень быстро стало очевидно, что дети нуждаются и в материальной поддержке – питательной и вещевой помощи. Кроме того, другой первоочередной задачей Дня русского ребенка была борьба с массовой «денационализацией» детей-эмигрантов, которая ежегодно становилась все заметнее, вопреки всем мерам, принимаемым для ее предотвращения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Geneva Declaration of the Rights of the Child. 26 September 1924 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un->

- documents.net/gdrc1924.htm (дата обращения 25.12.2015).
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–5785. Оп. 3. Д. 42. Л. 1.
 - ³ Меч. 1938. № 15. С. 6.
 - ⁴ ГАРФ. Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 60. Л. 70.
 - ⁵ ГАРФ. Оп. 3. Д. 3. Л. 32–33.
 - ⁶ ГАРФ. Оп. 1. Д. 37. Л. 84.
 - ⁷ Меч. 1935. № 12. С. 6.
 - ⁸ Меч. 1938. № 15. С. 6.
 - ⁹ ГАРФ. Л. 149; Д. 38. Л. 17.
 - ¹⁰ ГАРФ. Д. 37. Л. 64, 79, 113.
 - ¹¹ ГАРФ. Д. 38. Л. 16.
 - ¹² ГАРФ. Оп. 3. Д. 42. Л. 2.
 - ¹³ ГАРФ. Д. 30. Л. 2–5.
 - ¹⁴ ГАРФ. Оп. 1. Д. 38. Л. 17.
 - ¹⁵ ГАРФ. Д. 60. Л. 42–101.
 - ¹⁶ ГАРФ. Оп. 3. Д. 10. Л. 4–2.
 - ¹⁷ ГАРФ. Д. 3. Л. 1–10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочарова З. С. Феномен зарубежной России 1920-х гг. Т. 2. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 408 с.
2. Волошина В. Ю. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013. 437 с.
3. День Русского Ребенка в Сан-Франциско [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ksors.org/russian-childrens-welfare-society/> (дата обращения 25.12.2015).
4. Кудряшова С. К., Дерюга В. Е. Национальные праздники как источник сохранения русской культуры в условиях эмиграции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/letnie-detskie-ploschadki-kak-faktor-razvitiya-natsionalnogo-samosoznaniya-detey-emigratsii-20-30-e-gg-hh-v> (дата обращения 25.12.2015).
5. Петрушева Л. И. Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День Русского Ребенка (конец 1920-х – 1930-е гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). М.: Изд. центр ИРИ, 1999. С. 138–149.
6. Седова Е. Е. Деятельность русских учебных заведений в Европе в военное и послевоенное время // Нансеновские чтения 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 335–348.
7. Ульянова Г. Как белые цветы помогли больным туберкулезом [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=111%3A2014-09-17-13-11-41&catid=38%3A-books&Itemid=60&lang=ru (дата обращения 25.12.2015).

Mikulenok A. A., Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

RUSSIAN EMIGRATION AND THE DAY OF THE RUSSIAN CHILD (END OF 1920s–1939)

The article deals with the problem of denationalization of the Russian-speaking children in Poland during the pre-war period. The utilized methods, instrumental in resisting the process in focus, are studied. The goal of the research is to reveal the cause of mass proliferation of denationalization process among migrant population and to study its aftereffects. A review of different tactics employed to modify denationalization practices is conducted, and versatile methods used to resist the process are studied. The practical efficiency and drawbacks of denationalization practice employed for Polish migrants are researched. Moreover, the author revealed some specifics characteristic of the Russian-speaking population of Poland. This population consisted of both migrants and indigenus Russian-speaking groups. However, both groups became a subject of denationalization process, and in spite of the difference in their legal position, they used similar ways to resist it. This scientific paper is based on the documents stored in the so-called “Prague Archive” (The State Archive of the Russian Federation, GARF, Moscow) as well as on the pre-war periodicals, published by migrants in Poland.

Key words: Russian emigration, denationalization, the limitrophe states, USA national identity, The Day of the Russian Child

REFERENCES

1. Bocharova Z. S. *Fenomen zarubezhnoy Rossii 1920-kh gg.* [The phenomenon of Foreign Russia in 1920s.]. Part 2. Moscow, AIRO-XXI Publ.; St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2014. 408 p.
2. Voloshina V. Yu. *Iyrvannye iz rodnoy pochvy: sotsial'naya adaptatsiya rossiysskikh uchennykh-emigrantov v 1920–1930-e gody* [Pulled out from native soil: social adaptation of Russian migrant scientists in 1920s–1930s]. Moscow, Forum Publ., 2013. 437 p.
3. *Den' Russkogo Rebenka v San-Frantsisko* [The Day of the Russian Child in San Francisco]. Available at: <http://www.ksors.org/russian-childrens-welfare-society/> (accessed 25.12.2015).
4. Kudryashova S. K., Deryuga V. E. *Natsional'nye prazdniki kak istochnik sokhraneniya russkoy kul'tury v usloviyakh emigratsii* [Summer playgrounds as a factor in the development of national consciousness of children of emigration]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/letnie-detskie-ploschadki-kak-faktor-razvitiya-natsionalnogo-samosoznaniya-detey-emigratsii-20-30-e-gg-hh-v> (accessed 25.12.2015).
5. Petrusheva L. I. The role of migrant non-governmental organizations in preserving national cultural traditions. The Day of the Russian Child (the end of the 1920s 1930s) [Rol' emigrantskikh obshchestvennykh organizatsiy v sokhraneni natsional'nykh kul'turnykh traditsiy. Den' Russkogo Rebenka (konets 1920-h – 1930-e gg.)]. *Sotsial'no-ekonomicheskaya adaptatsiya rossiysskikh emigrantov (konets XIX–XX v.)*. Moscow, IRI Publ., 1999. P. 138–149.
6. Sedova E. E. The work of the Russian educational institutions in Europe during the war and post-war period [Deyatel'nost' russkikh uchebnykh zavedeniy v Evrope v voennoe i poslevoennoe vremya]. *Nansenovskie chteniya 2009*. St. Petersburg, ROO IKTs “Russkaya emigratsiya” Publ., 2010. P. 335–348.
7. Ulyanova G. *Kak belye tsvety pomogali bol'nym tuberkulezom* [How white flowers helped TBC patients]. Available at: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=111%3A2014-09-17-13-11-41&catid=38%3A-books&Itemid=60&lang=ru (accessed 25.12.2015).

Поступила в редакцию 11.01.2016

ЯКОВ ВАЛЕРЬЕВИЧ ОБУХОВ

аспирант, старший лаборант кафедры этнологии и североведения Центра гуманитарных проблем Баренц-региона, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Российская Федерация)
obuhovyakov@yandex.ru

НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ СЕЛА КОВДА: К ПРОБЛЕМЕ БЕЛЫХ ПЯТЕН В ИСТОРИИ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА РУССКОГО СЕВЕРА

Представлен анализ ряда документов, отражающих историю одного из старейших памятников деревянного зодчества на Русском Севере – Никольской церкви, расположенной в селе Ковда. Выявлен ряд ранее неизвестных фактов об истории данной церкви. По данным различных источников, обнаружено явное противоречие в датировке строительства церкви, разброс дат варьирует в диапазоне от 1597 до 1880-х годов. Анализ документов позволил выявить особенности взаимоотношений религиозной общины Никольской церкви и местных властей в наиболее напряженные периоды церковно-государственных отношений. В изучении истории Никольской церкви в советский и постсоветский периоды большое внимание уделено особенностям сохранения как самого архитектурного ансамбля, так и артефактов внутреннего убранства.

Ключевые слова: церковь, деревянное зодчество, Русский Север

Село Ковда является одним из старейших поселений на территории современной Мурманской области. По утверждению историка-североведа И. Ф. Ушакова, первые упоминания о поморском селе Ковда относятся к 1542 году [10]. По мнению историка архитектуры Ю. С. Ушакова, Ковдский погост не мог быть построен ранее 1526 года, когда, «согласно летописям была крещена “дикая лопь”, населявшая окрестности» [11: 59]. Последующие упоминания о Ковде относятся к концу XVI века, когда в 1589 году, согласно соловецкой летописи, село подверглось нападению шведского отряда в 700 человек. К этому же событию относится и первое упоминание о церкви в с. Ковда: «Церковь и дворы пожгли и людей побили» [10: 123]. По мнению И. Ф. Ушакова, ранее в Ковде располагалась «шатровая» церковь. Он приводит цитату из описи 1611 года о том, что в селе имелась «церковь теплая Николы чудотворца, деревянная, верх шатровой... строения волостных людей» [10: 124]. Современное же здание Никольской церкви принадлежит к так называемому клетскому типу – более древнему и простому типу культовых сооружений [8: 54], [10: 124].

В ходе территориально-административных преобразований, происходивших во время создания Мурманской области в 1938 году, Кандалакшский район, в состав которого входит Ковда, был исключен из состава Карельской АССР. Во многом данные административные изменения в совокупности с «пограничным» географическим положением Ковды стали причиной недостаточной изученности одного из старейших поморских поселений со стороны карельских историков. Одновременно в поле зрения исследователей Мурманской области Ковда также попадает сравнительно редко [3]. В этой связи заслу-

живает особого внимания замечательный архив материалов по истории села Ковда и Никольской церкви, собранный краеведом-любителем, жительницей г. Кандалакша В. И. Коневой, переданный ею для изучения в Центр гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН и систематизированный нами в 2015 году. Данный архив содержит копии документов из Мурманского и Архангельского государственных архивов, относящихся к периоду с 1829 по 1992 год, материалы СМИ с упоминанием о церкви в Ковде начиная с 1940 года, воспоминания жителей села, в том числе записанные самой В. И. Коневой, а также различные фотоматериалы, среди которых копии и оригиналы редких снимков, относящихся к середине и началу XX века.

Несомненно, наиболее актуальным вопросом стало явное несоответствие дат постройки церкви, упоминаемых в различных источниках и исследованиях по истории религии и церкви на Русском Севере. На сегодняшний день общепринятой датой постройки церкви считается 1705 год. Именно эта дата на протяжении более 150 лет встречается во всех официальных документах. К примеру, в клировой ведомости о Никольской церкви Архангельской епархии Кольского уезда Ковдского прихода за 1896 можем обнаружить эту дату: «Начало построения церкви относится к 1705 году»¹. То же сообщает священник Евлогий Шангин в рапорте в Архангельскую Духовную консисторию в 1904 году: «Церковь в настоящее время очень ветха, начало построения её относится к 1705 году»². В ведомости за 1904 год эта дата подтверждается – 1705 год³.

Однако в документах, относящихся, по крайней мере, к 1835 году и ранее, мы встречаем дату, которая ранее также упоминалась в исследовани-

ях И. Н. Шургина, – 7105 год [12: 25]. Например, архивная справка, полученная из Государственного архива Архангельской области, содержит следующее упоминание от 18 сентября 1833 года: «...в Ковдском селении Кольского уезда церковь во имя Святителы Николая существует с 7105 года»⁴. Изначально это дата была воспринята в качестве тривиальной ошибки, допущенной из-за сходства в написании с официальной датой «1705». Но в ходе изучения сохранившихся клировых ведомостей Кандалакшского прихода было выявлено, что вплоть до 1835 года упоминается именно эта дата. К примеру, клировые ведомости Кандалакшского прихода за 1829 год содержат следующую запись: «...церковь построена в 7105 году тицанием кого или о том не известно»⁵. По современному летоисчислению 7105 год соответствует 1597 году. В одной из клировых ведомостей Кандалакшского прихода дата «7105» также дублируется датой «1597»⁵. Можно предположить, что дальнейшее изменение даты на «1705» связано с проходившим в период 1859–1889 годов присоединением Кольского уезда к Кемскому. Путаница в документации, зачастую возникающая во время подобных административно-территориальных преобразований, могла создать почву для возникновения ошибки, которая впоследствии была многократно продублирована при переписывании. Также трудно считать совпадением близость даты «1597» к основным историческим событиям, связанным с селом Ковда и описанным выше [10]. Вместе с тем следует принять во внимание и другие варианты. Так, Ю. С. Ушаков в монографии «Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера» указывал еще одну дату – 1613 год [11: 60]. Со своей стороны, кандалакшский краевед Е. Ф. Разин упоминает 1651 год в качестве даты постройки Никольской церкви в Ковде [9]. Однако иных подтверждений этих датировок не было обнаружено, вследствие чего их можно считать наиболее спорными.

К началу XX века Ковда являлась одним из крупнейших центров лесопильной промышленности на Белом море, а по грузообороту своего порта уступала только Архангельску [9]. По данным ведомости о прихожанах Никольской церкви за 1904 год, общее число прихожан составляло 434 человека (209 мужчин и 225 женщин)⁶. Особую научную ценность, несомненно, представляют документы, относящиеся к переломному для всей Русской православной церкви периоду начала 1920-х годов. Протоколы собраний Ковдской православной религиозной общины и сопутствующие им документы позволяют увидеть многогранность отношений между приходом и местными органами самоуправления. Влияние религиозной общины, а также сформированной «двадцатки» было настолько существенным, что они могли добиваться многих уступок от власти. К примеру, по требованию религиозной общины села Ковда в 1922 году был освобожден от

мобилизации священник Н. Прилежаев, а также возвращен во владение общины дом священника⁷. Нужно отметить и поддержку общины прочими нерелигиозными собраниями. Из протокола общего собрания граждан завода бывшего «Н. Русанов сынъ» от 17 апреля 1920 года: «Выслушав отношение от 9 апреля с. г. Ковдской религиозной общины, мы, нижеподписавшиеся граждане и гражданки завода Русанов за исключением немногих, постановили, что иметь для нас священника считаем нужным, как верующие во Христа и как поддерживающие религиозные обычаи наших предков в дальнейшем желаем исполнять таковые по уставу Православной Кафолической Церкви, а также согласны вносить членские взносы на содержание причта»⁸.

Не менее красноречивым является одно из постановлений Ковдской религиозной общины от 23 мая 1920 года: «Так как религиозная община состоит из всего населения Ковды, а также из заводских рабочих за чуть малым исключением, то и постановили возбудить ходатайство пред высшей властью, чтобы все церковное имущество оставили в старом порядке, как и раньше было безо всякой описи»⁹.

Архив В. И. Коневой включает, помимо документов, ценные в историко-этнографическом отношении записи рассказов старожилов Ковды, в том числе воспоминания, которые освещают ряд событий истории Никольской церкви, в частности судьбу ее колоколов. Наше внимание сразу привлекли те из них, которые содержат характерные для беломорского побережья мифологические и фольклорные мотивы. «По воспоминаниям стариков приезжала англичанка на пароходе... Хотела увезти самый большой колокол и знаменитый топор. Но Ковдяне не позволили увезти, сбросили топор и колокол в воду. Место это известно – колокольная корга называется. <...> Остальные колокола с церковной колокольни были сброшены в 1941 году, они использовались для литья пушек. Колокола увезли, а самый большой разбивали на куски языком колокола»¹⁰. Данный текст основан на фольклорных мотивах исторических преданий Русского Севера о разорении монастырей и затонувших (затопленных) колоколах. Имея реальную историческую основу в событиях, связанных с нападениями англичан, сюжет тем не менее мог быть приурочен к разным местностям и сакральным объектам, в том числе Коккову монастырю в Кандалакше, Ильинскому монастырю в Олонецком районе Карелии. Варианты текстов приводятся, в частности, в сборнике Н. А. Криничной «Предания Русского Севера» [5].

Устные источники, в частности записанные интервью с нынешними или бывшими жителями Ковды, особенно информативны в отношении данных по истории села начиная с 1940-х годов. К примеру, в публикациях не упоминалось, что до момента своего официального закрытия в 1960

году церковь не функционировала в течение военного периода: «Церковь была закрыта в 1941 году и не работала до 1946 года»¹¹.

Новые архивные материалы подтверждают, что, согласно выписке из протокола № 22/9 заседания исполкома Ковдского сельского Совета депутатов трудящихся от 14 мая 1941 года, действительно был поднят вопрос о закрытии Никольской церкви и реализации ее имущества¹². Впоследствии с 1946 года церковь вновь функционировала вплоть до распада церковного совета и «двадцатки». Учитывая исторический контекст, озаглавленный новым витком борьбы с религией в СССР, на фоне которого происходило и закрытие Никольской церкви в селе Ковда, интереснейшими представляются иные причины, по которым была закрыта церковь: «Учитывая, что помещения Ковдской церкви и колокольни, построенные, по словам старожилов и по данным осмотра в натуре, в 1880–1885 гг., пришли в полную негодность и что в течение этого срока церковь неоднократно перестраивалась и поэтому не имеет исторической ценности как архитектурный памятник, просить исполком Мурманского областного Совета депутатов трудящихся исключить здание бывшей Ковдской церкви из числа памятников архитектуры, подлежащих охране, как ошибочно включенные в этот список»¹³. Приведенная цитата взята из протокола № 36 заседания исполнительного комитета Кандалакшского городского Совета депутатов трудящихся от 18 ноября 1960 года. И хотя дата постройки церкви, указанная в тексте, не имеет ничего общего с реальностью, что подтверждается множеством документов, в целом можно наблюдать типичный для эпохи метод борьбы не только с религиозными организациями, но и с памятниками архитектуры, имеющими религиозное значение. Мы не можем сказать, было данное заключение следствием недосмотра или сделано умышленно, но просьба об исключении церкви из числа памятников архитектуры не была удовлетворена. В том же документе мы находим постановление о списании и реализации имущества церкви, которое, к счастью, ни в 1960 году, ни ранее, в 1941-м, так и не было реализовано.

Удивительным кажется тот факт, что, возможно, именно закрытие церкви помогло даже идеологически ангажированному советским СМИ взглянуть на нее как на объект исторического и культурного наследия. Уже с конца 1960-х годов в СМИ набирает силу тема сохранения и реставрации церкви: «Отвлекитесь от мысли, что перед вами церковь, в которой верующие когда-то совершали богослужения. Вглядитесь в эти

простые русские деревянные постройки, на каждую в отдельности и на весь комплекс в целом, и вы увидите, насколько интересны они, как лаконичны, пропорциональны и красивы линии, объемы этих миниатюрных сооружений» [1].

Лейтмотивом большинства статей, посвященных Никольской церкви, особенно начиная с 1985 года, является озабоченность ее состоянием и привлечение внимания к необходимости ее скорейшей реставрации: «Грустно от того, что видишь, как сиротливо стоит на сопке обнесенный строительными лесами архитектурный памятник старины – Никольская церковь» [4].

Многочисленные попытки ее реставрации предпринимаются с начала 1990-х годов. Не все из них можно считать успешными. Так, о первой из них пишет реставратор Е. В. Вахрамеев: «Пренебрежение историческими слагаемыми облика памятника, выраженными в деталях звонницы и шатра, привело к его искажению, созданию малозначительного, безликого образа» [2: 263]. Очень содержательными представляются публикации биолога Е. И. Кудрявцевой, посвященные ковдской церкви [6], [7]. В частности, в статье «Как “реставрировали” ковдскую церковь» она подробно описывает последствия деятельности первых реставраторов. Ее статья интересна еще и тем, что акцентирует внимание на природных особенностях, игнорирование которых в значительной степени оказало пагубное влияние на состояние архитектурного ансамбля Никольской церкви на начальных этапах реставрации. Печальные результаты работы реставраторов представлены в письме протоиерея Георгия Козака и верующих села Ковда к Патриарху Алексию II от 15 августа 1991 года: «Снята и уничтожена обшивка прошлого века, уничтожено крыльцо, пущен на строительство сарая и тем погублен прекрасно сохранившийся пол 1825 года, при строительстве лесов безжалостно разрублены доски пола колокольни. Привезенные для реставрации бревна поражены грибом и годятся только на дрова»¹⁴. Выявляется халатное отношение к охране внутреннего убранства храма как во время проведения реставрации, так и ранее. По словам В. И. Коневой, некоторые ценные элементы убранства церкви и иконы были бесследно утрачены. К примеру, часть нигде не зарегистрированных артефактов на сегодняшний день хранится в школе № 18 поселка Зеленоборский Кандалакшского района.

Таким образом, пример одного исторического архитектурного памятника Русского Севера доказывает необходимость дальнейшего углубленного изучения церквей беломорского побережья, история которых все еще полна белых пятен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клировая ведомость о Никольской церкви Архангельской епархии Кольского уезда Ковдского прихода за 1896 год. Государственный архив Мурманской области (далее – ГАМО). Ф. 19и. Оп. 1. Д. 130. Л. 1.

² Рапорт священника Евлогия Шангина в Архангельскую Духовную Консисторию, 1904 год. Государственный архив Архангельской области (далее – ГАО). Ф. 29. Оп. 413. Д. 1684. Л. 1.

- ³ Клировая ведомость о Никольской церкви Архангельской епархии Кольского уезда Ковдского прихода за 1904 год. ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 392. Л. 131.
- ⁴ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Д. 1388. Л. 8.
- ⁵ Клировые ведомости Кандалакшского прихода за 1829 год. Фонд Мурманского областного музея НВ 2029/25 ПИД. Л. 7–12.
- ⁶ Ведомость о прихожанах Никольской церкви за 1904 г. ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 392. Л. 153.
- ⁷ Протокол заседания ковдской религиозной общины от 14–27 июня 1920 года. ГАМО. Ф. 19-и. Оп. 1. Д. 198.
- ⁸ Протокол общего собрания граждан завода бывшего «Н. Русанов сынъ» от 17 апреля 1920 года. ГАМО. Ф. 19-и. Оп. 1. Д. 204. Л. 18.
- ⁹ Протокол заседания ковдской религиозной общины от 23 мая 1920 года. ГАМО. Ф. 19-и. Оп. 1. Д. 198. Л. 7.
- ¹⁰ Воспоминания Л. П. Деревнина. Личный архив В. И. Коневой. Ф. 2. Д. 3.
- ¹¹ Воспоминания Е. Е. Раковой. Личный архив В. И. Коневой. Ф. 4. Д. 2.
- ¹² Протокол заседания исполкома ковдского сельского Совета депутатов трудящихся от 14 мая 1941 года. ГАМО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 10. Л. 71.
- ¹³ Протокол заседания исполнительного комитета Кандалакшского городского Совета депутатов трудящихся от 18 ноября 1960-ого года. ГАМО. Ф. 164. оп. 6. Д. 127. Л. 20.
- ¹⁴ Открытое письмо протоиерея Георгия Козака и верующих села Ковда к Патриарху Алексию II от 15 августа 1991 года. Личный архив В. И. Коневой. Ф. 2. Д. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беломорская сказка на реке Ковда // Комсомолец Заполярья. 1967. 17 июня. № 73.
2. Вахрамеев Е. В. Концепция реставрации архитектурного комплекса в поморском селе Ковда // Народное зодчество. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 263–264.
3. Давыдова А. С. Особенности северного храмоостроения на примере Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 2/2010 (2). Апатиты: КНЦ РАН, 2010. С. 159–168.
4. Ковда. Онемевший колокол села // Нива. 1992. № 110 (266). 24 сентября.
5. Криничная Н. А. Предания Русского севера. СПб.: Наука, 1991. 328 с.
6. Кудрявцева Е. И. Как «реставрировали» ковдскую церковь // Культура и этика. 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bioclass179.ru/book/kudryavceva3.pdf> (дата обращения 15.01.2016).
7. Кудрявцева Е. И. Плач по Ковде // Знание – сила. 1995. № 9. 124–134.
8. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л.: Стройиздат, 1972. 120 с.
9. Разин Е. Ф. Кандалакша. Мурманск: Кн. изд-во, 1991. 164 с.
10. Ушаков И. Ф. Церковь на Кольском Севере в советский период // Региональные программы основных и дополнительных курсов по религиоведению. Мурманск, 1995. С. 111–145.
11. Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л.: Стройиздат, 1982. 168 с.
12. Шургин И. Н. Исчезающее наследие: очерки о русских деревянных храмах XV–XVIII веков. М.: Совпадение, 2006. 120 с.

Obukhov Ya. V., Kola Science Centre RAS (Apatity, Russian Federation)

ST. NICHOLAS CHURCH OF KOVDA VILLAGE: ON THE PROBLEM OF UNEXPLORED FACTS FROM THE HISTORY OF WOODEN ARCHITECTURE OF THE RUSSIAN NORTH

The analysis of archival documents reflecting the history of one of the oldest monuments of wooden architecture of the Russian North, St. Nicholas Church, is presented in the article. The church is located in the rural area of Kovda. We revealed some previously unknown facts about the history of this church. According to various sources, there are some contradictions pertaining the dates of the church erection and further construction. Some discrepancies are encountered in the entries recorded in the period from 1597 to the 1880s. The documents' analysis allowed us to reveal some characteristic features of the then existing relationships between religious community of St. Nicholas Church and local authorities. The research covered the period of the most strained relations between the state and the church. Studying the history of St. Nicholas Church during the Soviet and the post-Soviet periods we focused on the peculiarities of both processes: conservation of architectural ensemble and maintenance of the interior decorative artifacts.

Key words: church, wooden architecture, Russian North

REFERENCES

1. The Tale of The White Sea on The Kovda River [Belomorskaya skazka na reke Kovda]. *Komsomolets Zapolyar'ya*. 1967. 17 June. № 73.
2. Vakhrameev E. V. The concept of restoration of the architectural complex in the rural locality of Kovda [Konceptsiya restavratsii arkhitekturnogo kompleksa v pomorskom sele Kovda]. *Narodnoe zodchestvo*. Petrozavodsk, 1998. P. 263–264.
3. Davydova A. S. Features of the northern temple construction on the example of the Murmansk region [Osobennosti severnogo khramostroeniya na primere Murmanskoy oblasti]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya*. Issue 2/2010 (2). Apatity, 2010. P. 159–168.
4. Kovda. Speechless village bell [Kovda. Onemevshiy kolokol sela]. *Niva*. 1992. № 110 (266). 24 September.
5. Krinichnaya N. A. *Predaniya Russkogo Severa* [Legends of the Russian North]. St. Petersburg, 1991. 328 p.
6. Kudryavtseva E. I. The process of “restoring” Kovda church [Kak “restavrirovali” kovdskuyu tserkov’]. *Kul'tura i etika*. 2007. Available at: <http://bioclass179.ru/book/kudryavceva3.pdf> (accessed 15.01.2016).
7. Kudryavtseva E. I. Lament for Kovda [Plach po Kovde]. *Znanie – sila*. 1995. № 9. P. 124–134.
8. Orfinskiy V. P. *Derevyannoe zodchestvo Karelii* [Wooden architecture of Karelia]. Leningrad, 1972. 120 p.
9. Razin E. F. *Kandalaksha* [Kandalaksha]. Murmansk, 1991. 164 p.
10. Ushakov I. F. The Church on the Kola North in the pre-Soviet period [Tserkov' na Kol'skom Severe v dosovetskiy period]. *Regional'nye programmy osnovnykh i dopolnitel'nykh kursov po religiovedeniyu*. Murmansk, 1995. P. 111–145.
11. Ushakov Yu. S. *Ansambl' v narodnom zodchestve Russkogo Severa* [The Ensemble in the folk architecture of the Russian North]. Leningrad, 1982. 168 p.
12. Shurgin I. N. *Ischezayushchee nasledie: ocherki o russkikh derevyannykh khramakh XV–XVIII vekov* [Fading heritage: essays about Russian wooden churches of XV–XVIII centuries]. Moscow, 2006. 120 p.

Поступила в редакцию 29.02.2016

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ТАРАСОВА

аспирант III года обучения кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
adviser.tver@mail.ru

СМЕНА ТИПА ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КОНЦА 1980-Х – НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ В СССР

Анализ опыта социально-экономического реформирования способствует выявлению факторов, влияющих на результаты преобразований, и является актуальным вопросом для современного общества. Во второй половине 1980-х годов в СССР началась перестройка экономики и общественно-политической жизни, вызвавшая разносторонний интерес к изучению происходивших в стране процессов. Рассматривается изменение типа экономического мышления как одного из проявлений государственной политики в рамках экономического реформирования того времени. Дана характеристика нового типа экономического мышления, способствовавшего формированию таких качеств человека, как инициативность, предприимчивость, «чувство хозяина», рационализм, ответственность. Рассмотрено влияние реальных изменений в экономике конца 1980-х – начала 1990-х годов на формирование новых качеств экономического мышления. Определены специфика данного процесса и его влияние на выбор радикального пути преобразований при переходе к рыночным отношениям. Ключевые слова: перестройка, социально-экономическое реформирование, командно-административная система

Концепция ускорения экономики, высказанная на XXVII съезде КПСС, предполагала провести интенсификацию производства на базе научно-технического прогресса, структурной перестройки экономики, внедрения эффективных форм управления и организации труда [6]. Экономическое реформирование было нацелено на решение одной из задач перестройки, которая по замыслу ее инициаторов заключалась в том, чтобы «обеспечить людям сносную жизнь, социальную уверенность» [5: 24]. Путь к достижению данной цели заключался в ускорении экономического развития, повышении производительности труда [10]. По мнению М. С. Горбачева, начать его следовало с организационно-экономических и социально-психологических факторов, лучшего использования производственного потенциала, повышения эффективности стимулирования труда, укрепления организованности и дисциплины, преодоления бесхозяйственности¹. В своем докладе на XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев подчеркнул: «Всякая перестройка хозяйственного механизма, как известно, начинается с перестройки сознания, отказа от сложившихся стереотипов мышления и практики, ясного понимания новых задач»². К середине 1980-х годов для государственной власти идея о влиянии человеческого фактора на развитие материального производства не была новой. Огромная роль человеческого фактора в развитии социалистического производства не отрицалась также и в командно-административной системе советского общества [7].

В условиях глубокого кризиса и неэффективности существующей системы актуальность решения данных задач была обусловлена также

активным развитием теневой экономики, дававшей к середине 1980-х годов по некоторым видам производства до 30–40 % товарной продукции³. Сложившаяся ситуация активизировала научный поиск. В трудах экономистов того времени значительное внимание уделялось проблемам выявления сущности и путей формирования нового типа экономического мышления, определялась его роль, содержание и значение для совершенствования хозяйственной практики. При этом тип сложившейся системы хозяйствования не подвергался сомнению. Рассуждения экономистов заканчивались выводами о необходимости научить людей «мыслить “по-хозяйски”» [8]. В этой трактовке вопрос о сущности экономического мышления и его путях решался в контексте материалистического подхода и господствовавшей тогда идеологической доктрины. Между тем социалистическое экономическое мышление как отраженный и переработанный образ реальной экономической действительности, объективной материальной основой для которого является обобществление производства, не позволяет говорить о формировании мудрого и рачительного хозяина [4].

Функционирование советской хозяйственной системы осуществлялось в рамках постоянного контроля за соблюдением заданий и стимулирования перевыполнения планов. Это приводило к унификации поведения экономических субъектов [15]. К середине 1980-х годов произошло осознание того, что кризисное состояние экономики во многом являлось порождением административно-командных методов и бюрократизма, при котором реальные общественные цели подменялись формальными, связанными, главным

образом, с движением канцелярской документации [4]. Преодолению этого могла способствовать выработка нового политико-экономического мышления. Основные его характеристики представляются возможным сформировать на основе осуществления самоуправления в трудовых коллективах, до которых в виде экономических нормативов доводятся приоритетные решения центральных органов. Управление в такой системе сводилось к согласованию интересов субъектов экономической деятельности [4]. Формирование подобного экономического мышления в соответствующих условиях предполагало включение человека с его творческим потенциалом во все процессы выработки хозяйственных решений в качестве активного и заинтересованного хозяина страны, своего предприятия, учреждения [9]. При таком мышлении, с точки зрения экономистов, ориентирами поведения экономических субъектов должны были стать: дисциплина, основанная на горизонтальных отношениях; организованность, позволяющая сочетать многообразие мышления с единством действий по достижению коллективно выработанной цели, свободу поступков – с личной ответственностью; инициатива и предприимчивость, а также стремление к самоуправлению [4].

В 1987 году Л. И. Абалкин подчеркивал, что выработку необходимых поведенческих стереотипов можно осуществить двумя путями: непосредственным воздействием на сознание и изменением объективных условий [1]. Одним из таких изменений в ходе перестройки был перевод предприятий на полный хозрасчет, самоуправление, самофинансирование, самокупаемость [2]. Для развития самостоятельности хозяйствующего субъекта государство должно было создать правовую базу в виде законодательных актов, позволяющих сделать данное качество не самоцелью, а средством развития инициативы, предприимчивости и поиска оптимальных решений [13]. Одной из попыток создания соответствующих условий было принятие Верховным Советом СССР 30 июня 1987 года Закона «О государственном предприятии (объединении)»⁴. Он предусматривал участие всего коллектива и его общественных организаций в выработке важнейших решений, контроле за их исполнением, выборность руководителей производства. Основной формой осуществления этих полномочий в соответствии с законом являлось общее собрание, а в период между ними – совет трудового коллектива. Однако, несмотря на оживление творческой активности и относительное повышение производительности труда в годы перестройки, реформирование экономической системы все чаще давало сбой. Возможно, это было связано с противоречивым характером данного закона⁵. Наряду с провозглашением принципов, позволяющих развивать самостоятельность, в качестве одной из его целей было обозначено только укрепление государственной социалистической собственности, а в качестве главной основы для его

деятельности сохранялся государственный план⁶. Поэтому какое-то время механизмом торможения процесса формирования таких качеств, как самостоятельность, активность, ответственность и восприятие себя хозяйствующим субъектом, оставалась «бюрократическая надстройка» с ее регламентацией, указаниями, инструкциями [13].

Формированию нового типа экономического мышления способствовало тогда воссоздание кооперации в промышленности, в том числе производство товаров народного потребления, развитие сферы услуг, индивидуальной трудовой деятельности в соответствии с законами, принятыми Верховным Советом СССР 19 ноября 1986 года и дополненными 26 мая 1988 года⁷. В преамбуле к Закону «О кооперации» было четко обозначено, что данный закон «...открывает широкий простор для инициативы и самоуправления, повышает ответственность членов кооператива за результаты своего труда»⁸.

В систему экономических отношений закладывались следующие поведенческие ориентации, явно свидетельствующие о формировании нового типа экономического мышления: получение доходов (прибыли) в соответствии с трудовым вкладом; повышение эффективности хозяйствования на основе самостоятельности; возможность быть собственником (в рамках кооператива)⁹. Но в этом законе сохранялись противоречия: кооперация называлась социалистической, что свидетельствовало о противоречивости при попытках практической реализации данного закона.

О масштабах деятельности людей в соответствии с «новыми» ценностями свидетельствуют следующие цифры: к 1 января 1988 года в СССР действовало 13,9 тыс. кооперативов, через три года, к 1 января 1991 года, их стало в 17,6 раза больше – 245 тысяч. Численность занятых в них возросла за этот же период в 39 раз – со 156 тыс. до 6,1 млн человек. Объем производимой продукции увеличился в 191 раз – с 350 млн до 67 млрд рублей. Число занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью в 1988 году достигло 734 тыс. человек¹⁰.

Процесс практической реализации данного закона и восприятия его населением имел свои особенности. С одной стороны, созданию и работе кооперативов чинились препятствия со стороны местной бюрократии; у кооператоров из-за неустойчивости их положения, меняющихся «правил игры» сильна была ориентация на сиюминутную выгоду, распространены спекулятивные наклонности. С другой стороны, развитие кооперативного движения положило начало воссозданию в экономическом мышлении предприимчивости, самостоятельности, инициативы, показывало реальность появления альтернативы государственным предприятиям, возможность эффективной работы негосударственного сектора [2]. Кооперативам разрешали заниматься четырьмя видами деятельности: переработкой вторичного сырья, организацией общественного

питания, производством товаров народного потребления и бытовым обслуживанием населения [12]. При этом возможности кооперативной деятельности в условиях, когда население работало за твердую зарплату, не зависящую от количества и качества труда, многими не были восприняты серьезно [12]. Шаблон умеренности в сознании человека был очень прочным. Об этом свидетельствовали материалы Института социологических исследований СССР о запросах и представлениях различных групп населения, согласно которым они характеризовались как скудные и находящиеся «на уровне цивилизованной бедности». Набор потребностей ограничивался 10–15 позициями как у группы интеллигенции, так и у группы «неперспективных сел», 80 % опрошенных заявили, что заработками довольны, 50 % – очень довольны, о прибавке к зарплате больше чем в 50 рублей и мечтать незачем. По мнению авторов исследования, это свидетельствовало об отсутствии желания и стремления, что стало возможной причиной медленного овладения выгодными формами трудовой деятельности (кооперация, подряд, аренда) [14].

Попытки практической реализации заявленных в конце 1980-х годов принципов предпринимательской деятельности встречали сильное сопротивление со стороны государства. На примере истории двух кооперативов «Прогресс» и «Техника», подробно изложенной в воспоминаниях первого легального советского миллионера А. Тарасова, видно, что само государство всячески препятствовало осуществлению подобной деятельности и формировало негативное мнение общественности. Предприниматели ощущали себя преступниками, ворующими деньги, и ждали наказания [11].

Развитие арендного движения в сельском хозяйстве, хотя и не получившее ожидаемого размаха, и развитие арендных отношений на предприятиях большинства отраслей народного хозяйства способствовали формированию нового экономического мышления и преобразованию государственной формы собственности в частную. Процесс развития арендных отношений был юридически закреплён законодательством СССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 года. Арендные предприятия и арендаторы стали владельцами, пользователями государственного имущества, собственниками получаемой продукции и доходов, которым предоставлялась возможность выкупа используемого имущества [2]. На 1 октября 1988 года количество предприятий, работающих на арендном подряде, составляло 58

в промышленности, 15 в строительстве, 19 в торговле, общественном питании, бытовом обслуживании, а на 1 июля 1989 года их число заметно увеличилось: в промышленности – 903, строительстве – 449, торговле и общественном питании – 573, бытовом обслуживании – 98¹¹. К концу 1990 года 2,4 тыс. таких предприятий было в промышленности, 1 тыс. – в строительстве, 400 – в бытовом обслуживании населения¹². Быстрое увеличение количества предприятий, работающих на арендном подряде, свидетельствовало об определенном эффекте и способствовало возрождению чувства хозяина, заинтересованности работников в результатах своего труда [2].

Еще одним объективным условием формирования нового типа экономического мышления можно считать создание и начало деятельности совместных предприятий с участием иностранного капитала, применением передовых технологий и опыта организации производства. Количество таких предприятий также быстро увеличилось [2]: если на 1 января 1989 года было зарегистрировано и действовало 191 такое предприятие, то на 1 января 1991 года – 2905¹³.

Но, несмотря на проявленный населением интерес к новым формам экономической деятельности и попыткам ее осуществления, основные трудности в период перестройки были во многом обусловлены укрепленными в сознании стереотипами: внедрение аренды и коллективного подряда сдерживалось господствующей предубежденностью, что «нельзя много зарабатывать», что «это ущемляет интересы других», создает «армию безработных» [3].

Таким образом, в ходе изменения экономического мышления и в целом государственной политики периода перестройки началась выработка новой системы ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов при сохранении существующих основ системы хозяйствования. Но такое несоответствие обнаружило необходимость смены не только типа экономического мышления, а типа всей экономической культуры и изменения основ экономической системы в стране. Вопрос о поиске эффективного и приемлемого экономического механизма с конца 1980-х годов занял центральное место. В результате опыта реформирования сложились предпосылки смены курса государственной политики, а осознание необходимости изменения типа экономической культуры, возможно, предопределило выбор радикального пути осуществления преобразований по созданию рыночной экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 41.

² Там же. С. 38.

³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 61. Л. 3.

⁴ О государственном предприятии (объединении) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=886> (дата обращения 25.09.2015).

⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 20. Д. 68. Л. 13.

⁶ О государственном предприятии (объединении) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=886> (дата обращения 25.09.2015).

⁷ О Кооперации в СССР (редакция на 15.04.1998). Закон, Верховный Совет СССР, № 8998–XI, от 26.05.88 г. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_87247.html (дата обращения 21.05.2015).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Народное хозяйство СССР в 1990 году. М., 1991. С. 55.

¹¹ Народное хозяйство СССР в 1988 году. М., 1989. С. 317–320.

¹² Народное хозяйство СССР в 1990 году. М., 1991. С. 53.

¹³ Там же. С. 65.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин Л. И. Новый тип экономического мышления. М.: Экономика, 1987. 191 с.
2. Архипов А. Ю. Экономическое мышление: содержание и пути формирования. М.: Луч, 1994. 122 с.
3. Боевко Н. И. Экономическая культура: проблемы и тенденции развития. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 182 с.
4. Бойков В. Э., Иванов В. Н., Тощенко Ж. Т. Общественное сознание и перестройка. М.: Политиздат, 1990. 287 с.
5. Бляхман Л. С. Перестройка экономического мышления. М.: Политиздат, 1990. 271 с.
6. Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 400 с.
7. Пономарев А. Н., Попов В. Д., Чичкалов В. П. Экономическая культура: (сущность, направления развития). М.: Мысль, 1987. 269 с.
8. Селигмен Э. Экономическое понимание истории. М.: URSS, 2010. 100 с.
9. Семенова Н. Б., Поломошнов А. Ф. Модернизация современной российской массовой экономической культуры. П. Персиановский, 2012. 161 с.
10. Сидоров А. В. Советский Союз накануне распада. Опыт антикризисного управления. М., 2002. 178 с.
11. Тарасов А. М. Миллионер: Исповедь первого капиталиста новой России. М.: Вагриус, 2004. 669 с.
12. Фомин Б. Два года спустя. Размышления хозяйственника // Уроки горькие, но необходимые / Сост. В. С. Молдаван, А. Г. Гридчина. М.: Мысль, 1988. 347 с.
13. Цимбалов И. П., Шевашкевич Г. М. Экономическое мышление и рыночное поведение. Книга 1. Начало реформ в России (1985–1990 гг.). Саратов: Саратовский государственный техн. ун-т, 1996. 168 с.
14. Чигиринская Н. В. Теоретико-методологические предпосылки и особенности становления экономической культуры в России. М.: Дашков и Ко, 2006. 160 с.
15. Kovács, János Mátyás. "East" – "West" cultural encounters: entrepreneurship, governance, econ. Knowledge. Sofia: Изток-Запад, 2004. 383 с.

Tarasova N. S., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

ECONOMIC THINKING CHANGE IN USSR TRANSFORMATION PROCESSES OF THE LATE 1980 – EARLY 1990s

The analysis of conducted in the late 80s social and economic reforms helped to identify factors, which influenced the process of reconstruction and its final outcome. The obtained results are important for the development of contemporary society. The reconstruction of economic, social, and political life of the Soviet Union began during the second half of the 1980s. The conducted reforms and their results generated a rather diverse interest to the processes, which occurred in the country. The success of socio-economic reforms, carried out during this reconstruction period, was largely determined by the change of stereotypes in people's thinking and behavior. The article discusses the change in economic thinking as one of the manifestations of the state policy carried out within the frameworks of economic reconstruction. The author reveals specifics of the process, which reflect the change in economic thinking. Characteristic features of the new type of economic thinking are presented in the article. The newly developed economic thinking has contributed to the formation of such human qualities as proactiveness, entrepreneurial spirit, "sense of ownership", rationality, and responsibility. The impact of real changes in the country's economy of the late 1980s – early 1990s on the formation of new economic thinking is considered. Specifics of this process are identified. The influence of this process on the choice of transition strategy, which was rather radical, is determined.

Key words: restructuring, socio-economic reforms, command-administrative system

REFERENCES

1. Abalkin L. I. *Novyy tip ekonomicheskogo myshleniya* [A new type of economic thinking]. Moscow, Ekonomika Publ., 1987. 191 p.
2. Arkhipov A. Yu. *Ekonomicheskoe myshlenie: sodержание i puti formirovaniya* [Economic thinking: the maintenance and ways of formation]. Moscow, Luch Publ., 1994. 122 p.
3. Boenko N. I. *Ekonomicheskaya kul'tura: problemy i tendentsii razvitiya* [Economic culture: problems and trends]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2005. 182 p.
4. Boykov V. E., Ivanov V. N., Toshchenko Zh. T. *Obshchestvennoe soznanie i perestroyka* [Social consciousness and restructuring]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 287 p.
5. Blyakhman L. S. *Perestroyka ekonomicheskogo myshleniya* [Restructuring economic thinking]. Moscow, 1990. 271 p.
6. Gorbachev M. S. *Ponyat' perestroyku... Pochemu eto vazhno seychas* [Understand restructuring... Why is it important now]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2006. 400 p.
7. Ponomarev A. N., Popov V. D., Chichkalov V. P. *Ekonomicheskaya kul'tura: (sushchnost', napravleniya razvitiya)* [Economic culture: (essence, development trends)]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 269 p.
8. Seligmen E. *Ekonomicheskoe ponimanie istorii* [The economic interpretation of history]. Moscow, URSS Publ., 2010. 100 p.
9. Semenova N. B., Polomoshnov A. F. *Modernizatsiya sovremennoy rossiyskoy massovoy ekonomicheskoy kul'tury* [Modernization of the modern Russian economic culture media]. P. Persianovskiy, 2012. 161 p.
10. Sidorov A. V. *Sovetskiy Soyuz nakanune raspada. Opyt antikrizisnogo upravleniya* [Before the collapse of the Soviet Union. Experience in crisis management]. Moscow, Universitetskiy gumanitarnyy litsey Publ., 2002. 178 p.
11. Tarasov A. M. *Millioner: Ispoved' pervogo kapitalista novoy Rossii* [Confession of the first new capitalists of Russia]. Moscow, Vagrius Publ., 2004. 669 p.
12. Fomin B. Two years later, the business executive reflections [Dva goda spustya. Razmyshleniya khozyaystvennika]. *Uroki gor'kie, no neobkhodimye* / Sost. V. S. Moldavan, A. G. Gridchina. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 347 p.
13. Tsimbalov I. P., Shevashkevich G. M. *Ekonomicheskoe myshlenie i rynochnoe povedenie. Kniga 1. Nachalo reform v Rossii (1985–1990 gg.)* [Economic thinking and market behavior. Book 1. Start the reforms in Russia (1985–1990 years)]. Saratov, Saratovskiy gosudarstvennyy tekhn. un-t Publ., 1996. 168 p.
14. Chigirinskaya N. V. *Teoretiko-metodologicheskie predposylki i osobennosti stanovleniya ekonomicheskoy kul'tury v Rossii* [Theoretical and methodological background and features of formation of economic culture in Russia]. Moscow, Dashkov i Ko Publ., 2006. 160 p.
15. Kovács, János Mátyás. "East" – "West" cultural encounters: entrepreneurship, governance, econ. Knowledge. Sofia: Изток-Запад, 2004. 383 с.

Поступила в редакцию 01.12.2015

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ШАРЫПИНА
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы филологического факультета, Национально-исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация)
swawa@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ «ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ЭПОСА» РУССКОГО АВАНГАРДА И СТАНОВЛЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ БЕРТОЛЬТА БРЕХТА

Рассматриваются малоизвестные факты влияния эстетических принципов русского авангарда на художественные искания представителей немецкой социалистической драматургии. Искусство авангарда возникает в период аккордного наступления декаданса в европейской и русской культуре. В поисках выхода из ситуации абсолютизации упадка в искусстве теоретики авангарда создают концепцию эпоса будущего, призванного стимулировать прогрессивные изменения жизни. Строительным материалом «документального эпоса» в концепции С. Третьякова становятся факт, документ, газетная информация. Способом сцепления материала, выявляющим скрытую социальную энергию фрагмента, – монтаж по аналогии с принципом серийности в русском фотоавангарде. Анализ изученного материала позволяет прийти к выводу о том, что знакомство с эстетическими теориями и сценической практикой русского авангарда оказало конструктивное творческое влияние на находящуюся в стадии становления теорию эпического театра Б. Брехта.

Ключевые слова: русский авангард, «документальный эпос», немецкая социалистическая драматургия, эпический театр

Процесс русско-немецких литературных и культурных взаимосвязей, трансфера философских, эстетических, художественных идей и явлений – предмет пристального внимания исследователей на протяжении десятилетий как в немецкоязычном, так и в отечественном литературоведении [18], [19]. Однако есть еще вопросы, получившие недостаточное освещение в трудах ученых. Среди них проблема транснациональности феномена авангарда первой трети XX века и, как правомерно отмечает Ю. Н. Гирин, «ответ на вопрос о схожести и несхожести двух гомологичных типов авангардных культур – немецкой и русской» [5: 36]. Вопрос этот, по справедливому замечанию исследователя, связан со специфически авангардистским принципом культурной взаимообратимости, иллюстрацией которого в полной мере служит «своеобразная диалектичность взаимоотношений двух культур» [5: 37]. Опираясь на работу Н. А. Бердяева [4: 94], ученый проводит мысль о том, что в соответствии с особенностями русской ментальности в российском авангарде акцент переносится с национальной доминанты на универсалистскую – соборную. Добавим также, что большинство немецких авангардистов вышли из школы экспрессионизма, в манифестах которого неоднократно подчеркивалось, что их течение интернационально и носит вневременной характер [9: 310–311]. Однако в социокультурной атмосфере Германии после поражения в Первой мировой войне начинает активно формироваться германский националистический миф, тогда как в литературе и культуре Советской России преобладало интернациональное

начало, что было концептуально притягательно для Б. Брехта, И. Бехера, Ф. Вольфа, Э. Вайнерта и многих других. Интернациональный спектр сюжетов и тем носил для немецких писателей социалистической ориентации принципиальный характер. В своей речи на Первом съезде советских писателей Фридрих Вольф, один из наиболее ярких представителей немецкой социалистической драматургии XX века, заявлял, что вопросы о существовании и развитии немецкой антифашистской литературы не являются сугубо национальными, но имеют решающее значение для консолидации прогрессивных писателей мира в борьбе против фашизма. Этой теме была также посвящена яркая, выдержанная в пафосном стиле речь Сергея Третьякова, яркого публициста, поэта-футуриста (одного из лидеров группы «ЛЕФ»), драматурга-новатора, переводчика, чьи усилия сыграли значительную роль в консолидации советских и немецких писателей социалистической ориентации в предвоенное десятилетие. Среди примеров «образцового сотрудничества» среди советских и немецких писателей С. Третьяков вспоминает и свои контакты с Б. Брехтом¹. Взаимоотношения С. Третьякова и Б. Брехта – одна из самых интересных страниц «срабатывания» русских и немецких писателей 1930-х годов. С. Третьяков был инициатором издания и переводчиком первой в Советском Союзе книги пьес Брехта «Эпические драмы». В свою очередь В. Е. Головчинер, опираясь на воспоминания дочери С. Третьякова Т. С. Гомолицкой-Третьяковой [7], пишет о неподдельном интересе Б. Брехта к творчеству советского писателя.

Остановимся на некоторых аспектах сотрудничества Сергея Третьякова с немецкими деятелями культуры. Первый связан с работой писателя над книгой «Люди одного костра» (1934), родившейся в результате путешествия писателя в начале тридцатых годов по «предгитлеровской» Германии, Дании и Австрии, где у него завязываются прочные и плодотворные контакты со многими прогрессивными деятелями культуры, антифашистами, в том числе с М. А.-Нексе, Г. Эйслером, О. М. Графом, Ф. Вольфом, И. Бехером, Э. Пискатором и Б. Брехтом. Написанная незаурядным мастером слова, талантливым публицистом, уже имевшим опыт во время работы в Китае, книга передает тревожную, взрывоопасную атмосферу в Германии, где «пустым коричневым солнцем лавочников, сходящих с ума от голодного отчаяния и оскаленных хищно, всходит одержимый фашист над германским горизонтом» [10: 471]. Очерки-портреты о немецких писателях появлялись по мере знакомства с культурой посещаемых стран, но замысел книги оформился вполне после костра 10 мая 1933 года на Опернплац в Берлине, который, с точки зрения Третьякова, «создал особо напряженное чувство кровного братства». На наш взгляд, эта книга очерков оказалась недооцененной в отечественном литературоведении, а ведь в ней не только содержатся мастерски выписанные портреты немецких писателей-антифашистов, свидетельствующие о незаурядном таланте Третьякова-очеркиста, тонкого мастера слова и говорящей детали, но и создан коллективный портрет еще, по сути, не оформившегося союза немецких писателей и деятелей культуры в борьбе против фашизма: это Э. Э. Киш, Э. Толлер, Э. Вайнерт, Л. Ренн, Г. Эйслер, О. М. Граф, Ф. Вольф, Э. Пискатор, Б. Брехт, И. Бехер.

Очерк-портрет о Б. Брехте имеет несколько редакций. И это не случайно, поскольку взаимоотношения между писателями носили особый характер и развивались на протяжении достаточно долгого времени (1931–1937) после личной встречи в Германии, где С. Третьяков читает серию лекций о советской литературе и развитии колхозного движения. Стоит согласиться с В. Е. Головчинер: именно расстрел С. Третьякова вызвал острую реакцию Б. Брехта, считавшего его не только учителем в области политической теории, но и авторитетом в эстетических концепциях современного искусства [6]. В 1935 году Брехт принимает участие в работе Первого Международного конгресса писателей в защиту культуры и мира, проходившего в 1935 году в Париже, посещает Москву по случаю V декады революционного искусства, отмечавшейся силами Международного объединения революционных театров и МОРПА, видит в СССР решающую силу в борьбе против фашизма. Это убеждение Брехта имело

тем более важное значение, поскольку в свете «московских процессов» 1936–1937 годов Союз защиты немецких писателей во Франции занял позицию изоляции Советского Союза от коллективной борьбы против фашизма. Выражая свою точку зрения, Брехт писал: «В наше время все усиливающейся путаницы главная задача антифашистских писателей – это умение отделять важное от неважного. А важна лишь неустанная, всеобъемлющая, проводимая всеми средствами и на широчайшей основе борьба против фашизма»². В ходе «московских процессов» были арестованы многие друзья и соратники Брехта, судьба которых не была ему известна и тревожила писателя: Карола Неер, А. Лацис, М. Кольцов. Как свидетельствует Э. Шумахер, «Брехт был уверен в невинности всех без исключения арестованных, он расценивал эти “чистки” как защитные меры Советского Союза против “пятых колонн” в собственной стране» [12: 120]. В журнале *Jornal Dänemark* (1938/39) от января 1939 года Брехт в лаконичной, однако предельно эмоциональной манере, используя емкие и жесткие в смысловом отношении определения, констатирует: «Кольцов тоже арестован в Москве. Мой последний русский контакт на той стороне. Никто ничего не знает о Третьякове, якобы “японском шпионе”. Никто ничего не знает о Неер, которая якобы в Праге по заданию своего мужа осуществляла троцкистские махинации. Райх и Ася Лацис больше мне не пишут, Грете больше не получает ответа от своих знакомых на Кавказе и в Ленинграде. Бела Кун также арестован, единственный из политиков, кого я видел. Мейерхольд лишился своего театра, но ему разрешено заниматься оперной режиссурой. Литература и искусство кажутся замаранными, политическая теория морально деградировала, остается только политически ангажированный, распропагандированный, тощий, обескровленный пролетарский гуманизм (перевод наш. – Т. III.)» [14: 326–327]. Однако дневниковые записи, во всяком случае, при жизни Б. Брехта, не были достоянием всеобщей гласности, а трагической судьбе С. Третьякова, о которой узнает в 1938 году, он посвящает стихотворение, названное «Непогрешим ли народ?» («Ist das Volk unfehlbar?»), 1939) [15: 1223–1225]. Ничего не зная о «тройках» НКВД, Брехт верил в то, что приговоры в СССР выносятся «суды народа».

Отношения С. Третьякова и Б. Брехта – это не просто симпатия единомышленников. В. Е. Головчинер отмечает [6], что ко времени личного знакомства, как это ни парадоксально сейчас звучит, писатели обладали разным авторитетом в литературной среде. И если Брехт еще только утверждался как реформатор театра, направленного на активное включение в общественную, политическую жизнь и перестройку человеческого

сознания и социального просвещения человека, то более зрелый по возрасту и с уже устоявшимися взглядами С. Третьяков выступал как признанный авторитет, о чем свидетельствовал и его театральный успех, связанный с победным шествием пьесы-статьи «Рычи, Китай!» по сценам мира, и двухгодичное пребывание и путешествие по Китаю с чтением лекций в Пекинском университете о русской литературе в 1924–1925 годах, и пропагандистская поездка в Германию, Австрию, Данию, где его встречали как полпреда искусства новой России. Театральная слава Брехта, по сути, была еще впереди, и С. Третьяков выступил в роли мэтра, сделав первый перевод пьес Брехта в России, о чем впоследствии немецкий драматург никогда не забывал [6], попросив включить именно эти переводы в новое издание своих пьес в Советском Союзе в 1956 году. Именно к первому изданию пьес Брехта в России и был написан С. Третьяковым первый, еще не вполне законченный, этюд «Берт Брехт». Показательно само название этой переводной книги – «Брехт Берт. Эпические драмы». Уменьшительное «Берт» как бы подчеркивает дистанцию между писателями, а употребление по отношению к пьесам немецкого драматурга эпитета «эпические» показательно уже в том отношении, что Брехт в этот период своего творчества еще не использует подобный термин, называя свои произведения учебными пьесами, в то время как С. Третьяков активно его использует, выстраивая концепцию нового революционного искусства. Набрасывая портреты немецких писателей, в том числе и Брехта, С. Третьяков одновременно вписывает их в коллективный портрет немецкой ментальности эпохи предвоенных 30-х годов, о чем свидетельствует в «Главе разъяснительной» своей книги: «...я характеризовал основное каждого человека – его биографию, в которую все им написанное, нарисованное, сработанное входит лишь как частность, как выражение его характера, как его манера биться за свои принципы, как общественное оправдание его личного существования» [10: 453].

С. Третьяков делает каждого носителем определенных черт германской идентичности: основательность и тяжеловесность Бехера, спортивность, пристрастие к простой здоровой жизни и традиции политической рабочей солидарности, укорененной в сознании немецкого пролетариата, Вольфа. Брехт по праву становится носителем интеллектуальной составляющей немецкой ментальности, страны «мыслителей и поэтов» (*Denker und Dichter*), к сожалению, превратившейся в страну «мыслителей и вешателей» (*Denker und Henker*). В каждой немецкой пивнушке (*Kneipe*) есть свой «штамтиш» философствующих политических завсегдатаев: «Я удивлен. Формулы познания – это хорошо, но

где же формулы действия? – Товарищ Берт Брехт, подымитесь с вашего низкого кресла на точных шарнирах коленных суставов. Перестаньте на секунду пить сгущенный ликер умозаключений. Почему эти люди здесь, а не в ячейках, не в гуле митингов безработных? Почему в здешнем дымословии и словодыимии мне почудилось слово “штамтиш политик”»? [10: 472].

Однако облик Берта Брехта – «сам живой контраргумент. Коренной немец из Швабии, он в то же время сплошное поношение всего, что мы привыкли считать немецким. Какой же это сын краснощекой ширококостной Германии, когда слово “щупляк” кажется здоровяком в сравнении с комплекцией Брехта! Он кажется нотой, выдутой из очень узкого кларнета. Вместо пиджака на нем жилетка, правда, с рукавами. Его горбоносое лицо можно сравнить и с Вольтером и с Рамзесом <...> Немец – ведь это человек, у которого в беде сначала кончается хлеб, потом продается посуда и лишь затем исчезает крахмальный воротничок <...> Какой же Брехт немец, если шею его обнимает мягая рубаха без галстука, если на премьеру, сияющую фраками и пластронами, он вваливается небритый и в черной рубахе? <...> Но не подумайте, что он рассеянный неряха типа Канта <...> Брехт – хороший шофер, он может собрать и разобрать машину. Шрам на его скуле – свидетельство об автомобильной катастрофе. Прочтите роман Фейхтвангера “Успех”. Там есть инженер Прекль. Он написан с Брехта» [10: 474]. Уникальный по экспрессии и точности деталей портрет немецкого интеллигента околотеатральной богемы!

Любопытно, что именно «строптивный», нестандартно мыслящий и находящийся еще в становлении своих этических, эстетических и политических взглядов Берт Брехт, а не давно уже определившиеся в своих эстетических и социальных пристрастиях и взглядах Ф. Вольф и И. Бехер, становится близким по духу Сергею Третьякову, давно сложившемуся в своих творческих и общественных исканиях соратнику Маяковского по журналу «ЛЕФ», одному из создателей концепции искусства авангарда, драматургу, работавшему с такими корифеями, как С. Эйзенштейн, В. Э. Мейерхольд. На наш взгляд, это связано с тем, что в его пьесах и формирующемся учении о драме и театре С. Третьяков увидел подтверждение и развитие на международном уровне своих собственных концепций. Аналогично и Брехт неоднократно подчеркивал новаторство его театральной практики и создание им новой театральной системы, знакомой ему прежде всего по гастролям в Германии театра Мейерхольда, неоднозначно освещаемым театральными критиками, привычно отстаивающими «переживание» Станиславского как универсальную основу любой театральной деятельности [6]. Брехт об-

ращает, прежде всего, внимание на тот момент, который становится главенствующим в его собственных размышлениях о театре. Это касается социальной, общественной функции театра, на которой настаивал немецкий драматург-новатор и которую он распознал в театральных экспериментах Сергея Третьякова³. Однако ключевое слово, определяющее новый социально ориентированный подход к искусству в концепции Брехта, еще им не найдено, но активно используется С. Третьяковым и русскими авангардистами, чье искусство к началу 30-х годов вступает в новую фазу своего развития [11]. Полемизируя с оппонентами о формах нового искусства, способного выразить масштаб революционных преобразований, С. Третьяков предлагает тезис, с одной стороны, подчеркивающий преемственность по отношению к «литературе факта», а с другой – констатирующий новую стадию развития искусства авангарда: «Наш эпос – газета». Этот тезис рождается в концепциях авангардистов не случайно. Михаил Бахтин, определяя суть эпоса, констатирует, что эпос реализует себя в «абсолютном прошлом» [1]. В этом контексте настоящее отделено от прошлого, воспринимает его как абсолют, обладающий непрерываемым ценностным авторитетом. Настоящее же – категория незавершенная, устремленная в будущее. Задача авангардного искусства, приветствующего синтетические формы, – создание эпоса: «То чем была библия для средневекового христианина – указателем на все случаи жизни, то чем был для русской либеральной интеллигенции учительный роман, – тем в наши дни для советского активиста является газета. В ней охват событий, их синтез и директива по всем участкам социального, политического, экономического, бытового фронта»⁴. Концепция искусства авангарда возникает в период аккордного наступления декаданса в европейской и русской культуре. В поисках выхода из ситуации абсолютизации упадка и деградации авангард обращается не к античному наследию или классическим реминисценциям, а в будущее и, как справедливо подмечает А. Фоменко, решается пожертвовать культурной «сложностью» предшествовавшего искусства, используя элементы архаического и даже примитивного [11]. Поиски новой эпической формы в концепции С. Третьякова не порывают с «литературой факта», а привносят в нее фундаментальную основательность за счет принципа монтажа газетных фрагментов-репортажей по аналогии с принципом серийности в русском фотоавангарде. В репортажах «внутренняя противоречивость становится структурным принципом построения целого». На создание эпоса будущего, как это и полагается в синтетической форме, работает все: фотография, репортаж, монтаж, техника кинематографа, любые новинки машинной

индустрии, подтверждая его универсальность. С точки зрения С. Третьякова, эпос будущего – система, позволяющая устранить противоречие между искусством и жизнью, стимулирующая прогрессивные изменения, развитие. Следует согласиться с А. Фоменко, что «стремление сделать искусство частью коллективного производственного процесса и является основной предпосылкой» для формирования «документального эпоса» [11] русского авангарда. Развернутым утверждением продуктивности и универсальности принципов «документального эпоса» стала книга Сергея Третьякова «Люди одного костра». В «Главе разъяснительной» С. Третьяков поясняет, что не только «фашистский костер, на который свалены были произведения этих людей, создал особо напряженное чувство кровного братства» между теми писателями, чьи литературные портреты составляют ее содержание, но как творцов и людей их объединяет «поиск большого искусства, экстрагировавшего действительность и претендующего на всенародное воспитательное влияние» [10: 454].

С. Третьяков определяет коренное отличие «документального эпоса» от героического эпоса прошлого, связанное с недосыгаемостью образов героев древних эпосов, приводящей к их обожествлению и соответственно недосыгаемости их уровня для человека будней. Героика нового эпоса, с его точки зрения, должна быть достигаемой для каждого творца новой жизни, не превращая его в монумент. Эпос будущего активен и публицистичен. Он не просто повествует, он передает информацию сознательно и социально направленную. Качества нового эпоса Третьяков замечает в политическом театре Пискагора, публицистической драматургии Вольфа, фотомонтаже Хартфильда. Строительным материалом подобного эпоса становится факт, документ, газетная информация, а способом сцепления материала, выявляющим скрытую социальную энергию фрагмента, должен стать монтаж. Пожалуй, самой яркой фигурой немецкого «документального эпоса» для С. Третьякова становится Бертольт Брехт. Одним из главных понятий в концепции Брехта, как известно, является «жест», в который он вкладывал, как всегда, свое особое видение. Это не просто техника пантомимы, элемент актерской игры. Брехт употребляет латинское слово «gestus» (дело, движение, действие). В этом контексте понятие жеста приобретает в концепции спектакля и раскрытии основного конфликта пьесы основополагающее значение. Действия (жесты) актеров во время спектакля должны высвечивать социальные роли, поведение людей в изменяющейся действительности: «Большие современные темы следует рассматривать в мимической перспективе, им надлежит иметь жестовый характер. Они должны опреде-

ляться отношениями между отдельными людьми и группами людей между собой»⁵, – так напишет впоследствии Брехт, утверждая универсальное значение жеста. В теории Брехта жест следует понимать как форму развития действия не только на сцене, но и как основу внутреннего развития сюжета. Принято считать, что наиболее аргументированную концепцию функции жеста в теории «эпического театра» Брехта создает В. Беньямин. Жест для Беньямина – ключевое понятие в новом театре нового пролетарского искусства, служащее для внешнего выражения «эффекта очуждения» [2], [3], [13]. Во время спектакля жест, наряду с зонгами, выполняет важнейшую функцию дробления сценического действия, поскольку деление на акты в драмах Брехта отсутствует.

Однако эта проблема не менее актуальна и в концепции «документального эпоса» С. Третьякова, уделившего ей в соответствии с этим большое внимание в своей книге, констатируя, что Брехт как режиссер строит игру актеров на системе выразительных движений. Иногда при построении мизансцены ведущим становится именно жест, сопровождаемый вначале лишь интонационной мелодией, и только в заключительной стадии «прорастая» словом. Это происходит потому, констатирует автор, что, с точки зрения Брехта, «жест был раньше слова», а немецкий язык (язык Лютера) характерен выразительной «сращенностью с жестом». Основное содержание книги «Люди одного костра» (подписана в печать в 1935 году) определилось еще до приезда Брехта в Москву в 1935 году, и, как видим, концепция жеста уже представляется сформированной в воззрениях немецкого драматурга. Однако и во время пребывания в Москве идет сложное коллективное (с Третьяковым) осмысление новаторских принципов «эпического театра». Так, С. Третьяков, прекрасный знаток китайской действительности и китайского искусства, два года проживший и путешествовавший по Поднебесной, обращает внимание Брехта на игру китайского актера Мей Лань Фаня, вместе с труппой гастролировавшего в это время в Советском Союзе. Школа Мея признана уникальной восточной системой театрального исполнительства, наряду с системой Станиславского и эпическим театром Брехта. Нововведения, которые Мей внес в жанр пекинской оперы, во многом утвердили Брехта в справедливости его концепции и помогли окончательной формулировке функций жеста и эффекта очуждения. Возможность применения восточной традиции в европейском театре обсуждалась во время беседы представителей советской культуры: Владимира Немировича-Данченко, Сергея Третьякова, Всеволода Мейерхольда, Александра Таирова и Сергея Эйзенштейна на встрече у Мей Лань Фаня. На этой встрече присутствовал Бертольт

Брехт. Это случайное событие во время московской поездки оказывается тем не менее знаковым. Немецкий драматург еще более утверждает в актуальности китайской темы, привлекавшей его и раньше, для своего творчества. С другой стороны, Брехт во время этой поездки углубляет свои теоретические обоснования роли жеста в технике эпического театра, результатом чего и становится статья «Эффекты очуждения» в китайском сценическом искусстве⁶. Пребывание в Москве оказалось для Брехта очень продуктивным, так как определяется наполнение и закрепляется название основного принципа «эпического театра» – «эффекта очуждения». Именно тогда, во время пребывания в СССР в 1935 году, Брехт узнает от С. Третьякова о термине русского формалиста В. Шкловского «остранение», близком по смыслу к одному из основных принципов в теории эпического театра – «эффекту очуждения» (*Der Verfremdungseffekt (V-Effekt) – «очуждение»*) [8: 156]. В. Шкловский видит суть «приема остранения» в создании особого восприятия, так называемого видения предмета, которое достигается путем «затруднения формы» художественного произведения. Таким «остранением» может быть «рассказывание о предмете словами, его определяющими и рисующими, но, обычно, при рассказывании о нем не применяющимися», что направлено на «вывод вещи из автоматизма восприятия»⁷. Брехт придает немецкому слову общеэстетический смысл и связывает его применение с провозглашаемой им социально-преобразующей функцией искусства. В 1936 году писатель употреблял также термин «отчуждение» (*Entfremdung*), восходящий к эстетической концепции Гегеля, обозначавшего этим словом необходимые предпосылки к процессу познания. Брехт явно учитывал и семантические нюансы лексемы, использованные, в частности, К. Марксом в теории общественно-производственных капиталистических отношений [16: 253–254], [17: 310]. Заметим, что в книге «Люди одного костра» нет упоминаний об актере Мей Лань Фане, как и о таком краеугольном принципе эпического театра, как «эффект очуждения», что свидетельствует, на наш взгляд, о том, что материал очерка был собран еще до второго приезда Брехта в Советский Союз. Характерно, что, анализируя некоторые знаковые к тому времени пьесы Брехта, Третьяков останавливается особо на инсценировке по роману А. М. Горького «Мать» («*Die Mutter. Leben der Revolutionärin Pelagea Wlassowa aus Twer*», 1931), называя ее первой по-настоящему эпической пьесой. С. Третьякова эта пьеса интересует с нескольких точек зрения. Во-первых, она имела большое политическое значение, поскольку была поставлена в гитлеровской Германии в юбилейный год русского писателя, во-вторых, эта учебная пьеса импонировала русскому писа-

телю-авангардисту своим воспитательным значением как иллюстрация роста революционного сознания тверской работницы Пелагеи Власовой, а следовательно, это была пьеса о воспитании нового человека новой эпохи. В-третьих, сам текст пьесы и ее сценическое решение свидетельствовали об интернациональном звучании пьесы Брехта: «Что это за русский учитель в эпоху 1905 года, который проводит вечера за кружкой пива, исходя в политических спорах с приятелями на тему о том, что наука и техника бессильны улучшить человеческую жизнь и что суть лишь в нравственной переделке каждого? Что это за учитель, принимающий вечерами ножные ванны и шпенглерианским голосом говорящий о закате цивилизации? <...> Все это, конечно, не Россия. Но зато это чистокровная Германия. Переделайте русские названия в пьесе на немецкие, и вы получите повесть о сегодняшней немецкой революционерке-профессионалке, проделывающей свою

кротовую работу по просветлению сознания миллионов германских Власовых, еще не осознавших своей действительности» [10: 487–488].

С. Третьяков подчеркивает, что Б. Брехт создает абсолютно самостоятельное произведение, вышедшее за исторические рамки романа о Пелагее Ниловне Власовой, пролетарке из сормовской рабочей слободки. Это произведение Брехта имеет интернациональный адресат. Именно интернациональное, общечеловеческое зерно, заложенное в концепции русского авангарда, и оказалось чрезвычайно притягательным для немецких социалистических писателей, вышедших из рядов экспрессионизма. С. Третьяков как личность и как художник оказался настолько яркой и многогранной индивидуальностью, что творческие контакты с ним дали мощный импульс для развития немецкой социалистической драматургии и, прежде всего, эпического театра Бертольта Брехта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. об этом подробно в выступлении С. М. Третьякова на съезде: Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М.: ГОСЛИТИЗДАТ, 1934. С. 344–345.
- ² Цит. по: Брехт Б. Театр. Т. 5/1. М.: Искусство, 1965. С. 110.
- ³ См. об этом подробно: Брехт Б. Театр. Т. 5/2. М.: Искусство, 1965. С. 50.
- ⁴ Подробно о задачах нового авангардного искусства: Третьяков С. Новый Лев Толстой // Новый ЛЕФ. 1927. № 1. С. 36–37.
- ⁵ Подробно об этом: Брехт Б. Последний этап — «Эдип» // Брехт Б. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания. М., 1965. Т. 5/2. С. 196.
- ⁶ Брехт Б. «Эффекты очуждения» в китайском сценическом искусстве [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tafiz.ru/world_drams/breht/china.htm (дата обращения 14.02.2016).
- ⁷ Подробно об этом: Шкловский В. Искусство как прием // Шкловский В. О теории прозы. М., 1929. Цит. по репринтному переизданию: Leipzig, 1977. С. 19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
2. Беньямин В. Маски времени: эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004. 480 с.
3. Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81–90.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
5. Гирин Ю. Н. Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 400 с.
6. Головчинер В. Е. Сергей Третьяков – учитель Бертольта Брехта // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 117–125.
7. Гомолицкая-Третьякова Т. С. О моем отце // Третьяков С. М. Страна-перекресток. Документальная проза. М., 1991. С. 554–564.
8. Леонова Е. А. Немецкая литература XX века: Германия. Австрия. М.: Флинта, 2010. 360 с.
9. Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986. 640 с.
10. Третьяков С. М. Дэн Ши-хуа. Люди одного костра. Страна-перекресток. М., 1962. 770 с.
11. Фоменко А. Русский фотоавангард // Наше наследие. 2007. № 81 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8104.php> (дата обращения 15.02.2016).
12. Шумахер Э. Жизнь Брехта. М.: Радуга, 1988. 352 с.
13. Benjamin W. Autor als Produzent // Gesammelte Schriften. F/M., 1991. 2. Band. 2. Teil. P. 683–701.
14. Bertolt Brecht Werke. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe. Herausgegeben von Werner Hecht, Jan Knopf, Werner Mittenzwei, Klaus-Detlef Müller. Band 26. Berthold Brecht Journale I 1913–1941: Tagebücher 1913–1922. Journale 1938–1941. Autobiographische Notizen 1919–1941 Aufbau-Verl. Brel. und Weimar; Suhrkamp Verl. Frankfurt am Main, 1994. 696 p.
15. Bertolt Brecht. Die Gedichte. Herausgegeben von Jan Knopf. Suhrkamp Verl. Frankfurt am Main, 2007. 1647 p.
16. Brecht-Lexikon. Ana Kugli / Michael Opitz (Hrsg.). Stuttgart; Weimar, 2006. 289 p.
17. Knopf J. Bertolt Brecht. Lebenskunst in finsternen Zeiten. München: Carl Hanser Verlag, 2012. 560 p.
18. Jarmatz K., Barck S., Diezel P. Exil in der UDSSR. Leipzig, 1979. 662 p.
19. Lehmann J. Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart / Verlag J. B. Metzler. Stuttgart, 2015. 432 p.

Sharypina T. A., Lobachevsky State University (Nizhni Novgorod, Russian Federation)

ON CONCEPTUAL IDEAS OF “DOCUMENTARY EPOS” IN RUSSIAN AVANT-GARDE AND EVOLVEMENT OF BERTOLT BRECHT’S THEATRICAL PRACTICE

A few little-known facts, which impacted development of the aesthetic principles of the Russian avant-garde on artistic conceptions of representatives of the German socialistic drama, are considered in the article. Avant-garde movement appeared during the time of decadence preponderance in European and Russian culture. Trying to address the problem of decaying art, the avant-garde theorists introduced a set of conceptual ideas of the future epos aimed at the stimulation of life development. Real facts, documents, and newspaper materials act as a construction material for the “documentary epos” in conceptual ideas of S. Tretyakov. The method of cohesion, which reveals hidden social energy of the fragment, has a mosaic nature, by the analogy with the principles of seriality in Russian avant-garde art. Analysis of the studied materials lead us to a conclusion that exposure to aesthetic theories and theatrical practice of the Russian avant-garde exerted particular influence on B. Brecht’s theory of the epic theatre.

Key words: Russian avant-garde, “documentary epos”, German socialistic drama, epic theatre

REFERENCES

1. Bachtin M. *Epos i roman* [Epos and novel]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 304 p.
2. Ben'yamin V. *Maski vremeni: esse o kul'ture i literature* [Masks of the time: essay about culture and literature]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2004. 480 p.
3. Ben'yamin V. On the concepts of history [O ponyatii istorii]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2000. № 46. P. 81–90.
4. Berdyayev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origin and essence of the Russian communism]. Moscow, 1990. 224 p.
5. Girin Yu. N. *Kartina mira epokhi avangarda. Avangard kak sistemnaya tselostnost'* [Worldview of the avant-garde epoch. Avant-garde as a systematic integrity]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2013. 400 p.
6. Golovchiner V. E. S. Tretyakov – a teacher of Bertolt Brecht [Sergey Tretyakov – uchitel' Bertol'ta Brekhtha]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2014. № 2. P. 117–125.
7. Gomolitskaya-Tret'yakova T. S. About my father [O moem ottse]. *Tret'yakov S. M. Strana-perekrestok. Dokumental'naya proza*. Moscow, 1991. P. 554–564.
8. Leonova E. A. *Nemetskaya literatura XX veka: Germaniya. Avstriya* [German literature of the XXth century: Germany. Austria]. Moscow, Flinta Publ., 2010. 360 p.
9. *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: programmnye vystupleniya masterov zapadnoevropeyskoy literatury XX veka* [To call things by their proper names: programmed appearances of masters of Western European literature of XXth century]. Moscow, 1986. 640 p.
10. Tret'yakov S. M. *Den Shi-khua. Lyudi odnogo kostra. Strana-perekrestok* [Den Shi-Khua. People of the same campfire]. Moscow, 1962. 770 p.
11. Fomenko A. Russian photo avant-garde [Russkiy fotoavangard]. *Nashe nasledie*. 2007. № 81. Available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8104.php> (accessed 15.02.2016).
12. Shumaker E. *Zhizn' Brekhtha* [The Life of Brecht]. Moscow, Raduga Publ., 1988. 352 s.
13. Benjamin W. *Autor als Produzent // Gesammelte Schriften*. F/M., 1991. 2 Band. 2 Teil. P. 683–701.
14. Bertolt Brecht Werke. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe. Herausgegeben von Werner Hecht, Jan Knopf, Werner Mittenzwei, Klaus-Detlef Müller. Band 26. Berthold Brecht Journale I 1913–1941: Tagebücher 1913–1922. Journale 1938–1941. Autobiographische Notizen 1919–1941 Aufbau-Verl. Brel. und Weimar; Suhrkamp Verl. Frankfurt am Main, 1994. 696 p.
15. Bertolt Brecht. Die Gedichte. Herausgegeben von Jan Knopf. Suhrkamp Verl. Frankfurt am Main, 2007. 1647 p.
16. Brecht-Lexikon. Ana Kugli / Michael Opitz (Hrsg.). Stuttgart; Weimar, 2006. 289 p.
17. Knopf J. Bertolt Brecht. Lebenskunst in finsternen Zeiten. München: Carl Hanser Verlag, 2012. 560 p.
18. Jarmatz K., Barck S., Diczfel P. *Exil in der UDSSR*. Leipzig, 1979. 662 s.
19. Lehmann J. *Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart* / Verlag J. B. Metzler. Stuttgart, 2015. 432 p.

Поступила в редакцию 22.03.2016

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ КРИНИЦЫН

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
derselbe@list.ru

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ МАССОВЫХ СЦЕН У ДОСТОЕВСКОГО: СЦЕНИЧНОСТЬ ИЛИ РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ?

Рассматривается структура и историко-литературный генезис так называемых массовых сцен, или конклавов, в «пятикнижии» Достоевского. Говорить о наличии какой-то одной кульминации в сюжете у Достоевского нельзя: существует целый ряд моментов резкого взрыва эмоционального напряжения, которые Достоевский пытается выдать за точки бифуркации, это – массовые сцены, оборачивающиеся чередой скандалов. При построении массовой сцены Достоевского интересует прежде всего ее эффектность и зрелищность. Традиция подобной организации действия восходит к драме, более конкретно – к драме французского романтизма. Достоевский вслед за Гюго строит мелодраматическую сцену с театрально аффектированными позами и жестами, в которой точно так же изображаются кризисные состояния героев в высшем эмоциональном напряжении. Однако мизансцены у Достоевского предполагают гораздо большее число участников, а авторский комментарий минимизируется, при том что отношения между героями гораздо сложнее и противоречивее. Выявляются схожие сюжетные схемы драматических сцен у Гюго и Достоевского, построенные по принципу: драматический мотив – его неожиданное разрешение. Преобладание драматических элементов выливается в конечном итоге в то, что сюжет выстраивается не как событийная линия, но как ряд автономных драматических сцен с самой разнообразной конфигурацией персонажей по явлениям.

Ключевые слова: поэтика романов Достоевского, французский романтизм, В. Гюго, массовые сцены, драматические элементы, скандал, мелодрама

Построение сюжета в романах Достоевского значительно отличается от романной традиции его времени. Достоевский творил новый тип философского романа, равномерно удаляясь как от остро сюжетного «бульварного» типа, так и от психологических (наподобие тургеневских), сосредоточенных на внутреннем конфликте при минимуме действия. Событийная фабула романов «пятикнижия» состоит из чередования напряженных философских диалогов и так называемых массовых сцен – собраний вместе максимального числа действующих лиц романа с максимальной интенсификацией психологических отношений между ними. «Пристрастие Достоевского к массовым сценам, его стремление сосредоточить в одном месте и в одно время, часто вопреки прагматическому правдоподобию, как можно больше лиц» в целях драматизации философской проблематики романов отмечал М. М. Бахтин [1: 37]. Поэтому при рассмотрении поэтики сюжета у Достоевского говорить о наличии центральной кульминации не получается: существует целый ряд моментов резкого взрыва эмоционального напряжения, оборачивающихся чередой скандалов.

При построении массовой сцены Достоевского интересует прежде всего ее эффектность и зрелищность. Традиция подобной организации действия восходит к драме, которой как роду литературы изначально свойственна гиперболизация

форм поведения героев при речевом самораскрытии [12: 69–80], и более конкретно – к драме французского романтизма. Вспомним, что Достоевский в молодости увлекался немецкими и французскими романтиками, в частности ранним творчеством Бальзака, Жорж Санд, Гюго. Случай Гюго особенно интересен, поскольку он, будучи автором прославленных драм, активно переносил в свою прозу приемы драматургии. В драме, условной уже по причине жесткой ограниченности времени действия, правдоподобие (понимаемое как естественное течение времени) отступает на второй план, при доминирующей установке на эффектность и зрелищность, достигаемые концентрацией сюжетных кульминаций. Достоевский был знаком с «Предисловием к драме “Кромвель”» Гюго, ставшим важнейшим манифестом европейского романтизма, где французский классик открыто выступает против жизненного правдоподобия: «Правда в искусстве никогда не может быть *полным воспроизведением* действительности» [6: 455]. Его слова о разделении «реального в искусстве от реального в действительности» [6: 455] прямо перекликаются с общеизвестной записью Достоевского о специфике своего реализма «в высшем смысле» как «изображения всех глубин души человеческой» (Т. 27: 65)¹, до которых он доходил через усиление яркости и контрастности характеров. Подобную установку на изображение «высшего смысла» действительности, даже

в противоречии с прямым правдоподобием, разделяли все французские романтики. Так, Альфред де Виньи постулирует: «Зачем нужно искусство, если оно всего лишь повторение действительности, оттиск с нее? Боже мой, мы и так видим вокруг слишком много жалкой и безотрадной реальности <...> Если бледность вашей *жизненной правды* будет преследовать нас в искусстве, мы сразу уйдем из театра или закроем книгу, чтобы не встречаться с этой правдой дважды. От произведения искусства, где действуют вымышленные лица, требуется, повторяю, философское изображение человека, подвластного страстям своей природы и своего времени, следовательно, правда об *этом человеке* и об *этом времени*, но поднятых на высшую, идеальную [ступень] могущества, где сконцентрирована вся их сила. *Эту правду* узнаешь в творениях духа так же, как поражаешься сходству портрета с оригиналом, которого никогда не видел; ибо большой талант изображает в большей степени жизнь, чем *живущего*» [3: 422]. «Искусство можно рассматривать лишь в его связи с *идеалом прекрасного*. Надо сказать, что *жизненная правда* здесь вторична, более того, вымыслом приукрашивает себя искусство, и этой нашей склонности оно потакает. Искусство могло бы обойтись без нее, так как та *правда*, которой оно должно быть проникнуто, состоит в *верности наблюдений над человеческой природой, а не в подлинности фактов*» [3: 424–425].

Также в «Предисловии к драме “Кромвель”» Гюго утверждает главным художественным выражением новой христианской эпохи *драму*. «Поэзия, рожденная христианством, поэзия нашего времени есть, следовательно, драма; особенность драмы – это ее реальность; реальность возникает из вполне естественного соединения двух форм: возвышенного и гротескного, сочетающихся в драме так же, как они сочетаются в жизни и в творении, ибо истинная поэзия, поэзия целостная, заключается в гармонии противоположностей» [6: 452]. «Поэзия <...> начнет действовать, как природа, сочетая в своих творениях, но не смешивая между собой, мрак со светом, гротескное с возвышенным...» [6: 448]; «...драма есть зеркало, в котором отражается действительность. Но если это обыкновенное зеркало с ровной и гладкой поверхностью, оно будет давать лишь тусклое и плоскостное изображение, верное, но бесцветно. <...> ...следовательно, драма должна быть концентрирующим зеркалом, зеркалом, которое не ослабляет цветных лучей, но, напротив, собирает и конденсирует их, превращая мерцание в свет, а свет – в пламя» [6: 455]. Так Гюго обозначил важнейшую черту своего метода как в драме, так и в прозе: изображать предметы не в их обычных масштабах, а гиперболизируя, сгущая краски, изображать явления исключительные, подчеркивая крайности, противопоставляя контрастно добро и зло, безобразие и красоту, гротеск и возвышенное. При этом в самом

безобразии Гюго видит прекрасное, в жестоком сердце – дремлющую человечность, в несовершенном общественном устройстве – очертания гармонии, и даже в нечистотах парижской клоаки он провидит здоровую, радостную жизнь, в которую они преобразятся, пройдя через созидательный круговорот природы. Под гротеском Гюго понимал крайнее усиление каких-либо качеств. «Взор Виктора Гюго, – писал критик Montégut, – обладает очень странными привилегиями; ему свойственна способность необычайных преувеличений. Микроскопический мир, смиренная и скромная действительность, умеренные пейзажи не существуют для В. Гюго. Зато какой он мастер всего, что колоссально и подавляюще» (цит. по: [13: 46]). В свою очередь Л. П. Гроссман отмечает значительное сходство поэтических стилей Гюго и Достоевского: «Не меньшее внимание Достоевский обратил на сложную архитектонику романов Гюго. Он рассмотрел в ней исконное стремление автора возбуждать в читателе острый интерес к теме и непрерывно держать его внимание в состоянии крайнего напряжения. Он заметил все средства, направленные к достижению этой главной цели: сгущение красок, безмерные преувеличения, игру контрастами, внесение антирез не только в слог, но и в замыслы и в образы, непрерывную смену исключительных эффектов, нагромождение необычайных приключений и неожиданных катастроф и наконец громадное количество героев...» [5: 46–48]. Вслед за В. Гюго Шатобриан прямо переносит в прозу приемы и законы драмы: «...смутное брожение страстей в сочетании с реальными несчастьями могло бы быть великолепной основой для драмы. Странно, что современным писателям не пришло в голову изобразить это удивительное состояние души. И поскольку у меня нет иных примеров, то да будет мне позволено предложить читателям эпизод, взятый, как и “Атала”, из “Начезов”. Это жизнь того самого Рене, которому Шактас рассказывал свою историю. Это, так сказать, одна только *идея*; это чистое описание состояния *зыбкости страстей, а не событий и приключений*» [15: 400].

Нельзя не заметить, насколько явственно к такой концепции личности, одолеваемой «зыбкостью страстей», приближается Достоевский, утверждавший, что только через крайности постигается суть действительности, равно как гиперболичность черт наиболее выпукло отражает национальный характер. Так, Достоевский пишет Н. Н. Страхову 26 февраля (10 марта) 1869 года: «У меня свой особенный взгляд на действительность, и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив» (Т. 28. Ч. 2: 238).

Многочратно отмечалось, что проза самого Достоевского тяготеет к драме и сближается

с ней [4], [11]. У русского романиста нередко чисто драматические эффекты (театрально исповедальные признания, собиравшие множества героев в одной массовой сцене, аффектированные жесты наподобие поцелуев руки, пощечин, плевков в лицо и т. д.). Таким образом, то, что эстетические положения Гюго и – шире – французского романтизма 1830-х годов оказали на Достоевского большое воздействие, остается бесспорным.

Хотя после возвращения Достоевского с торговли его чувства к Гюго слегка охладели и выровнялись, но пиетет перед ним как художником остался, о чем свидетельствует его <предисловие к публикации перевода романа Гюго «Собор парижской богородицы»> в журнале «Время» 1862 года: «Виктор Гюго **бесспорно сильнейший талант** (здесь и далее выделения жирным шрифтом – мои. – А. К.), явившийся в девятнадцатом столетии во Франции. Идея его пошла в ход; даже форма теперешнего романа французского чуть ли не принадлежит ему одному. Даже его **огромные недостатки** повторились чуть ли не у всех последующих французских романистов...» (Т. 20: 29). Примерно то же Достоевский повторяет и в 1876 году: «У Виктора Гюго бездна **страшных художественных ошибок**, но зато то, что у него вышло без ошибок, **равняется по высоте Шекспиру**» (Т. 24: 119). Как мы видим, в отношении к Гюго сохраняется двойственность: отмечая неправдоподобие Гюго («страшные художественные ошибки»), Достоевский отмечает его поистине «шекспировский» драматизм и особенно ценит его как *романиста*, без которого невозможно представить современный романный жанр.

Наиболее отчетливо это проявляется в первом из романов «пятикнижия» – «Преступлении и наказании», в котором наиболее ощущается влияние французского социального романа.

Очевидно, что при построении сцены Гюго интересуется прежде всего не правдоподобием, а ее эффектностью. Вспомним, как в «*Misérables*» происходит первая встреча главных «отверженных» положительных героев, заданных Гюго как «святые», – Фантины и Жана Вальжана (в роли мэра Мадлена). Фантину, опустившуюся публичную женщину, жестоко оскорбляет на улице франт, засунув ей сзади комок снега за платье (притом что она больна чахоткой). Когда она, вне себя от боли и обиды, в бешенстве расцарапывает ему лицо, ее арестовывает суровый Жавер и приговаривает к шести месяцам тюрьмы. В участке она долго молит его о пощаде, объясняя, что тогда она не сможет зарабатывать деньги для своей больной дочурки (которую Тенардье грозятся выгнать на улицу) и произносит отчаянный монолог, «целуя у сыщика полу сюртука». Мы видим, как, не стесняясь никаких сильных средств и мелодраматических эффектов, Гюго придает сцене высший градус психологического напряжения. Но это только начало ее развертывания. Фантина встает с пола только тогда, когда слышит голос вошед-

шего мэра, в котором она воображает виновника всех своих несчастий. И тогда, в пароксизме ненависти, она с хохотом плюет Мадлену в лицо. И тут, отерев плевки с лица, Мадлен кротко велит отпустить Фантину, поскольку невольно слышал ее рассказ. Жавер, вдвойне ошеломленный как новым страшным оскорблением, нанесенным самому мэру, так и немислимым милосердием последнего, начинает спорить, фактически «взбунтовавшись» против главы города. При этом якобы совсем обезумевшая Фантина ослышалась, что отпустить ее хочет как раз Жавер – ведь она не может вообразить мэра иначе, как чудовищем – и продолжает проклинать Мадлена, понося его последними словами, и нежно благодарить благодетеля Жавера (когда Мадлен обращается к ней с предложением денег, Фантина осаживает его: «– Не с тобой говорят! И обратилась к солдатам: – Вы видели, ребята, как я плюнула ему в лицо? А, старый мошенник мэр, ты пришел сюда, чтобы напугать меня, а я тебя не боюсь! Я боюсь только господина Жавера, доброго господина Жавера!» (236)², и только когда Вальжан прогоняет Жавера и говорит ей, что он освобождает ее и берет на себя денежное обеспечение ее и ее ребенка, смятенная падает на колени перед мэром, целует ему руку и лишается чувств.

Итак, при всей своей демонстративной условности сцена достигает шекспировского драматизма, вызывая в памяти горестные заблуждения и отчаянные монологи безумного короля Лира. У Достоевского мотивы этой сцены отчасти воспроизводятся в «Идиоте», когда Мышкин после пощечины Гани забирает руки назад. Однако сопоставима эта сцена также и с другой – с поминками по Мармеладову в «Преступлении и наказании».

Драматические элементы определяют характер сюжета и стиль общения персонажей. У Катерины Ивановны «ум мешается» точно так же, как и у Фантины, от горя и невыносимых тягот бедности. Неумеренное расположение к одним людям (Раскольникову, Лужину) сочетается у нее с такой же беспричинной агрессией к другим (хозяйке), что неизбежно должно привести к взрыву. Так же, как Фантина упивается оскорблениями мэра (от которого она полностью зависит и который заступает за нее), Катерина Ивановна наслаждается, оскорбляя хозяйку, которая устроила ей поминки и которой она кругом должна. Скандал за столом нарастает, но в момент, когда Амалия Ивановна уже готова выгнать Катерину Ивановну с квартиры, на сцену выступает Лужин, обвиняющий Соню в краже ста рублей. Катерина Ивановна горячо вступает за Соню, не жалея бранных слов («Это Соня-то воровка! Да она еще тебе даст, дурак! – И Катерина Ивановна **истерически захохотала**. – Видали ль вы дурака? – бросалась она во все стороны, показывая всем на Лужина. – Как! И ты тоже? – увидела она хозяйку, – и ты туда же, колбасница, подтверж-

даешь, что она “вороваль”, подлая ты прусская куриная нога в кринолине! Ах вы! Ах вы!» (Т. 6: 303). Даже когда грозят вызвать полицию, Мармеладова кидает Лужину в лицо скомканную десятирублевую купюру (данную Лужиным ранее), но при обыске Сони действительно выпадает банковский билет. Катерина Ивановна не сдается, но лишь поднимает тон декламации на еще большую степень надрыва и отчаяния («– Соня! Соня! Я не верю! Видишь, я не верю! – кричала

Elle parlait ainsi, brisée en deux, secouée par les sanglots, aveuglée par les larmes, la gorge nue, se tordant les mains, toussant d'une voix sèche et courte, balbutiant tout doucement avec la voix de l'agonie. La grande douleur est un rayon divin et terrible qui transfigure les misérables. A ce moment-là, la Fantine était redevenue belle. A de certains instants, elle s'arrêtait et baisait tendrement le bas de la redingote du mouchard. Elle eût attendri un cœur de granit; mais on n'attendrit pas un cœur de bois.

(перевод: «Не поднимаясь с колен, согнувшись чуть не до самого пола, сотрясаясь от рыданий, ничего не видя от застилавших глаза слез, с полуобнаженной грудью, ломая руки и кашляя сухим отрывистым кашлем, она говорила тихо, словно умирающая. Великая скорбь – это божественный и грозный луч, преобразующий лица несчастных. В эту минуту Фантина снова была прекрасна. Время от времени она умолкала и кротко целовала у сыщика полу сюртука. Она смягчила бы каменное сердце, но деревянное сердце смягчить нельзя» (233).

В этот новый критический момент появляется Лебезятников, обличающий Лужина в подлоге. Вслед за ним выступает в защиту Сони Раскольников (это два весьма пространных монолога, вполне в духе героев Гюго). Когда Лужин с позором удаляется, один из пьяниц запускает в него стаканом, но попадает в Амалию Ивановну, после чего та в бешенстве выгоняет с квартиры Катерину Ивановну – прямо с поминок (которые Амалия сама же помогала организовать), с маленькими детьми-сиротами. После того как Соня, почти в беспамятстве, скрывается к себе домой, Катерина Ивановна в отчаянии бежит к генералу, бывшему начальнику Мармеладова, устраивает у него скандал («она сама его обругала и **чем-то в него пустила**» (Т. 6: 325), что аналогично пощечине, данной Фантиной Мадлену, ведь генерал тоже был скорее благодетелем ее семьи, и после незаслуженного оскорбления тот также проявляет благородство, не преследуя несчастную: «Как ее не взяли – не понимаю!»). В конце концов, «в полном иступлении» Мармеладова идет с детьми на улицу, желая показать всему миру, до чего она дошла в своих несчастиях. Ее реплики складываются в душераздирающий по боли и отчаянию монолог, под стать шекспировским безумцам, с напевами из французских романсов. Попутно она учит детей петь и тут же бьет их за непонятливость. Когда те пытаются убежать от нее, она бросается за ними, падает и разбивается

(несмотря на всю очевидность) Катерина Ивановна, сотрясая ее в руках своих, как ребенка, **целуя ее бесцельно, лоя ее руки и, так и впиваясь, целуя их**. – Чтоб ты взяла! <...> Ах, покойник, покойник! Видишь? Видишь? Вот тебе поминки! Господи! Да защитите же ее, что ж вы стоите все! <...> Мизинца вы ее не стоите, все, все, все, все! Господи! Да защити ж, наконец!» (Т. 6: 304–305). Авторское описание сцены практически аналогично Гюго, как по мотивам, так и по пафосу:

Плач бедной, чахоточной, сиротливой Катерины Ивановны произвел, казалось, сильный эффект на публику. Тут было столько жалкого, столько страдающего в этом искривленном болью, высохшем чахоточном лице, в этих иссохших, запекшихся кровью губах, в этом хрипло кричащем голосе, в этом плаче навзрыд, подобном детскому плачу, в этой доверчивой, детской и вместе с тем отчаянной мольбе защитить, что, казалось, все пожалели несчастную (Т. 6: 305).

в кровь. Когда ее относят на квартиру к Соне, ее речь превращается в бред, с постоянным цитированием стихов, на сей раз из Гейне и Лермонтова. Вскоре она умирает, отказываясь от исповеди, с шокирующим криком: «Уездили клячу!.. Надорвала-а-сь!» (Т. 6: 334).

В обоих рассматриваемых сценах совпадает множество мотивов: подлой обиды от богача, ложного обвинения и несправедливого ареста, материнского горя, проституции как самопожертвования ради детей, страданий от нищеты, чахотки, безумия. Заметно старание Достоевского использовать мотивы Гюго в иной комбинации: так, черты и обстоятельства жизни Фантины распределяются у Достоевского между двумя героинями – Соней и Катериной Ивановной. Общим остается сам пафос мелодраматического надрыва и накал драматического напряжения, вызванного немыслимым публичным скандалом.

Итак, Достоевский, вслед за Гюго, строит мелодраматическую сцену с театрально аффектированными позами и жестами, в которой точно так же изображаются кризисные состояния героев в период высшего эмоционального напряжения. Однако мизансцены у Достоевского предполагают гораздо большее число участников, а авторский комментарий минимизируется, при том что отношения между героями гораздо сложнее и противоречивее. Писатель неустанно подчеркивает «странность» и «невозможность» моделируемой им констелляции персонажей, однако никогда не уходит от психологического правдоподобия в той мере, как Гюго (за отсутствие реалистической мотивации Гюго критикует также Л. С. Некора [10]). Те парадоксы, символические совпадения, антитезы и контрасты, которые Гюго живописует в своих комментариях, Достоевский обозначает лишь в иронических репликах и аффектированных жестах. Например, риторико-нравоучительных пассажей, вроде: «Великая скорбь – это божественный и грозный луч, преобразующий лица несчастных. В эту минуту

Фантина снова была прекрасна», – мы у него вообще не встретим, кроме, пожалуй, одной реплики при чтении Соней Евангелия, явно навеянной Гюго: «Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги» (Т. 6: 251–252).

По подобному образцу Достоевский строит многие массовые сцены, или конклавы (термин введен Л. П. Гроссманом [4], см. также [8], [16]), в своих романах, где драматическое напряжение достигается за счет сопряжения множества конфликтующих друг с другом персонажей. Так, стилистика и патетика Гюго прослеживается Н. В. Черновой в поведении Степана Верховенского в «Бесах» [14: 174].

Сюжетные схемы драматических сцен у Гюго и Достоевского во многом совпадают. Вот их общие конструктивные элементы, построенные по принципу: драматический мотив – его неожиданное разрешение:

- 1) незаслуженное оскорбление – ответ еще более потрясающим милосердием, прощением (пощечина Гани – смирение Мышкина, пощечина Шагова – Ставрогин берет руки назад; плевок Фантины – милосердие Мадлена);
- 2) несправедливый приговор – спасение, разоблачение лжи (Лужин – Соня – Лебезятников; Жавер – Фантина – Мадлен, Шанматье, несправедливо обвиненный в краже, – Жан Вальжан, выдавший себя, чтобы его спасти);
- 3) ловушка – освобождение. Усиленный вариант: возможность освобождения и добровольный отказ от него (Раскольников, загнанный в угол Порфирием, и неожиданное спасение со стороны Миколки, Дуня на квартире у Свидригайлова; Жан Вальжан, пойманный бандой на чердаке у Тенардье и добровольно давший себя обезоружить).

Повторяются и главные роли: безжалостный злодей, провокатор, вершитель подвига самопожертвования, несчастная жертва (чаще всего героиня) и т. д. Типичными приемами для подобных сцен являются также всевозможные театральные-аффектированные жесты: поцелуи (руки, ноги), земные поклоны, коленопреклонения, пощечины, плевок в лицо. Отметим, что подобные жесты вообще излюблены Достоевским и встречаются у него даже чаще, чем у Гюго, и в самых различных сюжетных ситуациях. Попадают и совсем экзотические жесты: укус за палец (сцена самоубийства Кириллова, кстати, разыгранная почти в точности по мотивам кошмарного сна из «Последнего дня приговоренного» Гюго), укус за ухо или хватание за нос (шутки Ставрогина над губернатором и Гагановым), растаптывание или сжигание денег (Снегиревым и Настасьей Филипповной), кидание на землю (Ставрогин Федьку Каторжного и Петра Верховенского), публичная поимка с поличным (подлог Лужина), прищемление пальца дверью (Лиза Хохлакова после разговора с Алешей), сжигание

пальца на свечке, кидание камнями (Илюша Снегирев и одноклассники).

Следует признать, что «Преступление и наказание» – роман, где наиболее ощутимы традиции французской литературы, и в частности В. Гюго. Но все важнейшие принципы построения массовых сцен стабильно сохраняются у Достоевского, пусть и без столь буквального воспроизведения мотивов, а также с большей установкой на правдоподобие. Хотя романное действие само по себе протекает за короткий промежуток времени, основные фабульные события концентрируются в несколько отдельных дней, а в их пределах, в свою очередь, – в определенные часы (см. названия глав: «Роковое утро», «Многотрудная ночь» в «Бесах»).

Преобладание драматических элементов выливается в конечном итоге в то, что сюжет выстраивается не как событийная линия, но как ряд автономных драматических сцен с самой разнообразной конфигурацией персонажей по явлениям. Абсолютно преобладают, однако, либо разговоры двух персонажей наедине, либо массовые многофигурные сцены. Крайне редко встречаются трехфигурные или четырехфигурные сцены, такие как разговор Грушеньки и Катерины Ивановны при Алеше (гл. «Обе вместе»), Алеша и Грушенька при Ракитине (гл. «Луковка»), а также встреча Аглаи и Настасьи Филипповны в присутствии Мышкина и Рогожина. Обратим внимание, что во всех указанных сценах третий (и четвертый) персонажи присутствуют как наблюдающие сцену со стороны свидетели, то есть фактически выпадают из нее, находятся на особом положении. С другой стороны, также крайне редко дается изображение героя в одиночестве, сопряженное с формой внутреннего монолога: в романах «пятикнижия» мы найдем его в более или менее развернутом виде лишь в «Преступлении и наказании», но и там одинокие прогулки или раздумья героя непременно служат преддверием к некоей судьбоносной встрече (Мармеладовым, Лизаветой, мешанином, Заметовым, Свидригайловым и т. д.).

Каждая из массовых сцен выстраивается как самостоятельное композиционное целое. В промежутках между ними автор не столько развивает сюжет, сколько подготавливает очередную сцену.

Попробуем вычленить основные принципы построения и развития подобной драматической сцены у Достоевского:

- 1) Наличие одновременно нескольких сценариев развития сцены. Первоначально ожидаемый сценарий оказывается лишь поводом к сцене, но по мере развития сцены теряет актуальность и заменяется другим, неожиданно разворачивающимся на глазах читателя.
- 2) Постоянное обострение напряжения за счет того, что многие участники сцены не понимают смысла того, что происходит, поскольку не обладают информацией об изменении взаимно-

отношений между присутствующими, на фоне чего возникают всё новые провокации.

- 3) При вводе новых действующих лиц происходит узнавание новой скандальной информации и новый виток разбалансирования ситуации.
- 4) В точке бифуркации совершается шокирующий театрално-аффектированный жест (скандальный поступок).
- 5) На жест следует еще более неожиданный благородный ответ со спасительным прощением.
- 6) Сцена завершается либо условным примирением (отсроченным кризисом, как в случае временного примирения Настасьи Филипповны с Ганей – до именин вечером), либо срывом в новую катастрофу.

В дискурсе сцены обязательно наличествует исповедальный момент: кто-то из героев публично раскрывает свои задушевные терзания и идеи, обыкновенно тщательно скрываемые, чем зачастую достигается комический эффект. Комизм сцены может быть дополнительно усилен введением «шутов» из числа второстепенных персонажей (помещик Максимов, генерал Иволгин, Фердыщенко, Лебедев, Лебядкин). Как правило, комизм господствует на начальных этапах развертывания массовой сцены. Но при ее развитии все явственнее выступает ее трагический характер. В некоторых сценах трагическое начало соединяется с идейным содержанием (публичное заявление своей идеи Ипполитом на именинах у Мышкина, Мышкиным на званом вечере, Раскольниковым при первой встрече с Порфирием, Иваном в монастыре, Аркадием перед семейством Версилова или у Дергачева, Смердяковым, когда тот допускает возможность отречения от Христа). Отметим, что у Гюго при драматических эффектах комический элемент невозможен, равно как отсутствует и идейный.

По такому принципу строятся следующие сцены в романах:

«Село Степанчиково»: 1) сцена первого знакомства Сергея с Опискиным у матушки Ростанева; 2) сцена обвинения Фомой Настеньки с последующим изгнанием его из дома.

«Игрок»: 1) обед в начале романа, куда Алексей отправляется без приглашения; 2) сцена игры «бабуленьки» на рулетке.

«Преступление и наказание»: 1) семейное собрание Раскольниковых с разрывом с Лужиным; 2) поминки Мармеладова, включая продолжение скандала на улице и гибель Катерины Ивановны.

«Идиот»: 1) визит Настасьи Филипповны к Иволгиным; 2) именины Настасьи Филипповны; 3) визит к Мышкину «нигилистов», отстаивающих «права Бурдовского»; 4) попытка самоубийства Ипполита на именинах князя; 5) речь князя на «званом вечере», закончившаяся разбитой вазой и припадком; 6) Уход из дома генерала Иволгина с последующей его смертью на улице (прямой аналог сходжению с ума и гибели на улице Катерины Ивановны Мармеладовой).

«Бесы»: 1) сватовство Степана Трофимовича, завершившееся разрывом и пощечиной Шатова Ставрогину; 2) глава «У наших» с обличением Шатова.

«Подросток»: 1) рассказ Аркадия Версилову, матери и Татьяне Павловне о своем детстве в пансионе; 2) Разговор семьи Версильных с Макаром Долгоруким; 3) сцена разбивания Версильным иконы.

«Братья Карамазовы»: 1) посещение монастыря семейством Карамазовых; 2) гл. «За коньячком»; 3) сцена в Мокром; 4) суд над Митей.

Особенно многочисленны подобные сцены в «Идиоте», где они становятся основным композиционным элементом [2]; значительную роль играют они и в «Братьях Карамазовых». В остальных романах Достоевский выдерживает устойчивое количество: одна массовая сцена в «семейном кругу» (среди членов семьи и ее ближайшего окружения) и одна «семейно-публичная», где помимо членов изображаемого семейства присутствует целый ряд посторонних людей, так что, с одной стороны, сохраняется обостренный драматизм давно накипевших семейных противоречий, с другой – он приобретает неслыханный ранее общественный резонанс, порождая массу слухов и сплетен. В конечном итоге, именно массовые сцены придают романам Достоевского внешний драматизм, многофигурность и масштабность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст Достоевского приводится по: Полное академическое собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. В круглых скобках указывается номера тома (и части тома в случае необходимости), через двоеточие – страница.

² Текст Гюго приводится по: Гюго В. Отверженные: В 2 т. М.: Правда, 1972. Т. 1. 799 с. В круглых скобках указывается страница.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. С. 7–300.
2. Верина У. Ю. Анализ сцен и эпизодов в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Филологический класс. 2012. № 2. С. 99–107.
3. Виньи А. де. Размышления о правде в искусстве // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: МГУ, 1980. С. 420–425.
4. Гроссман Л. П. Достоевский-художник // Творчество Достоевского. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. С. 330–416.
5. Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М.: Государственная академия художественных наук, 1925. 189 с.

6. Гюго В. Из предисловия к драме «Кромвель» // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: МГУ, 1980. С. 447–458.
7. Достоевский Ф. М. Полн. акад. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
8. Иванов В. В. Традиции юродства в образе шута и «конклав» в структуре романа «Село Степанчиково и его обитатели» // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1984. С. 137–145.
9. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
10. Некора Л. С. Социальный роман Виктора Гюго. М.; Л.: Academia, 1932. 484 с.
11. Родина Т. М. Достоевский: Повествование и драма. М.: Наука, 1984. 246 с.
12. Хализев В. Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). М.: Изд-во МГУ, 1986. 260 с.
13. Цейтлин А. Г. «Преступление и наказание» и «Les Misérables». Социологические параллели // Литература и марксизм. 1928. № 5. С. 20–58.
14. Чернова Н. В. «Человек, который смеется» Гюго в романе Достоевского «Бесы» // Достоевский: Философское мышление, взгляд писателя. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 173–190.
15. Шатобриан Ф. Р. де. Огрывок из «Гения христианства» // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: МГУ, 1980. С. 399–403.
16. Щенников Г. К. Конклав // Достоевский: эстетика и поэтика: Словарь-справочник / Под ред. Г. К. Щенникова. Челябинск, 1997. С. 175–176.
17. Щенников Г. К. Религиозное подвижничество в романе В. Гюго и Ф. М. Достоевского: Две культурно-исторические модели // Российский литературоведческий журнал. 1993. № 3. С. 72–80.

Krinitsyn A. B., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

ON MASS SCENES' ORGANIZATION PRINCIPLES IN DOSTOEVSKY'S WORKS: THEATRICAL EFFECTIVENESS OR ROMANTIC TRADITION?

The study of the plot in Dostoevsky's novels makes it evident that there is more than just one culmination. This feature is inherent to all complex genres where actions develop over a long period of time. This fact is explained by a number of moments where emotional tension dramatically increases. Dostoevsky himself tries to represent such moments as points of bifurcation: they are mass scenes that result in a succession of scandals. Dostoevsky tends to be interested mostly in spectacular and impressive mass scenes. Such tradition of action organization goes back to the genre of drama and – more precisely – to the French romantic drama. Trying to depict characters in the state of emotional crisis at the moment of extreme psychological tension, Dostoevsky follows Hugo's tradition and creates melodramatic scenes with affected poses and gestures. Interpersonal relations between characters become more complicated and contradictory and a lot more personages are involved in Dostoevsky's mise-en-scènes. At the same time, the author's comments are minimal, unlike Hugo's drama. The article is concerned with dramatic actions in the works of Dostoevsky and Hugo and focuses on the similarities in the scenes characterized by the same organizing principle: a dramatic motif – its unexpected resolution. Such dominance of dramatic elements leads to a specific plot of nonlinear character, which is organized from a set of dramatic scenes with highly varying patterns of characters.

Key words: poetics of Dostoevsky's novels, French romanticism, V. Hugo, mass scenes, dramatic elements, scandal melodrama

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The problems of Dostoevsky's poetic [Problemy poetiki Dostoevskogo]. *Sobranie sochineniy*. Vol. 6. Moscow, Russkije slovari, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. P. 7–300.
2. Verina U. Yu. The analysis of scenes and episodes in Dostoevsky's novel "The Idiot" [Analiz stsen i epizodov v romane F. M. Dostoevskogo "Idiot"]. *Filologicheskij klass*. 2012. № 2. P. 99–107.
3. Vin' i A. de. Reflection on the truth in art [Razmyshleniya o pravde v iskusstve]. *Literaturnye manifesty zapadnoevropejskikh romantikov*. Moscow, Izd-vo MGU, 1980. P. 420–425.
4. Grossman L. P. Dostoevsky-artist [Dostoevskiy-khudozhnik]. *Tvorchestvo Dostoevskogo*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. P. 330–416.
5. Grossman L. P. *Poetika Dostoevskogo* [Dostoevsky's poetics]. Moscow, Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk Publ., 1925. 189 p.
6. Gugo V. From the foreword to the drama "Cromwell" [Iz predisloviya k drame "Kromvel"]. *Literaturnye manifesty zapadnoevropejskikh romantikov*. Moscow, Izd-vo MGU, 1980. P. 447–458.
7. Dostoevskiy F. M. *Polnoe akademicheskoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [The Complete Works: In 30 t.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.
8. Ivanov V. V. Traditions of the affected feeble-mindedness in the image of jester and "conclave" in the structure of "The Village of Stepanchikovo" [Traditsii yurodstva v obraze shuta i "konklay" v strukture romana "Selo Stepanchikovo i ego obitate-li"]. *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya*. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 1984. P. 137–145.
9. Likhachev D. S. The inner world of the work of art [Vnutrenniy mir khudozhestvennogo proizvedeniya]. *Voprosy literatury*. 1968. № 8. P. 74–87.
10. Nekora L. S. *Sotsial'nyy roman Viktora Gyugo* [The Victor Hugo's social novel]. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1932. 484 p.
11. Rodina T. M. *Dostoevskiy: Povestvovanie i drama* [Dostoevsky: narration and drama]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 246 p.
12. Khalizev V. E. *Drama kak rod literatury (poetika, genезis, funktsionirovaniye)* [Drama as a kind of literature: poetics, genesis, functioning]. Moscow, Izd-vo MGU, 1986. 260 p.
13. Tseytlin A. G. "Crime and Punishment" and "Miserables": the sociological parallels ["Преступление и наказание" и "Les Misérables". Sotsiologicheskie paralleli]. *Literatura i marksizm*. 1928. № 5. P. 20–58.
14. Chernova N. V. The influence of the novel "L'homme qui rit" of V. Hugo on Dostoevsky's "Devils" ["Человек, который смеется"] Gyugo v romane Dostoevskogo "Besy". *Dostoevskiy: Filozofskoe myshlenie, vzglyad pisatelya*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2012. P. 173–190.
15. Shatobrian F. R. The fragment from "The Genius of Christianity" [Otryvok iz "Geniya khristianstva"]. *Literaturnye manifesty zapadnoevropejskikh romantikov*. Moscow, MGU Publ., 1980. P. 399–403.
16. Shchennikov G. K. Conclave [Konklay]. *Dostoevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik* / Pod red. G. K. Shchennikova. Chelyabinsk, 1997. P. 175–176.
17. Shchennikov G. K. The religious asceticism in novels of V. Hugo and F. Dostoevsky: two cultural and historical models [Religioznoye podvizhnichestvo v romane V. Gyugo i F. M. Dostoevskogo: Dve kul'turno-istoricheskie modeli]. *Rossiyskiy literaturovedcheskiy zhurnal*. 1993. № 3. P. 72–80.

Поступила в редакцию 12.02.2016

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tvp-1979@mail.ru

ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ «ЩЕТИНКА» В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ КАРЕЛ*

В настоящий момент народная медицина карел является малоизученной. Разрозненные данные по различным способам врачевания не представляют полной картины всего многообразия и богатства этого вида карельской культуры. Цель данной статьи – исследование детской болезни «щетинка» с этнолингвистической точки зрения. Поставленная цель предполагает решение таких задач, как, во-первых, представить лексическое богатство карельского языка относительно леммы «щетинка» и определить происхождение собранных наименований. Во-вторых, проанализировать верования карел, касающиеся причин возникновения щетинки. В-третьих, отобразить способы врачевания этого детского заболевания. Весь собранный лексико-этнографический материал рассматривается в связи с близкородственными карельскому языками, а также с народами, проживающими с карелами длительное время на одной территории. Актуальность данного исследования определена первой попыткой анализа такого детского заболевания, как щетинка, в лексическом и этнографическом плане. Для исследования использовались как опубликованные источники, так и собранный автором полевой материал в районах Республики Карелия, который вводит в научный оборот новые данные.

Ключевые слова: карельский язык, верования карел, этнолингвистика, народная медицина, карельские народные названия болезней, мифология, прибалтийско-финские языки

Карельские крестьяне издавна занимались скотоводством, которое обеспечивало их пропитанием (мясо, молоко, масло), одеждой (шерсть для вязания, кожа для обуви), лечебными средствами (жир, сало, помет), а также приносило финансовое благополучие (продажа мяса, молока). Находясь в постоянной близости с домашним скотом, люди, несомненно, примечали особенности его поведения и повадки, в результате чего зарождались различные приметы и суеверия. Целью данного исследования является на примере детской болезни «щетинка» проследить влияние поверий, связанных с домашним животным свиньей, на процесс номинации и лечебные ритуалы у карел.

Уже с древних времен среди прибалтийско-финских народов бытуют поверья о существовании болезни «щетинка», которые были связаны, в первую очередь, с поведением беременной женщины. Эти верования указывали на то, что предпосылками для появления щетинки являлись неправильные или грубые действия женщины, нудящей ребенка, относительно животных (в некоторых случаях указывалось конкретное животное – свинья). Так, например, карелы-людики (д. Галлезеро Кончезерского сельского поселения Кондопожского района) и собственно карелы (Калевальский район) утверждали: если беременная женщина пнет любое животное с шерстью (кошку, собаку, корову, лошадь и т. д.), то ее ребенок родится с волосами (щетинкой) на животе [19: 287], [21: 226]. Такие же поверья бытовали у финнов [17: 157]. Людиковские карелы д. Ми-

хайловское считали, что причиной щетинки было мочеиспускание беременной женщины на то место, где она спит [20: 153]. Данные поверья были основаны на архаических представлениях о взаимосвязи человеческого и природного.

Повенецкие карелы Олонецкой губернии объясняли возникновение щетинки двояко:

1) На взрослых это заболевание насылалось колдунами, которым нечистой силой приказано каждую пятницу отпускать щетины на ветер. Пристают они к тем, кто вышел утром из дому, не перекрестившись. Такие щетинки замучают человека до смерти.

2) К детям щетинки пристают из-за неосторожности матери, которая во время беременности пнула собаку или кошку.

Финны связывали появление щетинок также со свиньей: с ее прохождением между ног беременной женщины, а кроме того, со взглядом младенца чужими людьми [17: 158].

Среди ливвиковских карел вышеуказанные поверья не зафиксированы. Трудно предположить, с чем это связано. Например, этнограф К. К. Логинов указывает на то, что в Сямозерье карелы-ливвики традиционно разводили коров, лошадей и овец. Свиней впервые попробовали разводить только в 1930-е годы в колхозах [4: 165]. Однако К. Хейккинен пишет, что «в Олонецкой Карелии держали свиней, в отличие от Беломорской». Исследователи культуры и быта карел-ливвиков Олонецкого района отмечают, что причиной щетинки могло быть то, что младенца редко и плохо мыли [2: 84].

Локальные различия четко отражены и в карельских вариантах наименования болезни «щетка». В собственно карельском и людиковском наречиях лексемы представлены в большем объеме. Вероятно, это связано с вышеупомянутыми верованиями и особенностями животного мира среди карел. Самое распространенное наименование, имеющее наибольшее количество диалектных форм собственно карельского и людиковского наречий, а также других прибалтийско-финских языков, является *harjas*: ск. (Калевала, Тверь) *harjaš*, (Суйстамо) *harjaksed* [11: 175]; (Беломорская Карелия) *mis'täpä sie t'iesit jotta lapsella oli harjaksie?* [23: 157] 'как ты узнал, что у ребенка щетка?' // люд. (Михайловское) *ende lapsel hard'aksed ol'd'ih selgäs'* [20: 152] 'раньше у ребенка щетка могла быть на спине' // ср. (эст.) *seaharjas* [16: 480]; (фин.) *harjas*. Надо отметить, что в балтийских языках (ср. лит. – *šerjūs* 'свиная щетина'; латв. – *sars, saris* (мн. ч. *sari*) 'свиная щетина' [18: 142]) слово *harjas* имеет значение 'свиная щетина' не в смысле 'болезнь', а как 'покрытие кожи свиньи'. В диалектах финского языка наименование *harjakset* более распространено, чем *sukaimet* [17: 155]. Очевидно, эту лексему стали использовать для обозначения болезни «щетка» в связи с тем, что у некоторых новорожденных при рождении были острые белые волоски, которые колелись, и ребенок из-за этого беспокойно спал, волоски напоминали по цвету и жесткости свиную щетину (ПМА). В некоторых источниках использование лексемы *harjas* в качестве названия детской болезни объясняется тем, что при образовании щетинок на теле ребенка становится беспокойным, все время ворочается, как будто чешет спинку, и в это время издаёт звуки, напоминающие хрюканье свиньи («*lapsi röhisee, rytisöö, röhkiä*» 'ребенок хрипит, трещит, хрюкает') или бляение овцы [17: 156].

Не менее распространенной в диалектах собственно карельского, ливвиковского и людиковского наречий карельского языка является лексема *sugahat*: ск. (Корписельга) *sugahan'i* [11: 536], (Тверь) *šughid* [9: 14], *šugahat* [10: 279]; (Тихвин) *šuvaš* [7: 314]; (Беломорская Карелия) *oliko lapsilla sukahais'ie?* [23: 157] 'была ли у детей раньше щетка?'; (Суйстамо) *oltihko lapsilla ennen mois'et sukahat?* [21: 225] 'были ли раньше у детей щетки?' // ливв. (Корбинаволо, Лахта, Печная Сельга, Мегрозеро, Юргелица, Царь-Порог) *sugahat* [ПМА]; (Сямозеро) *ročin sugahad oldih minun brihačul* [13: 273] 'у моего сына была щетка' // люд. (Галлезеро) *lapsele vačas kazvaška'au karvaižet kui sugahad* [19: 297] 'у ребенка на животе растут волосы, как щетки' // ср. (вепс.) *sugased* [3: 179]. Слово *suvas* (мн. ч. – *sugahat*) имеет арийское происхождение **śuka-sūkā* ('зубец, иголка, острие') [18: 209]. Щетинкой в детстве страдал почти каждый ребенок, а иногда и взрослый. Причиной ее были мелкие вкрапления в кожу первичного во-

лосяного покрова на шее, лопатках, вдоль позвоночника и в районе крестца, наружной и боковых поверхностях предплечья, вокруг сосков на груди и в области солнечного сплетения [6: 91]. Свиная щетина напоминает острую иголку, видимо, по этой причине в прибалтийско-финских языках лексему *suka* стали использовать для обозначения свиной щетины, а позднее и в карельском (вепсском) языке для обозначения детского заболевания «щетка» (ПМА).

У вепсов возникновение болезни «щетка» (вепс. *sugased*) объяснялось обидой свиньи на человека. Связывали это, равно как и у карел, с тем, что беременная женщина могла пнуть домашних животных. Кроме того, у вепсов запрещалось ругать свинью, иначе она отомстит «болезнью от ругани» (вепс. *ehitiž*), симптомами которой были зубная боль и распухание рта. Здесь просматривалось некое уподобление свинье (вздутие некоторых органов). Насланной свиньей болезнью вепсы считали и *siganišk* 'паротит' (букв.: свиная шея) [1: 402].

Как само заболевание «щетка», так и избавление от нее являлось очень изнурительным процессом. Иногда, после очищения от волосков, у ребенка образовывались гнойные прыщи, нарывы или же волосинки становилось еще больше [17: 157]. Это было связано с тем, что волосинки выдергивали, оставляя ранки на коже младенца.

Повсеместно, на всей территории проживания карел, лечение щетинок проходило чаще всего в бане. Перед парением ребенка его спинку и плечи смазывали тестом, которое замешивали на грудном молоке матери, слюне, водке, дрожжах, жире или меде, смазывали им пеленку или участок кожи с волосками, пеленали и оставляли на ночь. Утром, когда тесто засохнет, отдирали, не отмачивая пеленку (д. Войница, г. Кемь, д. Куйварви, д. Михайловское, д. Новое, д. Олонец, д. Сало, д. Семеновское, д. Сямозерье) [2: 84], [5: 249], [9: 146], [12: 227], [14: 52], [15: 248], [17: 166], [20: 152], [21: 225], [22: 36]. Никаких заговоров при этом не произносили. Подобным образом лечили щетки финны, русские, но у русского населения Карелии зачастую магические действия с тестом и пеленанием малыша сопровождались заговором [6: 91–92], [17: 162].

Использование частей тела, внутренностей или выделений именно того животного, которого считали «виновником» в появлении недуга, является характерным для карел (см., например, [8: 106–110]). Болезнь «щетка» не стала исключением: ливвиковские карелы (Олонецкий район) на свиное сало нашептывали воскресную молитву, затем втирали его в спинку и плечи ребенка и парили дитя в бане. В данном способе лечения просматривается смешанность языческих и христианских представлений: на сало «виновника» болезни нашептывается молитва. Это явление было весьма распространенным среди карел на

протяжении длительного времени. Во многих заговорах наряду с языческими богами люди обращались к Деве Марии, Иисусу Христу и др.

Фитотерапия – самый распространенный способ лечения в карельской народной медицине. Приоритет в траволечении всех групп карел безусловно принадлежал березе. Березовый веник обладал большой целительной силой. Их заготавливали в июне после Иванова дня (тверские карелы – после Троицы, что происходило под влиянием русского населения), когда листья еще не начинают опадать. Для этого выбирали небольшую березу и языком проверяли ее листья: если лист был темный и гладкий, то ветки этого дерева подходили для веника; если же лист – жесткий и шершавый, то не подходили [22: 78]. Тихвинские карелы (д. Коргорка) для удаления волосков брали березовый веник трехлетней дав-

ности, клали его в горячую воду, парили ребенка им и терли. Затем этот веник одевали на кол и оставляли «сидеть» на колу [7: 315]. Березовым веником лечили малыша сямозерские и олонецкие карелы. Распарив кожу ребенка, они накрывали его шелковым или шерстяным платком, затем снова парили. Так делали до тех пор, пока все волоски не прилипали к платку [5: 249], [17: 166].

В заключение хочется отметить, что верования, связанные со свиньей как «насылателем» и «виновником» заболеваний, среди которых детская болезнь «щетинка», широко представлены не только среди карел, но и у других прибалтийско-финских народов. Это отражено не только в наименованиях рассмотренного нами заболевания ((кар.) *sugahat*, *harjakset*, (вепс.) *su-gased* ‘щетинка’, (эст.) *seaharjas*, (фин.) *harjakset*), но и в некоторых способах лечения.

*Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СОКРАЩЕНИЯ

вепс. – вепсский язык
 латв. – латвийский язык
 ливв. – ливвиковское наречие карельского языка
 лит. – литовский язык
 люд. – людиковское наречие карельского языка
 ПМА – полевой материал автора
 ск. – собственно карельское наречие карельского языка
 эст. – эстонский язык

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
2. Верхний Олонец – поселок лесорубов (опыт этнографического описания) / Отв. ред. К. В. Чистов. М.; Л.: Наука, 1964. 194 с.
3. Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский, русско-вепсский учебный словарь. Петрозаводск: Карелия, 1995. 191 с.
4. Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия // История и культура Сямозерья / Под ред. В. П. Орфинского, И. Е. Гришиной, А. П. Конкка. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 153–245.
5. Логинов К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов // История и культура Сямозерья / Под ред. В. П. Орфинского, И. Е. Гришиной, А. П. Конкка. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 247–254.
6. Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 229 с.
7. Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л.: Наука, 1980. 382 с.
8. Пашкова Т. В. Компонент *koigu* ‘собака’ в карельских народных названиях болезней // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 1 (13). С. 106–110.
9. Слушаю карельский говор / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с.
10. Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
11. *Karjalan kielen sanakirja. Osa V.* Helsinki: SUS, 1997. 634 s.
12. *Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa / Toim. Laaksonen P., Piela U.* Helsinki: SKS, 1983. S. 225–230.
13. *Näytteitä karjalan kielestä. I.* Joensuu; Petroskoi: Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. 457 s.
14. *Paulaharju S. Karjalainen sauna.* Helsinki: SKS, 1982. 109 s.
15. *Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus).* Helsinki: SUS, 1971. 388 s.
16. *Pihel K., Pikamae A. Soome-eesti sõnaraamat.* Tallinn: WSOY, 1986. 457 s.
17. *Ruotsalainen A. Pikkulasten “harjakset” // Kalevalaseuran vuosikirja.* Porvoo; Helsinki, 1951. Osa 31. S. 179–199.
18. *Suomen sanojen alkuperä.* Helsinki: SKS, I – 1992. 486 s., III – 2000. 503 s.
19. *Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II.* Helsinki: SUST, 1963. 419 s.
20. *Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Osa VI.* Helsinki: SUST, 1994. 240 s.
21. *Virtaranta P. Vienan kylä kiertämässä.* Porvoo; Helsinki: WSOY, 1978. 700 s.
22. *Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää.* Porvoo; Helsinki: WSOY, 1961. 271 s.
23. *Virtaranta P. Vienan kansa muistelee.* Porvoo; Helsinki: WSOY, 1958. 804 s.

Pashkova T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CHILDREN'S ILLNESS "SHCHETINKA" IN KARELIAN LANGUAGE AND CULTURE

It was revealed that the folk medicine of Karelian village population is poorly studied. Multiple fragmented data on various ways of treating people can hardly reflect a full picture of the variety and richness of this segment of Karelian culture. The purpose of this article is to study the children's illness "shchetinka" using an ethnolinguistic approach. In order to research the subject in focus it is necessary; first, to present the lexical richness of Karelian language concerning a lexeme "shchetinka" and to define the origin of all collected names; secondly, to analyze local beliefs explaining the reasons of "shchetinka"'s emergence; thirdly, to reveal the ways of doctoring this children's disease. All collected lexical and ethnographic material is studied with consideration of other languages closely related to Karelian language and different nations living with Karelians on the same territory for a long time. The relevance of this research is defined by the first attempt of the research aimed at the analysis of the disease in focus. The study is based on the lexical and ethnographic approach. Both the earlier published documents and multiple field materials collected by the author in the regions of the Republic of Karelia were used to carry out a research, as a result, new data were introduced into the scientific circulation.

Key words: Karelian language, beliefs of Karelians, ethnolinguistic, traditional medicine, Karelian national names of diseases, mythology, Baltic-Finnish languages

REFERENCES

1. Vinokurova I. Yu. *Mifologiya vepsov: Entsiklopediya* [Mythology Veps: Encyclopedia]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015. 524 p.
2. *Verkhniy Olonets – poselok lesorubov (opyt etnograficheskogo opisaniya)* [The top Olonets – the settlement of woodcutters (experience of the ethnographic description)] / Editor-in-chief K. V. Chistov. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 194 p.
3. Zaytseva N. G., Mullanen M. I. *Vepssko-russkiy, russko-vepsskiy uchebnyy slovar'* [Veps-Russian, Russian-Veps educational dictionary]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1995. 191 p.
4. Loginov K. K. Material culture and productive household magic [Material'naya kul'tura i proizvodstvenno-bytovaya magiya]. *Istoriya i kul'tura Syamozer'ya* / Edited by V. P. Orfinskiy, I. E. Grishiny, A. P. Konkka. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008. P. 153–245.
5. Loginov K. K. Maternity rituals and methods for treating infantile diseases [Rodil'naya obryadnost' i sposoby lecheniya mladencheskikh nedugov]. *Istoriya i kul'tura Syamozer'ya* / Edited by V. P. Orfinskiy, I. E. Grishiny, A. P. Konkka. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008. P. 247–254.
6. Loginov K. K. *Semeynye obryady i verovaniya russkikh Zaonezh'ya* [Family ceremonies and beliefs of the Russians of Zaonezhya]. Petrozavodsk, Karelian scientific center of the Russian Academy of Sciences Publ., 1993. 229 p.
7. *Obraztsy karel'skoy rechi* [Samples of the Karelian speech] / Comp. V. D. Ryagoev. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 382 p.
8. Pashkova T. V. The component koiru 'dog' in Karelian folk names of diseases [Komponent koiru 'sobaka' v karel'skikh narodnykh nazvaniyakh bolezney]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2013. № 1 (13). P. 106–110.
9. *Slushayu karel'skiy govor* [Listen to the Karelian dialect] / Comp. A. V. Punzhina. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. 208 p.
10. *Slovar' karel'skogo yazyka (tverskie govory)* [Dictionary of the Karelian language (Tver dialects)] / Comp. A. Punzhina. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1994. 396 p.
11. Karjalan kielen sanakirja. Osa V. Helsinki: SUS, 1997. 634 s.
12. Norvik P. Djozhan karjalaisten kansanlaäkinnästä // Kansa parantaa / Toim. Laaksonen P., Piela U. Helsinki: SKS, 1983. S. 225–230.
13. Näytteitä karjalan kielestä. I. Joensuu; Petroskoi. Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. 457 s.
14. Paulaharju S. Karjalainen sauna. Helsinki: SKS, 1982. 109 s.
15. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki: SUS, 1971. 388 s.
16. Pihel K., Pikamae A. Soome-eesti sõnaraamat. Tallinn: WSOY, 1986. 457 s.
17. Ruotsalainen A. Pikkulasten "harjakset" // Kalevalaseuran vuosikirja. Porvoo; Helsinki, 1951. Osa 31. S. 179–199.
18. Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, I – 1992. 486 s., III – 2000. 503 s.
19. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki: SUST, 1963. 419 s.
20. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Osa VI. Helsinki: SUST, 1994. 240 s.
21. Virtaranta P. Vienan kylä kiertämässä. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1978. 700 s.
22. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1961. 271 s.
23. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1958. 804 s.

Поступила в редакцию 10.03.2016

УДК 821.161.1+011/016+908

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА УРВАНЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
naturv@mail.ru

КИЖИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ: К БИБЛИОГРАФИИ ВОПРОСА*

Статья описывает круг литературно-художественных и библиографических источников по теме «Остров Кижы в русской литературе XX–XXI веков» в его современном состоянии. Авторы анализируют специфику и степень полноты опубликованных к настоящему моменту тематических указателей, приводят примеры обнаруженных лакунов. Публикация включает библиографический список источников, дополняющих существующие указатели.

Ключевые слова: русская литература, Русский Север, остров, геопоэтика, библиография, литературоведение

В 2014 году Россия и мир отпраздновали 300-летие одного из архитектурных шедевров – Преображенской церкви на острове Кижы. В связи с этим событием вышло множество публикаций как в периодической печати, так и в специализированных научных изданиях. Среди них – новый библиографический указатель «Ансамбль Кижского погоста: история, архитектура», составленный Научной библиотекой Петрозаводского государственного университета, в котором собраны наименования сотен источников, отражающих, согласно аннотации, наиболее значимые аспекты изучения знаменитого памятника деревянного зодчества, сотни исторических, публицистических, научных статей и книг периода с конца XIX по начало XX века. Составители указателя оставили вне поля зрения одну существенную сторону бытования кижской темы в русской культуре – литературно-художественную репрезентацию острова, достаточно интересную и саму по себе, и в свете растущего интереса гуманитарных дисциплин к изображению и мифологизации пространств и мест, проявившегося сначала как изучение локальных текстов русской и мировой культуры, сегодня же сфокусировавшегося на междисциплинарных исследованиях, активно ведущихся в России и за рубежом [5].

Так же как Москва и Петербург, Кавказ и Сибирь, Урал и Соловки, остров Кижы принадлежит к числу культурно значимых мест, чей ландшафт давно приобрел, помимо геофизических, еще и символично-поэтические характеристики. Сам термин «кижский текст» был введен нами в 2012 году в докладе, прочитанном в Институте мировой литературы имени Горького, по аналогии с именованьем других локальных текстов – пе-

тербургского, московского, сибирского, пермского и подобных [6]. Говоря о кижском тексте, мы имеем в виду комплекс идей, образов, связанных с островом Кижы, воссоздающих в нашем сознании его историко-культурный и природный ландшафт, его «легенду местности» (термин Н. П. Анциферова) [4: 10]. Более компактный в плане текстового выражения, круга источников и, возможно, тем и мотивов, кижский круг сюжетов в то же время является самым молодым и активно развивающимся на протяжении последних десятилетий.

Один из важных аспектов изучения кижского текста русской литературы – библиография вопроса. В любом литературоведческом исследовании библиография составляет фундамент собственно научного построения. Полнота и точность – качества, которым библиографическая база исследования призвана удовлетворять. При этом они по необходимости являются относительными, так как любая библиография со временем устаревает и требует обновления.

Основу библиографии данной темы в русской литературе заложил подготовленный и опубликованный в 1995 году библиографами Национальной библиотеки Республики Карелия Т. В. Осиповой и Т. В. Терпуговой библиографический указатель «Кижы» [2]. Художественной литературе о Кижях здесь посвящены два раздела, насчитывающие в общей сложности 129 источников, из которых 25 – это прозаические тексты и 104 – стихотворные. Издание, помимо прочего, содержит ссылки на тематически близкие библиографические указатели, каков, например, указатель «Карелия в художественной литературе» 1981 года. В последнем есть небольшой раздел, посвященный музею-заповеднику

«Кижки». Он содержит 35 источников, учтенных впоследствии в специализированном указателе.

По целому ряду естественных причин не все источники нашли отражение в существующей библиографии. Лакуны эти со временем должны быть восполнены. Речь в настоящем случае идет как о естественном приросте источников после 1995 года, так и о произведениях, написанных и/или опубликованных до 1995 года, но не зафиксированных в тематических указателях. Тем более, что между последними встречаются весьма значимые и репрезентативные для кижской темы, такие, без которых у нас не может быть полного и глубокого представления об истории, хронологии и масштабах кижского текста русской литературы. Приведем примеры таких текстов.

В числе первых авторов, обратившихся в своем творчестве к кижской теме, как нам уже сегодня известно, – Николай Клюев. Указание на кижские мотивы в поэзии Клюева дает Е. И. Маркова, исследовавшая образы олонецких храмов в его творчестве: «Говоря о многоглавии, Клюев имеет в виду как группу церквей (“Лопский погост – многоглавый петух...”), так и “храм о двадцати главах”. Воспел поэт и два высших творения древних мастеров: Преображенский храм (двадцать две главы) в Кижках и Покровский (двадцать четыре главы) в Вытегре» [3: 281–282].

В поэме «Мать-суббота» Н. Клюев упоминает Кижки, ставя в один ряд со знаменитыми севернорусскими монастырями:

Палеостров, Выгу,
Кижки, Соловки
Выплескали в книгу
Радуг черпаки.

В лирике Клюева упоминания Кижей не носили развернутого характера. Однако свойства лирики как «концентрированного» текста (Т. Сильман: «как можно короче и как можно полнее») компенсируют краткость текстовых отрывков насыщенностью смыслов, рождаемых поэтическим контекстом. Интересно и то, что это первые известные нам по времени обращения к кижской теме, свершившиеся задолго до того, как Кижки обретут всемирную известность. В 1920–1930-х годах, до организации музея-заповедника, Кижки привлекали на порядок меньше внимания общественности, в том числе и литературной. В этом смысле поэмы Н. Клюева оказываются важнейшим источником для изучения репрезентации Кижей в русской литературе, а возможно, и хронологической точкой отсчета кижского текста. При этом понятно, почему его тексты оказались пропущены в кижской библиографии. Это связано с трагичной судьбой поэта и его наследия. На долгие десятилетия оно было выключено из историко-литературного процесса и возвращаться начало только в 1990-е годы. «Песнь о Великой Матери», например, впервые была опубликована в 1991 году в журнале «Зна-

мя», в заглавие ее кижская тема не вынесена, и в поле зрения библиографов тексты Клюева закономерно не попали.

Формально не закреплена оказалась в кижской библиографии 1995 года и историческая повесть Константина Паустовского «Судьба Шарля Лонсевиля», изданная впервые в Москве в 1932 году. Написанная на карельском материале и посвященная истории Александровского завода в Петрозаводске, она содержит развернутый эпизод, посвященный Кижскому восстанию. Главы повести с кижским материалом вошли в первую антологию «Карелия в художественной литературе», составленную В. Г. Базановым и С. Шлеймовичем в 1940 году, которая включена в указатель 1995 года. Но само имя К. Паустовского в разделе прозы отсутствует. Повесть названа в качестве источника в указателе «Карелия в художественной литературе», правда, в разделе, посвященном городу Петрозаводску. А собственно в «кижском» разделе указания на этот текст нет. Как нет и ссылки на книгу К. Паустовского «Золотая роза» (1955), в одном из очерков которой («Белая ночь») описывается пребывание писателя в Карелии во время работы над повестью. В том числе там упомянут и визит на остров Кижки. Лакуна эта представляется тем более существенной, что выход «Золотой розы» послужил импульсом к развитию кижской темы в творчестве Ю. П. Казакова.

Ни в один тематический указатель до сих пор не попал известный рассказ Ю. Казакова «Адам и Ева» (1962). Это объясняется, по всей вероятности, тем, что формально Кижки в рассказе ни разу не упомянуты, хотя кижский ландшафт описан в рассказе детально. Со слов Б. А. Гущина, старшего сотрудника музея-заповедника «Кижки», пространство, изображенное в рассказе, можно безошибочно соотнести с Карелией, и более конкретно – с Петрозаводском и островом Кижки. Нам удалось установить обстоятельства, проясняющие, почему в рассказе Казакова появился узнаваемый кижский ландшафт. Его написанию предшествовала поездка писателя в Карелию и на остров Кижки в сентябре 1959 года, о чем сохранились упоминания в переписке Ю. Казакова. В рассказе, опубликованном спустя три года, все названия заменены на вымышленные, хотя и ассоциативно напоминающие об Онежском озере и острове Кижки. Однако сам ландшафт, включая храмовый ансамбль, воссоздан с такой детальностью и играет такую роль в сюжете, что рассказ Казакова, на наш взгляд, должен быть включен в кижскую библиографию, наряду с теми текстами авторов-шестидесятников, в которых название местности оказалось сохранено.

Созданные до 1995 года литературные произведения о Кижках не всегда попадали в тематический указатель еще и потому, что некоторые были опубликованы не сразу, а спустя многие

годы после написания. Таков, например, рассказ известного петербургского писателя А. Житинского «Путевка в Кижы». На официальном сайте писателя и в последующих публикациях рассказ датирован 1974 годом. Однако первая публикация в сборнике состоялась в 2001 году. Сложно сказать, почему этот рассказ был опубликован так поздно. Возможно, писатель считал его не совсем удачным. Однако текст в итоге все-таки вошел в прижизненные издания. Масштабы литературного дарования А. Житинского, бывшего одним из ярких ленинградских прозаиков 1970–2000-х годов, безусловно, влияют и на нашу оценку значения кижских сюжетов в русской литературе XX века, коль скоро писатель обратился к этой теме и даже поставил название острова в заглавие своего рассказа.

За рамки корпуса литературно-художественных текстов до настоящего момента были вынесены и произведения синтетических жанров, балансирующие на грани научно-популярного и собственно художественного письма. Такой является, например, книга о Кижях ученого, знатока севернорусской архитектуры академика В. П. Орфинского. Впервые она была опубликована в 1968 году под заголовком «Путь длинной в шесть столетий: архитектурные новеллы» и впоследствии дважды переиздавалась с частично измененным названием «Логика красоты: архитектурные новеллы». Уже первый заголовок сигнализировал читателю о сложной, синкретической авторской стратегии этой книги, где исторические, этнографические и архитектурные сведения излагались с живой и местами поэтичной авторской интонацией, а схемы архитектурных построек соседствовали с авторскими отступлениями, характерными для очерковой литературы или даже лирической прозы. Последний вариант названия, сохранив необычный авторский жанровый подзаголовок, только усилил эстетическую константу книги, приближающую ее к литературно-художественному дискурсу. Исходя из этого нам кажется возможным и логичным включить популярную работу В. П. Орфинского

не только в научный, но и в литературно-художественный контекст.

Количественно значимое приращение источников произошло после 1995 года. Среди текстов – произведения карельских авторов: Г. Салтупа, Б. Гущина, О. Мошникова, С. Панкратова, Е. Николаевой, Ю. Линника, А. Пертту (роман последнего «Petroskoin symposiumi» (Petroskoi: Verso, 2001), где упоминается остров Кижы, не переводился на русский язык) и других; российских прозаиков и поэтов – И. Бурковой, А. Житинского; зарубежных писателей – М. Вилька (Польша). Отдельный массив составляет сегодня сетевая литература, дающая большое разнообразие произведений о Кижях от графоманских стихов с портала «Стихи.ру» до тонкой и сложной поэзии Лидии Корниловой (<http://lida-kornilova.ru/#/stih/i-vse-taki/kizhi/>).

Названные источники, вероятно, не закрывают всех лакун, но они существенно дополняют зафиксированную в указателях художественную и очерковую литературу о Кижях и в количественном смысле, и в качественном. Применительно к изучению кижских сюжетов русской литературы картина будет значительно разниться, опираемся ли мы на круг вошедших в указатель 1995 года источников или принимаем в поле своего внимания произведения Н. Клюева, К. Паустовского, А. Житинского, Ю. Казакова.

В публикуемый ниже список нами включены вышедшие к настоящему моменту научные издания и статьи, освещающие кижские сюжеты русской литературы, стихи, прозу, не указанные в публиковавшихся до настоящего момента тематических библиографических указателях («Карелия в художественной литературе» (1981), «Кижы: указатель литературы» (1995)), дополняющие их. В списке не указываются переиздания произведений. Отдельным разделом представлена антология поэзии и прозы «Сказ о Кижях» (1988), ранее ошибочно помеченная в указателе «Кижы» как сборник стихов [2: 53].

Отбор текстов, представленных в настоящей публикации, закончен в 2015 году.

Кижы в литературоведении

Байнин С. В. «Церкви-сестры» как пример олонечской храмовой культуры в поэзии Н. А. Клюева // Церковь Преображения Господня: 300 лет на заонежской земле: Материалы Всерос. науч. конф., приуроченной к 300-летию Преображенской церкви на острове Кижы (3–5 сентября 2014 г., г. Петрозаводск, о. Кижы). Петрозаводск, 2015. С. 293–299.

Гин М. М. Далекое – близкое. Историческая тема у писателей Карелии: [О романе В. Чехова «Возмутители»] // Гин М. М. Литература и время: исследования и статьи. Петрозаводск: Карелия, 1969. С. 225–254.

Горницкая Л. И., Ларионова М. Ч. Место, которого нет... Острова в русской литературе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 226 с. Из содерж.: С. 18, 20, 29.

История литературы Карелии. Т. 3 / [Ю. И. Дюжев и др.; редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.), Ю. И. Дюжев, Э. Л. Алто и др.; Ред. тома Ю. И. Дюжев]; РАН, Ин-т мировой лит. им. М. Горького, Карел. науч. центр, Ин-т языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. 458 с. Из содерж.: С. 46, 245–254, 279, 282, 286, 299–300.

Кикин Д. Этюды о Кижях // Звезда. 1969. № 7. С. 184–189.

Маркова Е. И. Олонечские храмы в поэзии Н. Клюева // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов, Петрозаводск, 14–15 нояб. 2002 г. / Правительство РК, Петрозав. и Карел. епархия РПЦ, Ин-т языка, лит. и истории КарНЦ РАН, Петрозав. гос. ун-т; Редкол.: В. М. Пивоев и др. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2003. С. 286–291.

Маркова Е. И. «Олонцевская купина» Николая Клюева // XXI век на пути к Клюеву: Материалы междунар. конф. «Олонцевские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», посвящ. 120-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Клюева, 21–25 сентября 2004 г. / [Сост. и науч. ред. Е. И. Маркова]. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 10–18.

Маркова Е. И. «Цветет в сумемьки, пылает в зарань» (Образ храма Пресвятыя Богородици в «Песни о Великой Матери»). Melbourne (Австралия): Academia press, 2004. С. 85–92.

Михайлов А. И. Поэтическая этнография Севера // Север. 1987. № 2. С. 113–117.

Патроева Н. В. Карельские мотивы и фольклорные элементы в лирике Р. Рождественского: [Анализ стихотворений Р. Рождественского «Кижки», «Мы стоим пред Кижским собором одни...»] // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5 (150). С. 87–91.

Рогощев И. Историзм и художественность: [истор. тема в «Кижских рассказах» В. И. Пулькина] // Север. 1991. № 5. С. 148–157.

Шилова Н. Л. Адам и Ева на острове Кижки: об одном сюжете Ю. Казакова // Вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та. Сер. 9. 2014. Вып. 4. С. 67–73.

Шилова Н. Л. Карельские реалии в рассказе Ю. Казакова «Адам и Ева» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 5 (142). С. 82–85.

Шилова Н. Л. Кижки и массовая культура // Топографии популярной культуры: Сб. ст. М., 2015. С. 133–150. (Науч. б-ка).

Шилова Н. Л. Кижки как идиллический локус в русской прозе 1970-х годов: [о репрезентации о. Кижки в рус. прозе 1970-х гг.] // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 7 (136). Т. 2 (136). С. 78–81.

Шилова Н. Л. «Кижки многоглавые»: образ острова в русской литературе // Церковь Преображения Господня: 300 лет на заонежской земле: Материалы Всерос. науч. конф., приурочен. к 300-летию Преображенской церкви на о-ве Кижки (3–5 сентября 2014 г., г. Петрозаводск, о. Кижки). Петрозаводск, 2015. С. 299–306.

Шилова Н. Л. Кижский текст в русской литературе // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: Материалы междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 391–395.

Шилова Н. Л. О специфике литературной репрезентации острова Кижки в русской прозе XX в. // Классический университет в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития: Материалы междунар. форума: (Петрозаводск, 9–13 декабря 2014 года). СПб., 2014. С. 265–266.

Шилова Н. Л. Образы кижских храмов в русской литературе XX века (к 300-летию Преображенской церкви) // Проблемы исторической поэтики [Редкол.: В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. Т. 12: Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 9. С. 572–587.

Шилова Н. Л. Остров-музей: об особенностях литературной репрезентации острова Кижки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3 (148). Т. 2. С. 83–88.

Кижки в художественной литературе

Сказ о Кижках: Сб. / Сост. Е. И. Такала, М. В. Тарасов. Петрозаводск: Карелия, 1988. 142 с.: ил.

Кижки в поэзии

Аркавин С. Кижки // Курьер Карелии. 2003. 25 апр. С. 4.

Бабкин А. В. Маков ручей: Стихи. Петрозаводск: Карелия, 1991. 111 с. Из содерж.: Кижки. С. 30.

Байер О. Преображение // Кижки. 2007. № 3. С. 8.

Бацер М. Еще о Кижках // Курьер Карелии. 2004. 17 июня. С. 9.

Благинина Е. Кижки // Кижки. 2004. № 6. С. 8.

Бобров Н. В Кижских шхерах // Кижки. 2011. № 1. С. 8.

Боголюбова М. «Поющие в Кижках соборы – загадка родимой земли...» // Кижки. 2014. № 7. С. 7.

Бугмырин А. Кижки. Храм Преображенья // Кижки. 2014. № 7. С. 7.

Вихорев В. «Скрипят по насту лыжи...» // Кижки. 2009. № 11. С. 7.

Воскресенский Э. Кижки // Лицей. 2008. № 5. С. 2.

Герасимова Е., Герасимов А. Признание Кижкам // Кижки. 2010. № 6. С. 8.

Гребенщиков Н. А. Ветер над морем: Стихи. Петрозаводск: Карелия, 1981. 54 с. Из содерж.: Кижки. С. 50–51.

Григорьева О. Из цикла «Кижки» [«Ворожи, ворожи, север...»] // Кижки. 2014. № 7. С. 7.

Ефименко К. Птица, взлетевшая над миром // ТВР–Панорама. 2006. № 13. С. 13

Иванов А. А. Добрые вехи: Стихи. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1969. 162 с. Из содерж.: Кижки. С. 9–10.

Калачева В. «Я знаю, что смерти нет...» // Север. 2006. № 1–2. С. 3–5.

Клюев Н. А. Мать Суббота / Н. А. Клюев. Пг.: Полярная звезда, 1922. 36 с.

Клюев Н. Песнь о Великой Матери // Знамя. 1991. № 11. С. 3–44.

Корниенко Т. Возвращение в Кижки // Кижки. 2004. № 6. С. 8.

Корнилова Л. Кижки [«Клочок проездного билета...», «Этого храма нет...»] // Персональный сайт Лидии Корниловой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lida-kornilova.ru/#/stihi/i-vse-taki/kizhi/klochok-proezdno-go-bileta/>

Костин И. А. Золотец: стихи и поэма / [ред. Б. А. Шмидт]. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1968. 86 с. Из содерж.: Кижки. С. 7–9.

Костин И. А. Кижки. Земляки. Повенчаночка // День поэзии Севера. 1967. Петрозаводск, 1968. С. 74–76.

Костин И. А. На острове сокровищ: Посреди Онежских вод, Храм Покрова, Церковь воскресения Лазаря, Мельница, Дом крестьянина Ошевнева // Кижки. 2014. № 2. С. 7.

Костин И. А. У Онега, среди перелесиц: стихи и поэма. Петрозаводск: Карелия, 1971. 112 с.: ил. Из содерж.: Кижки. С. 65–67.

Крохина Е. В Кижках // Север. 1966. № 2. С. 21.

Кувшинов С. Рукотворные Кижки // Кижки. 2014. № 7. С. 7.

Кутов Н. В Кижках // Кижки. 2014. № 7. С. 7.

Линник Ю. Преображенка: венки сонетов // Кижки. 2013. № 3. С. 3.

Мишин А. Прощание с Кижками // Кижки. 2009. № 11. С. 7.

Москалев А. А. Кижки в тумане // Русский Дом. 2013. № 10. С. 32–33.

- Мошников О. Банный дух // Кижы. 2006. № 4. С. 6.
 Мошников О. Кижский Нестор // Кижы. 2007. № 4. С. 8
 Натико. Церковь в Кижях // Кижы. 2014. № 7. С. 7.
 Никитина Н. От апреля до апреля // Кижы. 2007. № 9. С. 8
 Николаева Е. М. Желая тебе добра: Стихи / [Ред. В. И. Чернецова]. Петрозаводск: Карелия, 1979. 46 с. Из содерж.: Кижы. С. 39.
 Рождественский В. А. Избранное. М.; Л.: Худож. лит., [Ленинград. отд-ние], 1965. 447 с. Из содерж.: Погост в Кижях. С. 274–275.
 Рождественский Р. Новые стихи // Север. 1971. № 11. С. 3–6.
 Сергин В. В. Брусничный бор: Книга стихов. М.: Современник, 1985. 80 с. Из содерж.: Кижы. С. 38–43.
 Серов Е. Встреча с чудом // Кижы. 2011. № 1. С. 8.
 Силин В. Кижы // Кижы. 2006. № 4. С. 6.
 Сьюсойков М. П. Весне навстречу: Стихи. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1955. 106 с. Из содерж.: Кижский собор. С. 18–19.
 Судаков В. «В Кижях летели паутинки...» // Кижы. 2006. № 9. С. 8.
 Фокина О. Кижы // Кижы. 2009. № 11. С. 7.
 Фролов Н. Тишина // Кижы. 2011. № 7. С. 8.
 Чакусова Е. Кижы // Карелия. 2010. 6 мая. С. 10.
 Чехонин Р. Возвращение к началу // Молодежная газета Карелии. 2004. 1–7 апр. С. 24.
 Шушковская Е. Остров Кижы // Кижы. 2014. № 7. С. 7.
 Юферев В. В Кижях // Кижы. 2014. № 7. С. 7.
 Klavacvet. Кижы // Кижы. 2014. № 7. С. 7.

Кижы в прозе

- Агапитов В. А. Святая салма: Проза. Стихи. Переводы. Петрозаводск: Б.и., 1998. 79 с.: ил. Из содерж.: Кижские картинки. С. 7–14; А в Кижях красивая осень. С. 14–18; Серёдка. С. 18–22; Святая Салма. С. 22–25; Письма к Щеголёнку (или письма с Пустого берега). С. 25–43.
 Буркова И. Е. В Кижы // Буркова И. Е. Хочуха. М.: Звонница–МГ, 2006. С. 79–106.
 Горышин Г. Онежские записи // Горышин Г. А., Регина Л., Самойлов А. Онего: Сегодня и завтра. Л.: Гидрометеоздат, 1981. С. 4–28.
 Гушин Б. А. А моя Марфута упала с парашюта // Мир Севера. 2000. № 4. С. 81–83.
 Житинский А. Путевка в Кижы // Житинский А. Сельское измерение. СПб.: Амфора, 2001. С. 309–330.
 Казаков Ю. Адам и Ева // Казаков Ю. Собр. соч.: В 3 т. М.: Русский мир, 2008. Т. 1.: Странник. С. 255–280.
 Костин И. А. Сотворение красоты: [очерки о Заонежье]. М.: Сов. Россия, 1982. 86 с.
 Любовцев В. Прогулка в Кижы // Всегда начеку: очерки о героях и подвигах советской милиции: Очерки / Сост. В. И. Любощев. М.: Политиздат, 1967. С. 166–177.
 Нагибин Ю. М. Дневник. М.: Книж. сад, 1996. 699 с., [16] л. фот.
 Онегов А. С. Вода, настоящая на чернике: Рассказы. М.: Современник, 1983. 240 с.: ил. Из содерж.: Кижы: [рассказ]. С. 180–189.
 Орфинский В. П. Путь длиною в шесть столетий: архитектурные новеллы. Петрозаводск: Карел. книж. изд-во, 1968. 112 с.: ил.
 Панкратов С., Поморцев Б. Север в душе моей. Петрозаводск: Карелия, 1981. 151 с.
 Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 6 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 2. Повести. 702, [2] с. Из содерж.: Золотая роза. С. 435–699.
 Паустовский К. Г. Судьба Шарля Лонсевиля / Рис. и пер. Т. А. Мавриной. М.: Мол. гвардия, 1933. 114, [2] с.: ил.
 Пулькин В. Кижские «беседы» // Природа и человек (Свет). 2007. № 4. С. 64–66.
 Пулькин В. И. Кленовое кантеле: сказания о пришедших издалека. Петрозаводск: Карелия, 2008. 170 [6] с.: ил.
 Пулькин В. Северная Фиваида (заонежские легенды) // Север. 2008. № 1–2. С. 178–187.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. Подпроект «Лаборатория «Философские, исторические и культурологические исследования»».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ансамбль Кижского погоста: история, архитектура: Библиогр. указатель / Мин-во образования и науки РФ, Федерал. гос. бюджет. образ. учреждение высш. проф. образования «Петрозавод. гос. ун-т», Науч. б-ка, Федерал. гос. бюджет. образ. учреждение культуры Гос. ист.-архит. и этногр. музей-заповедник «Кижы»; [Науч. рук. и авт. вступ. ст. В. А. Гушина; Ред.-библиографы: А. А. Николаева (отв. ред.) и др.]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 106 с.
2. Кижы: Указатель литературы / Нац. б-ка Респ. Карелия; Сост.: Т. В. Осипова, Т. В. Терпугова. Петрозаводск: РИО Комиздат РК, 1995. 88 с.
3. Маркова Е. И. Олонекские храмы в поэзии Н. Клюева // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов, Петрозаводск, 14–15 нояб. 2002 г. / Правительство РК, Петрозавод. и Карел. епархия РПЦ, Ин-т языка, лит. и истории КарНЦ РАН, Петрозавод. гос. ун-т; Редкол.: В. М. Пивоев и др. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2003. С. 286–291.
4. Московская Д. С. Н. П. Андиферов и художественная местнография русской литературы: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: Наследие, 2010. 432 с.
5. Уваров М. С. Культурная география в культурологической перспективе (аналитический обзор) // Культурная география: Междунар. журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/76-2011geography> (дата обращения 15.09.2015).
6. Шилова Н. Л. Кижский текст в русской литературе // Н. П. Андиферов. Филология прошлого и будущего: Материалы междунар. науч. конф. «Первые московские Андиферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 391–395.

Shilova N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Urvantseva N. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KIZHI ISLAND IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XX–XXI CENTURIES: BIBLIOGRAPHY OF THE TOPIC

A corpus of literary, critical and bibliographical publications on the topic “The island of Kizhi in Russian literature of the XX–XXI centuries” is described in the article. The authors of the research analyze particular characteristics and fullness of materials published on the theme in focus and provide examples of discovered lacunas. The article also includes a list of bibliographical sources, which can be added to the already existing and published register of bibliographical sources.

Key words: Russian literature, Russian North, geopoetics, bibliography, literary criticism

REFERENCES

1. *Ansabl' Kizhskogo pogosta: istoriya, arkhitektura: Bibliograficheskiy ukazatel'* [The ensemble of Kizhi history, architecture: bibliography]. Petrozavodsk, Izdate'stvo PetrGU, 2015. 106 p.
2. *Kizhi: Ukazatel' literatury* [Kizhi: index of literature] / Natsional'naya biblioteka Respubliki Kareliya; Sost.: T. V. Osipova, T. V. Terpugova. Petrozavodsk, RIO Komizdat RK Publ., 1995. 88 p.
3. Markova E. I. Olonets temples in poetry of N. Klyuev [Olonetskie khramy v poezii N. Klyueva]. *Pravoslaviye v Karelii: Materialy 2-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 775-letiyu kreshcheniya karelov* [Orthodoxy in Karelia. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference dedicated to the 775th anniversary of the baptism of Karelians]. Petrozavodsk, 2003. P. 286–291.
4. Moskovskaya D. S. *N. P. Antsiferov i khudozhestvennaya mestnografiya russkoy literatury: k istorii vzaimosvyazey russkoy literatury i kraevedeniya* [Antsiferov and art mestnografiya of the Russian literature: to the history of relations between Russian literature and the study of local lore]. Moscow, Nasledie Publ., 2010. 432 p.
5. Uvarov M. S. Cultural geography in cultural perspective (analytical review) [Kul'turnaya geografiya v kul'turologicheskoy perspektive (analiticheskiy obzor)]. *Kul'turnaya geografiya: Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [Cultural Geography. International Journal of Cultural Studies]. 2011. № 4 (5). Available at: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/76-2011geography> (accessed 15.09.2015).
6. Shilova N. L. Kizhi text in Russian literature [Kizhskiy tekst v russkoy literature]. *N. P. Antsiferov. Filologiya proshlogo i budushchego. Po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Pervye moskovskie Antsiferovskie chteniya"* [N. P. Antsiferov. Philology of the past and the future. According to the materials of the international scientific conference “Moscow Antsiferov first reading”. Moscow, 25–27 of september 2012]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2012. P. 391–395.

Поступила в редакцию 08.12.2015

УДК 821.161.1.09«18»

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КУЙКИНА

младший научный сотрудник кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
egene@list.ru

ЗАМЫСЕЛ «АНТИЧНЫХ» БАЛЛАД В ПЛАНАХ В. А. ЖУКОВСКОГО 1814 ГОДА

Исследуется перечень баллад, задуманных для перевода или подражаний, составленный В. А. Жуковским в 1814 году. Из семи «античных» баллад, включенных в перечень под названием «Мифологические» и «Греческие», впоследствии была написана лишь одна («Поликратов перстень»). Впервые рассматриваются «мифологические» и «греческие» сюжеты, которым не суждено было реализоваться. Изучение библиотеки Жуковского, писем, дневниковых записей позволяет определить источники исследуемых сюжетов, их место в балладном творчестве поэта. Делается вывод о глубоком знании и изучении поэтом античной греко-римской словесности и желании дать иноязычным образцам новую жизнь в русской культуре.

Ключевые слова: мифологические сюжеты, античная словесная традиция, творческий замысел, художественная интерпретация, библиотека В. А. Жуковского, Ф. Шиллер

Объектом настоящего исследования является роспись названий «мифологических» и «греческих» баллад 1814 года, хранящаяся в Российской национальной библиотеке (С.-Петербург) и опубликованная в третьем томе Полного собрания сочинений и писем В. А. Жуковского в 20 томах (М.: Языки славянских культур, 2008. С. 233).

В биографии Жуковского 1814 год отмечен необычайным творческим вдохновением и обилием написанных произведений, особенно осенью, проведенной поэтом в Долбине, родовом имении Киреевских, когда за короткий срок им было написано около 60 произведений разных жанров, в числе которых 6 баллад: «Баллада о старушке...», «Варвик», «Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин», «Ахилл», «Эолова арфа». В письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 года Жуковский делится радостной новостью: «Прошедшие октябрь и ноябрь были весьма плодородны. Я написал пропасть стихов; написал их столько, сколько силы стихотворные могут вынести. Всегда так писать невозможно: ухлопаешь себя попустому. А почти так всегда писать можно и должно»¹.

Исследуемый план баллад 1814 года свидетельствует о типологическом осмыслении поэтом балладного жанра, о попытке классификации баллад и отнесения их к разным культурным традициям. Исследователи Томской филологической школы Н. Ж. Ветшева и Э. М. Жиликова в приложении к третьему тому Полного собрания сочинений и писем в 20 томах приводят следующий замысел баллад, составленный Жуковским в 1814 году, принадлежащий «к числу почти не осуществленных» [2: 233]: «Мифологические». *Ацис и Алциона. Арион. Геро. Медея. Греческие. Дамон и Пифия. Поликратово кольцо. Рыцарские. Le baron anglais. Ариодан.*

Монашеские. Сикст и Клера. Русские. Три пояса. Разбойник Кудеяр. Вошебные. Велледа. Ужасные. Окровная монахиня. Лоренцо. Восточные. <нрзб.> <...> Негритянские. Американские. Оссианские. Библейские» (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 25об. <1814>). «Обращает на себя внимание множественность принципов классификации: культурно-историческая, жанрово-родовая, тематическая», – замечают исследователи [2: 233]. Показательно типологическое определение баллад на античные сюжеты, предложенное Жуковским: «Мифологические» и «Греческие», что свидетельствует о внимании поэта к античному наследию. Из перечня названий «мифологических» и «греческих» баллад, задуманных поэтом для перевода или подражания, впоследствии была написана лишь одна баллада «Поликратов перстень» (1831), представляющая собой перевод баллады Ф. Шиллера «Der Ring des Polykrates» (1797). Мы рассматриваем «мифологические» и «греческие» сюжеты, которые были задуманы для написания, но не были реализованы в творчестве Жуковского.

Первое название в списке «мифологических» баллад Жуковского «Ацис и Алциона» объединяет два мифологических сюжета из «Метаморфоз» («Превращений») Овидия: «Акид и Галатея» (Ovid. Met. XIII, 740–897) и «Кеик и Алкиона» (Ovid. Met. XI, 410–748). Из двух эпизодов наибольший интерес представляет эпизод о «Кеике и Алкионе», так как он не был забыт поэтом и подлежал художественному обновлению позднее, в 1819 году. В этом эпизоде Овидий повествует о любви верных супругов, Кеика и Алкионы, о их привязанности друг к другу и тяжелой разлуке, о предчувствии Алкионой несчастья, о гибели Кеика в море во время бури, о узнавании Алкионой тела утонувшего Кеика в морских

волнах и желании разделить его участь. Боги пожалели любящих супругов и превратили Кеика и Алкиону в птиц.

При составлении плана баллад 1814 года Жуковский, безусловно, был знаком с мифологическими сюжетами «Превращений» и осмыслял их в перспективе собственного творчества. Имя Овидия было указано Жуковским в бумагах 1804–1805 годов, воспроизведенных в книге В. И. Резанова «Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского». Так, в 1804 году в перечне авторов, намеченных для перевода, в разделе «Эпическая поэзия» обозначено: «Отрывки из Овидия»². В «Росписи во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты» 1805 года в разделе «Поэзия» указано: «*Métamorphoses d'Ovide*»³. «По-видимому, в руках Жуковского оказался обстоятельный каталог какого-нибудь хорошего тогдашнего книжного магазина; отсюда и наметил наш поэт сочинения, которые его интересовали», – предполагает В. И. Резанов, указывая на обширный список сочинений, распределенных на 22 раздела в «Росписи» 1805 года⁴. С мифологическими сюжетами из «Превращений» Жуковский был знаком не только по переводам Овидия и различным мифологическим сводам того времени, но и по театральным постановкам. Артисты балета представляли Зефира, Адониса, Венеру, Марса или «перевплощались и в иных, более современных персонажах» [8: 160]. В 1809 году в театральных рецензиях Жуковский пишет, «что век Овидиевых превращений еще не миновался»⁵.

В исследуемом плане баллад греческие имена героев Овидия переданы по латинскому произношению: Ἀκίς – Acis – Ацис, Ἀλκυόν – Ἀλκυόνος – Alcyone – Алциона. Можно предполагать, что Жуковский знакомился с Овидием, имея перед глазами латинский текст или один из двух немецких переводов «Превращений», хранящихся в библиотеке Жуковского с пометами владельца: Des P. Ovidius Naso sämtliche Werke. Übersetzt von H. Heynemann, N. G. Eichhoff und J. P. Krebs. Bde 1–4. Frankfurt a/M., J. C. Herrmann, 1797–1803; Verwandlungen. Nach Publius Ovidius Naso von Johann Heinrich Voss. Theile 1–2. Berlin, Fr. Vieweg. d. Ä., 1798.)⁶. Замысел баллады об Алкионе 1814 года реализовался позднее. Сюжет, намеченный для баллады, воплотился в форме гекзаметрического перевода отрывка из латинского эпоса. В 1819 году Жуковский переводит фрагмент о Кеике и Алкионе из «Превращений» Овидия – «Цеикс и Гальциона».

Однако не все включенные в список сюжеты подлежали обновлениям. Сюжеты, варьирующие вечную тему любви: «Ацис» (то есть «Акид и Галатее»), «Геро», «Медея», – остались неосуществленными.

В эпизоде об Акиде и Галатее Овидий рассказал трагическую историю любви морской нимфы Галатее и пастуха Акида. Римский поэт контрастно описывает нежные чувства Галатее и Акида и грубую страсть циклопа Полифема к Галатее, а затем гибель Акида от руки циклопа, охваченного ревностью. Однако по воле богов произошло чудо. Кровь Акида, погибшего под огромным камнем, брошенным Полифемом, превратилась в водный поток, который расколол каменную глыбу и стал рекой, сохраняющей имя Акида, возлюбленного Галатее. Трактовка данного сюжета в античной словесности неоднозначна, что, возможно, послужило причиной отказа Жуковского художественно разрабатывать этот миф. Согласно некоторым античным источникам, Галатее ответила циклопу взаимностью (Нонн. Деяния Диониса. XL, 565) и у них родилось потомство (Аппиан. Римская история. X, 2). Образ отвергнутого циклопа, проводящего жизнь в одиночестве, ослепленного Одиссеем, вызывал уже у античных авторов скорее чувство сострадания, чем отторжения (Вергилий «Энеида» III, 656–681). Четырехтомное немецкое издание 1803 года сочинений Вергилия было в библиотеке Жуковского: P. Vergilius Maro Varietate lectionis et perpetua adnotatione illustratus a Chr. Gottl. Heine. Vol. 1–4. Lipsiae, C. Fritsch, 1803. (№ 2316, с. 313).

Миф об Арионе – второй в исследуемом списке баллад, восходит к греческому историку 5 века до Р. Х. Геродоту, который в первой книге «Истории» (Нер. I, 23–24) рассказывает об известном кифареде Арионе, лучшем певце своей эпохи. Во время путешествия в Коринф на состязание певцов корабельщики задумали «выбросить Ариона в море и завладеть его сокровищами»⁷ (Нер. I, 24). Арион умолял корабельщиков сохранить ему жизнь, предлагая им все свое богатство. Однако корабельщики, настаивая на смерти Ариона, решили ему исполнить последнюю песнь перед тем, как погибнуть. Окончив песнь, певец бросился в море, где, по рассказам, его подхватил дельфин и вынес на берег Тенара. В память о чудесном спасении на Тенаре сохранилась «небольшая медная статуя – жертвенный дар Ариона, изображающая человека на дельфине» (Нер. I, 24). Корабельщики же, по прибытии в Коринф, вначале хотели скрыть свое преступление, но были так поражены внезапно появившимся перед ними Арионом «в том самом одеянии, в каком он бросился в море», что «не могли уже отрицать своей вины» (Нер. I, 24).

Исторический труд Геродота рассматривался Жуковским в перспективе собственного творчества еще в период самообразования, когда в 1805 году он создавал «Роспись во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты», где в разделе «История» Жуковским указано – «*Hérodote*»⁸. В библиотеке Жуковского есть немецкий пере-

вод Геродота 1811–1812 годов, по которому поэт ознакомился с трудом греческого историка, с пометами владельца в первой части на нижнем форзаце: *Die Geschichten des Herodots. Übersetzt von Fr. Lange. Theile 1–2. Berlin, in der Realschulbuchhandlung, 1811–1812 (№ 1285, с. 184)*. Показательно, что сюжет об Арионе по содержанию близок балладе «Ивиковы журавли» – «*Die Kraniche des Ibykus*» Ф. Шиллера, которую Жуковский перевел в декабре 1813 года. Перевод «Ивиковых журавлей» впервые был опубликован в январском номере «Вестника Европы» 1814 года (Ч. 73. № 3. Январь. С. 200–205), в год, когда у Жуковского появился замысел баллады «Арион». Возможно также, что баллада об Арионе была задумана автором под влиянием баллады А. В. Шлегеля «*Ation*», напечатанной в *Musen-Almanach* в 1798 году.

Послания Жуковского 1812 и 1815 годов («Послание к Плещееву» 1812 года и «К графине С. А. Самойловой» 1815 года) также свидетельствуют об интересе поэта к античному сюжету об Арионе в этот период творчества [10].

По наблюдению современных исследователей, образ поэта играет важную роль в балладном мире Жуковского: «В “Эоловой арфе”, навеянной Оссианом и В. Скоттом, в “Ивиковых журавлях” и “Графе Гапсбургском” из Шиллера, в “Алонзо” из Саути певец Жуковского – живой голос мгновенья и вечности, “утешитель”, “пленитель сердец” и провидец: “В струнах золотых вдохновенье живет, // Певец о любви благодатной поет, // О всем, что святого есть в мире...”» [2: 237]. Таким образом, сюжет об Арионе, заявленный поэтом в записях о балладе, органично вписывается в балладное творчество Жуковского и является выражением его духовных интересов.

«Геро» – данное название в списке баллад указывает на замысел Жуковского обратиться к античному мифологическому сюжету о Геро и Леандре, широко распространенному в мировой литературе. Известно упоминание об этом сюжете в «Георгиках» Вергилия (*Verg. Georg. III, 258–263*). К этому мифу обращается также Овидий в «Героидах» (*Ovid. Her. 18, 19*) – стихотворных посланиях, поэтических письмах мифологических героинь или героев к их возлюбленным. «Героиды» включают в себя 21 письмо. Письма 18 и 19 раскрывают мифологический сюжет о трагической любви Леандра и Геро. Письмо 18 написано от лица Леандра, письмо 19 представляет ответ Геро Леандру. Геро – жрица богини Афродиты, живущая в Сесте на европейском берегу Геллеспонта. Леандр – юноша из города Абидос в Троаде на противоположном берегу пролива. Леандр полюбил Геро и переплывал к ней каждую ночь через Геллеспонт, свет маяка на башне в Сесте указывал ему путь. Вот уже несколько дней бурное море не дает Леандру переплыть пролив. Леандр описывает бушующую

морскую стихию и просит Геро молить богов, чтобы они сменили погоду, смягчили море, хотя бы на время. Ответное послание Геро говорит о том, что она терзается ревностью из-за долгого отсутствия возлюбленного. Хотя она очень ждет его, но просит Леандра не доверять бурному морю: «*nec nisi tranquillo braccia crede mari*» (*Ovid. Her. 19*). Кроме Овидия, мифологический сюжет о Геро и Леандре воспет в небольшой поэме (в 340 стихов) Мусея Грамматика «*Τα κατ’ Ἠρώ καὶ Λέανδρον*» (5 век от Р. Х.), «самом изящном эпическом стихотворении времен римской империи» [9: 710]. В поэме Мусея миф получает завершение: в одну бурную ночь, в которую Леандр решился переплыть Геллеспонт, свет на башне погас, и юноша погиб в волнах. Утром следующего дня Геро увидела тело утонувшего Леандра у берега и сама бросилась с башни к нему в море, чтобы разделить с ним смерть. Творческие интерпретации этого античного сюжета широко представлены в европейской и отечественной словесности. Р. В. Иезуитова указывает на романс немецкого поэта Гельти (*L. Ch. Hölty*) «*Leander und Hero*» (1769/70), отразивший «эту поэтическую легенду о юной чете, которую не смогла разлучить даже смерть» [4: 144]. Жуковский был знаком с произведением Гельти, в его библиотеке есть двухтомное собрание сочинений этого немецкого автора: *Sämmtliche Gedichte von Ludwig Heinrich Hölty. B-de 1–2. Wien, R. Sammer, 1803 (№ 2648, с. 364–365)*. Миф о Геро и Леандре лег в основу баллады Ф. Шиллера «Геро и Леандр» – «*Hero und Leander*» (1801). Возможно, что при написании плана баллад 1814 года Жуковский ориентировался именно на балладу Ф. Шиллера, которой свойственны «философская глубина и эмоциональная насыщенность» [4: 144]. В отечественной традиции Жуковскому были известны художественные интерпретации этого мифологического сюжета Н. Ф. Мерзлякова и Н. Ф. Остолопова [4: 144].

«Медея» – мифологический сюжет, задуманный Жуковским для баллады, варьирующий тему трагической любви. Первые упоминания мифа о Мее, волшебнице, дочери колхидского царя Ээта, героине мифа о Ясоне и Аргонавах, встречаются еще у Гесиода в «Теогонии» (*Hes. Theog. 992–1002*). Более всего этот мифологический сюжет известен по трагедии Еврипида «Медея» (*Eur. Med.*). Пятитомное издание трагедий Еврипида в немецком переводе находилось в библиотеке Жуковского: *Euripides’ Werke. Verdeutscht von Fr. Heinr. Bothe. Bde 1–5. Berlin u. Stettin, Fr. Nicolai, 1800–1803. (№ 999, с. 149)*. В «Росписи» 1805 года в разделе «Поэзия» значится имя Еврипида – «*Euripide*»⁹. Согласно Еврипиду, Медея, узнав, что Ясон решил жениться на Креусе, дочери коринфского царя, убила соперницу, ее отца и двух своих сыновей, рожденных от Ясона, а затем бежала в Афины. У античных авторов

существуют разные варианты окончания данного сюжета: в 7-й книге «Превращений» (Ovid. Met. 1–424) и в «Героидах» Овидия (Ovid. Her. 12), в «Мифах» Гигина (Hug. Fab. 21–26), в «Описании Эллады» Павсания (Paus. II, 3, 6–11), а также у Аполлодора в «Мифологической библиотеке» (Apld. I, 8, 23–28), по которой Жуковский знакомился с античной мифологией в 1805–1811 годах [6]: Apollodor. Bibliothéque d'Apollodore l'Athénien. Traduction nouvelle, avec le texte grec revu et corrigé des notes et une table analytique, par E. Clavier. T. 1–2. Paris, chez Delance, an XIII (1805) (№ 558, с. 88). Античный сюжет о Мееде был унаследован европейской литературой. Трагедия Пьера Корнеля «Медее» (Pierre Corneille «Médée», 1635), популярная в XVIII веке, встречается в «Росписи во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты» Жуковского в разделе «Поэзия» – «Oeuvre <...> de Corneille; Commentaires sur Corneille»¹⁰.

Сюжет о дружбе в разделе «Греческ<ие>» в плане баллад – «Дамон и Пифия». Указывая название данного сюжета, Жуковский ориентировался на балладу Ф. Шиллера «Die Bürgschaft» («Порука»), опубликованную в 1799 году в *Musen-Almanach*. Сюжет о Дамоне и Пифии (Пифиасе, или Финтии), о дружбе и верности данному обещанию заимствован немецким автором из книги римского мифографа Гигина «Мифы» (Hug. Fab. 257), о чем свидетельствует переписка Шиллера и Гете 1797–1798 годов (15, 16 декабря 1797 года; 28, 29 августа и 4, 5 сентября 1798 года). Книга Гигина написана по-латински, однако является переводом и переработкой сочинения неизвестного греческого автора. Примечательно, что Гигин называет героев 257-й фабулы Мойр и Селинунтий. Тогда как Мойра обычно называют Пифием (или Финтием), а Селинунтия – Дамоном. Имя *Damon* в балладе Шиллера указывает на знакомство поэта с более ранними античными интерпретациями сюжета. Распространенный в античной словесной культуре, данный сюжет восходит к древнегреческому философу Аристоксену Тарентскому (*Iambli. Vit. Pyth.* 234). Затем он был унаследован Цицероном в философском трактате «Об обязанностях» (*Cic. De off.* III, 45) и Диодором Сицилийским, древнегреческим историком и мифографом, в «Исторической библиотеке» (*Diod. Sic. X, frg. 4*). Шиллер обновляет античный сюжет – в балладе «Die Bürgschaft» («Порука») *Damon* выступает в роли Пифиаса (Финтия).

Баллада «Поликратов перстень» (1831), единственная из осуществленных в исследуемой росписи 1814 года, представляет перевод баллады Ф. Шиллера «Der Ring des Polykrates» («Кольцо Поликрата»). Сюжетом для баллады послужила легенда о кольце самосского тирана Поликрата, рассказанная Геродотом в «Истории» (Her. III, 39–43). Согласно Геродоту, «великий счастливец»

(Her. III, 125) тиран Поликрат, осыпанный дарами и многочисленными победами над неприятелем, по совету друга бросает в море кольцо в жертву богам. Через некоторое время кольцо неожиданно возвращается к Поликрату, что явилось предзнаменованием того, что боги не приняли жертву Поликрата и что близок трагический финал его жизни¹¹.

В исследуемой росписи сюжетов 1814 года Жуковским были намечены три баллады для перевода из Шиллера: «Геро» («*Hero und Leander*»), «Дамон и Пифия» («*Die Bürgschaft*»), «Поликратово кольцо» («*Der Ring des Polykrates*»). К 1814 году Жуковский уже перевел из Шиллера две баллады на античный сюжет: «*Kassandra*» («Кассандра», 1809) и «*Die Kraniche des Ibykus*» («Ивиковы журавли», 1813). Долбинской осенью 1814 года Жуковский создает оригинальную балладу «Ахилл», ориентируясь на шиллеровский опыт интерпретации античных сюжетов в форме балладного жанра. Таким образом, весь перечень «мифологических» и «греческих» сюжетов можно считать невеянным балладами немецкого поэта, о чем свидетельствует также желание поэта осенью 1814 года приобрести новое двенадцатитомное собрание сочинений, вышедшее после смерти немецкого автора (*Friedrich von Schillers sämtliche Werke. Stuttgart und Tübingen, 1812–1815*) [12: 174]. Согласно биографическим сведениям, «покидая московский университетский пансион, В. А. Жуковский... уже увозил с собою полное издание сочинений Шиллера»¹². Однако в письме к А. И. Тургеневу от 8 ноября 1814 года, находясь в долбинском имении Киреевских, Жуковский просил друга прислать ему собрание сочинений Шиллера: «Нет ли в Петербурге соч. Шиллера, вышедших после его смерти? Я желал бы иметь их»¹³. «Так как в последующих письмах к Тургеневу новые упоминания об этих сочинениях отсутствуют, то есть основание думать, что просьба Жуковского была исполнена сразу же», – пишет исследователь А. С. Янушкевич [12: 174].

Уже в дневниках 1805–1806 годов молодой Жуковский замечает, что «Шиллер менее прост и живописен» [3: 36], что «Шиллер более философ, а Бюргер простой повествователь, который, занимаясь предметом своим, не заботится ни о чем постороннем» [3: 37]. Таким образом, в «античных» балладах Шиллера Жуковский усматривал философскую глубину и «неисчерпаемое богатство мыслей»¹⁴, сочетающееся со «стремлением Шиллера к нравственному идеалу», «к высшей правде»¹⁵. Вслед за Шиллером Жуковский составляет план баллад и обращается к античным сюжетам, провозглашающим вечные ценности любви, дружбы, веры в Провидение, в бессмертие души и трагическую губительность страстей. Не случайно в 1814 году, в год духовного и творческого подъема, в год, когда надежды на личное счастье были почти потеряны, на страницах сво-

его дневника Жуковский размышляет о главной христианской молитве «Отче наш» [3: 84–86].

Таким образом, исследование библиотеки Жуковского, изучение дневниковых записей, писем позволяет выявить источники сюжетов «античных» баллад, намеченных поэтом для перевода или подражания в 1814 году.

Разделение «античных» сюжетов на «мифологические» и «греческие» свидетельствует о чтении и изучении русским поэтом памятников античной греко-римской словесности. Герои

«греческих» сюжетов, в отличие от «мифологических», – исторические персонажи (Дамон и Пифиас – греки-пифагорейцы 5–4 веков до Р. Х.; Поликрат – тиран острова Самос 6 века до Р. Х.).

Обращение Жуковского к античной культуре, к иноязычным образцам, изучение их и желание дать им «вторичную жизнь» [11: 82] в русской культуре говорит о том, что они «служили выражением народившихся духовных интересов» [1: 303] и устремлений автора и его современников.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: А. Ф. Маркс, 1902. Т. 12. С. 96.
- ² Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. 2. СПб.: Сенат. тип., 1916. С. 252.
- ³ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского... С. 246.
- ⁴ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского... С. 248.
- ⁵ Жуковский В. А. Московские записки // Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. проф. А. С. Архангельского. СПб.: А. Ф. Маркс, 1902. Т. 9. С. 91.
- ⁶ Библиотека В. А. Жуковского. Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. № 1800, № 1801. С. 249. В дальнейшем ссылки на книги из библиотеки В. А. Жуковского даются в тексте по этому изданию с обозначением номера и страницы в скобках.
- ⁷ Здесь и далее «История» Геродота цитируется в переводе Г. А. Стратановского.
- ⁸ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского... С. 243.
- ⁹ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского... С. 246.
- ¹⁰ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского... С. 246.
- ¹¹ О балладе Жуковского «Поликратов перстень» см.: [5], [7].
- ¹² Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. Т. 1. Изд-е 2-е просмотренное и дополненное. СПб.; М.: Изд-е Т-ва М. О. Вольф, 1913. С. 81.
- ¹³ Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М.: Рус. арх., 1895. С. 130.
- ¹⁴ Вейнберг П. И., Вейнберг А. А. Всеобщая история поэзии. СПб.: Паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903. С. 216.
- ¹⁵ Вейнберг П. И., Вейнберг А. А. Всеобщая история... С. 216.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 300–306.
2. Вётшева Н. Ж., Жилиякова Э. М. Баллады Жуковского // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3. Баллады. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 229–240.
3. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
4. Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. С. 138–163.
5. Куйкина Е. С. «История» Геродота как источник сюжета баллады Ф. Шиллера «Поликратов перстень» и перевод В. А. Жуковского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 4. Ч. 2. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. С. 85–88.
6. Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805–1811 гг. // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. III. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. С. 466–499.
7. Лебедева О. Поликратов перстень («На кровле он стоял высоко...») [Примечания] // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3. Баллады. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 400–403.
8. Литинская Е. П. Рецензия и рецепция античной поэзии в творчестве В. А. Жуковского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 312 с.
9. Любкер Ф. Иллюстрированный словарь античности. Исправленное и дополненное издание. М.: ЭКСМО, 2005. 1344 с.
10. Моисеева А. А. Античные мифы в русской поэзии: спасение Ариона // Филолог. Научно-методический, культурно-просветительский журнал ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет». 2010. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_199 (дата обращения: 09.03.2016).
11. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 12. М.: Воскресенье, 1996. 588 с.
12. Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 2. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. С. 140–225.

Kuykina E. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

“ANCIENT” BALLADS’ PLOT IN PLANS OF V. A. ZHUKOVSKY IN 1814

A list of ballads put together by V. A. Zhukovsky in 1814 for translation and imitation is studied in the article. Only one (“The Ring of Polycrates”) of the seven “ancient” (under the name of “Mythological” and “Greek”) plots was used by Zhukovsky. The “Mythological” and “Greek” plots, which were not realized by the author, are considered for the first time. The study of Zhukovsky’s library,

letters, and diary entries helped to determine the sources of the plots in focus, as well as their place in the poet's work. The main content of the article is devoted to this subject. It was concluded that Zhukovsky knew and continued to study ancient Greek and Roman literature. He wanted to give a new lease of life to foreign language patterns in Russian culture.

Key words: mythological plots, ancient tradition, creative idea, artistic interpretation, library of V. A. Zhukovsky, Fr. Schiller

REFERENCES

1. Veselovskiy A. N. Poetics of plots [Poetika syuzhetov]. *Veselovskiy A. N. Istoricheskaya poetika* [Veselovskiy A. N. Historical poetic]. Leningrad, Vysshaya shkola Publ., 1989. P. 300–306.
2. Vetsheva N. Zh., Zhilyakova E. M. Zhukovsky's ballads [Ballady Zhukovskogo]. *Zhukovskiy V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Omnibus edition. 20 v.]. Vol. 3. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. P. 229–240.
3. Zhukovskiy V. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* Vol. 13. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2004. 608 p.
4. Iezuitova R. V. Ballad in the era of Romanticism [Ballada v epokhu romantizma]. *Russkiy romantizm*. Leningrad, Nauka Publ., 1978. P. 138–163.
5. Kuykina E. S. The History of Herodotus as a source for the plot of F. Schiller's ballad "The Ring of Polycrates" and its translation by V. A. Zhukovsky ["Istoriya" Gerodota kak istochnik syuzheta ballady F. Shillera "Polikratov persten" i perevod V. A. Zhukovskogo]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo. № 4. Chast' 2*. Nizhniy Novgorod, Izd-vo NNGU im. Lobachevskogo Publ., 2013. P. 85–88.
6. Lebedeva O. B. German and French traditions in aesthetic studies of V. A. Zhukovsky [Nemetskaya i frantsuzskaya traditsii vospriyatiya antichnosti v esteticheskikh shtudiyakh V. A. Zhukovskogo]. *Biblioteka V. A. Zhukovskogo v Tomske*. Part III. Tomsk, Tomsk University Publ., 1988. P. 466–499.
7. Lebedeva O. The Ring of Polycrates ("Na krovle on stoyal vysoko...") [Notes] [Polikratov persten' ("Na krovle on stoyal vysoko...")] [Primechaniya]. *Zhukovskiy V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* Vol. 3. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. P. 400–403.
8. Litinskaya E. P. Retseziya i retsepsiya antichnoy poezii v tvorchestve V. A. Zhukovskogo [Recencion and reception of ancient poetry in Zhukovsky's works]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2011. 312 p.
9. Lyubker F. *Illyustrirovannyi slovar' antichnosti* [Illustrated dictionary of classical antiquity]. Moscow, EKSMO Publ., 2005. 1344 p.
10. Moiseeva A. A. Ancient fables in Russian poetry: rescue of Arion [Antichnye mify v russkoy poezii: spasenie Ariona]. *Filolog. Nauchno-metodicheskiy, kul'turno-prosvetitel'skiy zhurnal FGBOU VPO "Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet"*. 2010. № 11. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_199 (accessed 09.03.2016).
11. Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 17 t.* [Omnibus edition. 17 v.]. Vol. 12. Moscow, Voskresen'e Publ., 1996. 588 p.
12. Yanushkevich A. S. German aesthetics in V. A. Zhukovsky's library [Nemetskaya estetika v biblioteke V. A. Zhukovskogo]. *Biblioteka V. A. Zhukovskogo v Tomske*. Part 2. Tomsk, Tomsk University Publ., 1984. P. 140–225.

Поступила в редакцию 22.03.2016

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА МОРОЗОВА

аспирант кафедры языков северных стран и международной научной коммуникации Института филологии и межкультурной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)

morozovatn@gmail.com

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПРОМЫСЛОВОГО ФОЛЬКЛОРА ЗИМНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ*

Рассматривается история собирания, публикации и изучения промыслового фольклора населения Зимнего берега Белого моря. Под промысловым фольклором мы понимаем фольклор, связанный с рыболовным и зверобойным промыслами. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XVIII века и до настоящего времени. В истории изучения поморского промыслового фольклора выделяются три этапа: историко-краеведческий, публикационный и научно-исследовательский. Первый этап (конец XVIII – конец XIX века) характеризуется активным этнографическим и экономическим исследованием промыслов в рамках изучения поморского быта. На втором этапе (конец XIX – 70-е годы XX века) появляются первые публикации текстов собственно промыслового фольклора, а также целые сборники фольклора рыболовов и зверобоев. На третьем этапе (70-е годы XX века – настоящее время) различные формы промыслового фольклора изучаются фольклористами в рамках исследования локальных традиций, появляются исследования, посвященные отдельным его жанрам и промысловой традиции конкретных населенных пунктов.

Ключевые слова: промысловый фольклор, поморы, Белое море, публикация, собирание, изучение

Традиционная культура Русского Севера всегда вызывала интерес у различных исследователей, но не все ее стороны изучались в равной степени обстоятельно. Цель данной статьи – рассмотреть историю изучения поморского промыслового фольклора, оказавшегося в недостаточной степени изученным в современной науке. Предметом настоящего исследования является история собирания, публикации и изучения поморского промыслового фольклора. Под промысловым фольклором мы понимаем фольклор, связанный с рыболовным и зверобойным промыслами, являющимися жизнеобеспечивающими для местного населения.

В истории изучения предмета нашего исследования мы выделили 3 этапа: историко-краеведческий (конец XVIII – конец XIX века), публикационный (конец XIX – 70-е годы XX века) и научно-исследовательский (70-е годы XX века – настоящее время). В данной статье мы рассмотрим подробнее два первых этапа, поскольку относящиеся к ним публикации содержат уникальные фольклорные тексты, менее доступные широкому кругу исследователей. Первый этап можно обозначить как историко-краеведческий: первоначально к изучению поморской промысловой культуры обратились краеведы, а затем историки, в силу чего больше внимания ими уделялось описанию быта поморского населения, природно-климатическим условиям, технологии ведения, объектам и орудиям промыслов. Чаще всего исследователи ставили перед собой цель описать условия жизни населения беломорского

побережья или оценить экономическую эффективность его хозяйственной деятельности, поэтому фольклорно-этнографические тексты выпадали из их поля зрения. Но иногда они включались в работы исследователей как материал для иллюстрации верований местного населения.

Начало изучения поморской промысловой культуры следует прежде всего отнести к деятельности Общества для исторических исследований, основанного А. И. Фоминным и В. В. Крестининым в Архангельске в 1759 году. Общество было создано с целью собирания древних актов, летописей и других рукописей для передачи их Академии наук, но из-за отсутствия допуска ко многим из архивных документов распалось после десяти лет существования. Несмотря на это, А. И. Фомин продолжил свою научно-исследовательскую деятельность. Результатом его исследований стали работы, посвященные изучению поморских промыслов¹. Работы А. И. Фомина представляют собой по большей части этнографическое описание промысловой деятельности: животных, орудий и технологии ведения промыслов, экономического потенциала, а также достаточно подробное географическое описание местности. Хотя они не содержат собственно фольклорного материала, но представляют интерес как первое научное исследование поморской промысловой деятельности, позволяющее проследить ее эволюцию.

Описание поморских рыболовных и зверобойных промыслов в этнографическом и экономическом свете было продолжено в трудах дру-

гих членов Вольного экономического общества в первой половине XIX века, а также в работах российских историков, этнографов, философов XIX века². Для этих работ характерно смешение стилей изложения: описание технологии ведения промыслов в них дается в большей степени в научном ключе, в то время как при описании поморского быта и верований используются публицистический и художественный стили.

Второй этап, выделенный нами, – публикационный, относится к концу XIX – 70-м годам XX века: именно с этого момента началась публикация текстов фольклора рыбаков и зверобоев, а также частичное исследование их особенностей. Если сначала публикаторами явились этнографы и историки, включавшие в свои книги отдельные промысловые фольклорные тексты³, то в советское время фольклористами издаются целые сборники текстов промыслового фольклора, в которых уделяется внимание и личности исполнителя (так, например, указываются сведения об исполнителе того или иного текста, отмечаются талантливые рассказчики), что было характерно для советской фольклористики.

Первой работой, включающей фольклорные материалы по поморским промыслам, являются «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» П. С. Ефименко (1887–1888). В книге опубликованы материалы, собранные самим П. С. Ефименко за время его пребывания в Архангельской губернии, а также ответы, присланные ссыльными и представителями местной интеллигенции, на вопросы программы, разосланной Архангельским губернским статистическим комитетом. Основной целью работы П. С. Ефименко было этнографическое описание быта и обычаев населения Архангельской губернии, поэтому она не включает детального описания различных форм традиционной промысловой культуры. К тому же в книге в недостаточной степени представлено описание тех регионов Архангельской губернии, где промыслы являлись ведущей деятельностью населения (Зимний, Терский, Канинский берега). Книга состоит из двух выпусков: «Описание внутреннего и внешнего быта» и «Народная словесность», материал в которых распределен в соответствии с тематически-жанровым и территориально-административным принципами. Первая часть включает в себя «Этнографические сведения о населении Зимнего берега Архангельского уезда», подготовленные священником д. Зимняя Золотица И. Ф. Розановым. В основном они включают в себя описание построек, посуды, свадебного обряда и народных верований Зимней Золотицы. Промысловая специфика жизни деревни нашла отражение только в разделах, посвященных посуде (например, описание посуды, которую местные жители брали на промыслы) и верованиям (опубликованы календарные приметы и поверья

о ветрах). Таким образом, большая часть промыслового фольклора, вошедшая в работу, это промысловые верования и различные приметы. В связи с этим работа П. С. Ефименко представляет большой интерес для современных исследователей, так как она является первым научным источником, содержащим сведения о промысловых верованиях.

В 1894 году при Санкт-Петербургском отделении Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству с благотворительной целью был создан Комитет для помощи поморам Русского Севера. Первоначально в его задачу входило оказание помощи семьям поморов, погибших во время шторма в Ледовитом океане и в Белом море осенью 1894 года. Осуществляя благотворительную акцию, члены Комитета обратили внимание на тяжелые климатические и социальные условия края и задумались над путями решения проблемы бедности среди местного населения. В конце 1896 года при Комитете была создана Северная комиссия, в которую вошли видные деятели науки: Б. Б. Голицын, Ф. Н. Чернышев, М. А. Рыкачев, В. В. Заленский, М. Ф. Мец и др. Комиссия определила меры для улучшения экономического состояния края и поморов, к числу которых относились издание метеорологических и гидрометеорологических сведений о регионе, организация промысловых исследований, издание промысловых карт и руководств⁴. С этого момента Комитетом стали организовываться постоянные научно-исследовательские экспедиции в различные районы Русского Севера, результаты которых публиковались в виде статей, брошюр и книг. В 1898 году при Комитете была создана Мурманская научно-промысловая экспедиция, которую возглавил Н. М. Книпович. Он установил в качестве первоочередной задачи комиссии глубокое и всестороннее изучение объектов промыслов. В основном экспедиции имели гидрологическую направленность, за что подвергались критике со стороны широкой общественности, считавшей, что необходимо сосредоточить внимание на практике ведения промыслов. Большинство работ, изданных Комитетом, содержали статистические данные по поморским промыслам, описания местности и климатических условий, биологические характеристики рыб и животных, являвшихся объектами добычи. Кроме того, в части из них представлены достаточно подробные этнографические описания ведения рыболовных и зверобойных промыслов, и, что наиболее важно для нашего исследования, описывая промыслы, некоторые из ученых непреднамеренно включали в эти описания информацию об обрядовых практиках и верованиях поморов. Большая часть этих работ посвящена мурманским промыслам, а промысловая деятельность населения Зимнего берега лишь частично представлена в работах Н. М. Книповича и А. Г. Слезкинского⁵. Но

и здесь освещены в основном статистические данные, промысловые орудия и организация промыслов.

В подобном ключе промыслы Зимнего берега описаны в книге А. Ф. Ростиславина. Исключением составляет описание в ней обычая проводов на промысел и возвращения с него местных жителей⁶.

Достаточно подробно промысловая деятельность населения побережья Белого моря рассматривается в работах писателя-краеведа А. А. Жилинского⁷ [14], [15]. В его трудах дается довольно подробная историко-географическая характеристика региона, раскрываются особенности ведения промыслов, приводится календарное распределение их ведения по различным регионам Архангельской области. Несмотря на то что данные работы в большей степени посвящены экономическому значению промыслов, в них также встречаются материалы, содержащие поморские промысловые верования.

Первой значительной публикацией собственно промыслового фольклора беломорского населения явилась книга «Рыбацкие песни и сказы», подготовленная Р. С. Липец (1950) [19]. В предисловии к сборнику она указывает на неизученность данной темы в советской фольклористике и, объясняя выбор ареала исследования, отмечает, что «рыболовство и морская охота нигде не имели такого исключительного значения, как суровом пустынном Севере» [19: 8]. Введение сборника представляет собой историко-этнографическую характеристику исследованного региона: кратко описывается история освоения прибрежных территорий Белого моря, быт местного населения, особенности организации промыслов. Следует отметить, что, по мнению составителя, промысловую культуру и быт на Север русское население принесло из Великого Новгорода [19: 8].

В основу этого сборника легли материалы, собранные в ходе экспедиций Р. С. Липец на Мурман в 1931–1932 годах, на Белое море и Северную Двину в 1936–1937 годах, в Новгородскую область в 1938 году, в качестве материала для сравнения в небольшом количестве представлены материалы южных экспедиций Р. С. Липец. В книгу вошли устные рассказы, песни, частушки, загадки, пословицы, поговорки, сказки, былички и предания, бытующие в среде рыболовов и зверобоев Белого моря. Перед каждым разделом Р. С. Липец дает краткую характеристику особенностей того или иного жанра и выявляет специфику его бытования. При этом составитель отметила неоднородность собранных материалов по характеру их бытования среди представителей различных поколений: предания и старинные песни сохранялись в памяти старшего поколения, в то время как устные рассказы, современные песни и частушки широко бытовали преимущественно среди молодежи. Другим важным за-

мечанием Р. С. Липец является указание на вторичность мурманского материала: «...оно лишь в небольшой степени являлось местным... <...> Они еще сохраняли связь со своей родиной – где-нибудь под Архангельском, в Поморье, на Онежском берегу, откуда они принесли песни, сказки, предания. Этот материал медленно пополнялся затем новым, местным содержанием. Передавая какой-нибудь старинный промысловый обычай, мурманские “колоницы”-старики всегда отмечали, где бытовал он: на их прежней родине или “здесь” – на Мурмане» [19: 4–5]. Ценный материал представлен в главе «Староартельные обычаи», где на основе сделанных на Белом море записей Р. С. Липец описывает существовавшие в среде рыболовов и зверобоев символические и поведенческие практики, такие как совместная трапеза, «провода домой» и др. Сборник «Рыбацкие песни и сказы» явился первой аутентичной публикацией текстов промыслового фольклора в русской фольклористике, сопровождающейся достаточно подробными научными комментариями, в чем заключается его несомненная ценность. Однако стоит отметить, что часть материала представлена с позиций советского идеологического контекста (например, глава «Староартельные обычаи»), а описание некоторых из обрядов было редуцировано составителем: так, описывая обычаи, связанные с приобщением мальчиков к промыслам, Р. С. Липец не делает их подробного описания, а указывает на их жестокость в «условиях капиталистического найма» [19: 192].

Следующей значительной публикацией поморского промыслового фольклора является сборник «О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы» Н. И. Рождественской (1952) [18]. В него входят материалы, записанные ею и другими собирателями (в том числе Р. С. Липец) в различных районах Архангельской области, но большая часть из них записана на Летнем и Зимнем берегах Белого моря. Тексты разделены Н. И. Рождественской на 3 части: «Рыболовство», «Зверобойный промысел» и «Охота». В каждой из них тексты сгруппированы по жанрам: сказы, пословицы и поговорки, песни, новины, причитания, частушки. Как отмечает исследовательница, в части сказов содержится информация о дореволюционном времени (конец XIX – начало XX века), сохранившаяся в памяти старшего поколения, но большая часть опубликованных текстов относится к советской действительности. Таким образом, для нас сборник ценен тем, что дает срез разножанрового промыслового фольклора советского периода. Несомненным достоинством сборника является то, что, помимо прозаического фольклора, он включает в себя песенный, практически не публиковавшийся ранее. Во вступительной статье Н. И. Рождественская дает характеристику публикуемым текстам и выявляет

их жанровые особенности, но зачастую исследовательница анализирует те или иные явления промысловой деятельности с позиций советского идеологического дискурса, что представляется нам недостатком данного издания.

В конце XX века к изучению отдельных составляющих промыслового фольклора исследователи стали чаще обращаться в рамках изучения всей поморской культуры. Это начало третьего, научно-исследовательского, этапа в изучении поморского промыслового фольклора.

Одним из наиболее значимых исследователей промысловой культуры населения побережья Белого моря является Т. А. Бернштам. В основу ее работ легли материалы, собранные за время экспедиций, организованных ею на Русский Север в 1959–1988 годах. В своей первой монографии «Поморы: формирование групп и система хозяйства» (1978) она подробно рассматривает историю заселения территории Русского Севера, особенности формирования местного населения и его системы хозяйствования [5]. В книге подробно описана система хозяйства поморов, формы организации промыслов, семейно-бытовые и общинные отношения. Ее следующая монография, посвященная народной культуре Поморья, помимо достаточно детального описания материальной культуры, общественного и семейного быта, включает исследование календаря, верований и фольклора поморов [6]. Т. А. Бернштам выделяет в поморском календаре наряду с аграрной промысловую часть и отмечает влияние на нее древнего лунного календаря, распространенного у соседних нерусских народов. Исследовательница указывает на такие особенности поморского календаря, как практически одинаковая насыщенность весенне-летнего и осенне-зимнего циклов и «приурочение многих хозяйственных и почти всех промысловых событий к двум Николиным дням» [3: 157]. В работе также представлена схема праздничного поморского календаря, показывающая отсутствие в нем праздничных циклов, «смысл и назначение которых были целиком связаны с земледелием или скотоводством», и тем самым отличающая его от общерусского [3: 368]. Кроме того, Т. А. Бернштам описывает некоторые различия в поморском календаре, существующем на различных берегах Белого моря. Следует также отметить статьи Т. А. Бернштам, посвященные рыболовству, в которых она подробно рассматривает промысловые орудия, формы организации промысла, а также связанные с ними обычаи и обряды [2], [4], [7], [8].

Изучение северорусского календаря было продолжено С. И. Дмитриевой. В работе «Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера» (1988) исследовательница наряду с другими формами народной культуры рассматривает календарную обрядность. Опираясь на предше-

ствующие исследования и собственные полевые записи, она описывает отдельные элементы календарных обрядов Русского Севера [9].

В начале XXI века промысловый фольклор начал рассматриваться многими исследователями в контексте изучения локальных фольклорных традиций отдельных населенных пунктов [1], [17]. Прежде всего в поле зрения фольклористов и этнографов оказываются продолжающие активно функционировать и включенные в повседневные взаимоотношения формы промыслового фольклора: промысловые поверья, фольклор речевых ситуаций и календарные праздники [10], [16], [20], [21].

Одним из наиболее известных исследователей поморской промысловой культуры в настоящее время является П. А. Филин. Им составлен достаточно подробный вопросник для сбора материалов по промысловому фольклору и календарным праздникам, проводятся экспедиции на Терский и Зимний берега Белого моря. Его работы в большей степени носят этнографический характер и посвящены рассмотрению орудий лова, организации тоней, промысловым крестам, но включают и фольклорные элементы [22], [23], [24]. Так, П. А. Филин исследует особенности промыслового календаря, поверья, связанные с тонями, а также выявляет связь между традицией установления деревянных крестов на берегах моря и промысловым характером поморской культуры, он выделяет такие функции креста, как охранительную, памятную и обетную («просительную») [23: 168–170].

В рамках работы над исследовательской темой «Фольклор Европейского Севера: система локальных вариантов» сбором и изучением промысловой культуры Русского Севера занимается Н. В. Дранникова. В ее статьях публикуются описания промысловых практик, приметы и поверья, рассказы о календарных праздниках [11], [13]. Особое внимание исследовательница уделяет изучению локальной идентичности местного населения. Так, рассматривая идентичность жителей Зимнего берега Белого моря, она отмечает, что «как самоназвание слово “помор” закрепляется за населением, продолжающим интенсивно заниматься морским промыслом, но исчезает в тех местах, где промысел сокращается» [12: 17].

Таким образом, несмотря на то что интерес к изучению поморской культуры возник достаточно рано, промысловый фольклор долгое время оставался вне поля зрения ученых. Кроме того, необходимо отметить, что среди исследований поморского промыслового фольклора работы, посвященные Зимнему берегу Белого моря, занимают сравнительно небольшую часть. В истории изучения поморского промыслового фольклора можно выделить 3 этапа. На первом этапе, с конца XVIII – до конца XIX века, когда началось активное этнографическое и экономическое изу-

чение поморских промыслов, отдельные формы фольклора рыболовов и зверобоев стали попадать на страницы научных изданий. Но в основном внимание исследователей было сосредоточено на технологии ведения промыслов, природно-климатических условиях, промысловых орудиях и животных. Ценность настоящих исследований состоит в том, что они позволяют получить достаточно полное представление о ведении промыслов беломорским населением, а также частично реконструировать промысловый календарь, поскольку исследователи старались указывать даты начала и окончания того или иного промысла. Второй этап в истории изучения промыслового фольклора Поморья относится к концу XIX века – 70-м годам XX века. На данном этапе появляются первые публикации текстов

собственно промыслового фольклора, а также целые сборники фольклора рыболовов и зверобоев, отражающие его состояние как в дореволюционное, так и в советское время. Бесспорным достоинством этих сборников является аутентичность опубликованных текстов и публикация материалов, относящихся к разным локальным или региональным традициям в одном издании, предоставляющая возможность сравнительного анализа. На третьем этапе (70-е годы XX века – настоящее время) различные формы промыслового фольклора изучаются фольклористами в рамках исследования локальных традиций, появляются исследования, посвященные отдельным его жанрам и промысловой традиции конкретных населенных пунктов, а также с целью изучения локальной традиции местных сообществ.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Архангельской области (конкурс «Молодые ученые Поморья») в рамках научного проекта № 01-2016-02а «Фольклор рыболовов и зверобоев Зимнего берега Белого моря: символические практики и поведенческие стратегии».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Фомин А. И. Описание Белого моря с его берегами и островами вообще, также частное описание островной каменной гряды, к коей принадлежат Соловки, и топография Соловецкого монастыря с его островами, с приобщением морского путешествия в 1789 г. в оный монастырь, представленное в письмах. СПб., 1797; Он же. Опыт исторический о морских зверях и рыбах, промысливаемых жителями Архангельской губернии в Белом море и Северном океане, с описанием образа тех промыслов // Новые ежемесячные сочинения. 1788. Ч. XXV, июль. С. 24–61; 1790. Ч. XLVIII, июнь. С. 3–35, Ч. XLIX, июль. С. 57–62; 1791. Ч. LX, июнь. С. 39–53, Ч. LXI, июль. С. 3–16.
- ² Богуслав И. А. Взгляд на беломорские промыслы и предположения об их устройстве // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1846. Ч. 1. С. 260–280; Данилевский Н. Я. Рыбные и звериные промыслы в Белом и Ледовитом морях // Исследование о состоянии рыболовства в России. СПб., 1862. Т. VI. С. 1–257; Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1859; Сидоров М. К. О китоловстве и влиянии его на рыбную ловлю у берегов Архангельской губернии. СПб., 1879; Случевский К. К. По северо-западу России. СПб., 1897; Тарпани И. К. Рыболовство Соловецкого монастыря // Вестник рыбопромышленника. 1891. № 12. С. 387–394.
- ³ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды ЭО ОЛЕАЭ. Кн. 5. М., 1877–1878. Вып. 1–2.
- ⁴ Труды Северной комиссии, 1897–1898 гг. СПб.: Типография И. Гольдберга, 1898. С. 1–3.
- ⁵ Книпович Н. М. О рыбных и морских звериных промыслах Архангельской губернии: Отчет Министерству Земледелия и Государственных Имуществ по командировке 1895 г. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1897; Слезкинский А. Г. Промыслы беломорского населения. СПб.: Типография И. Гольдберга, 1896.
- ⁶ Ростиславин А. Ф. Промыслы Мезенского побережья. Архангельск, 1926.
- ⁷ Жилинский А. А. Крайний Север европейской России. 1919; Он же. Морские промыслы Белого моря и территориальная зона Ледовитого океана. 1917.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеевский М. Д., Васкул А. И., Козлова И. В., Комелина Н. Г. Традиции рыбаков и зверобоев Терского берега Белого моря // Живая старина. 2009. № 2. С. 15–19.
2. Бернштам Т. А. Ледокольная зверобойная артель поморов Зимнего берега Белого моря // Советская этнография. 1968. № 5. С. 105–110.
3. Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 432 с.
4. Бернштам Т. А. Поморский промысловый календарь XVIII–XX вв. // Тезисы докладов годичной научной сессии ЛО Института этнографии за 1968 г. Л., 1968. С. 47–49.
5. Бернштам Т. А. Поморы: формирование групп и система хозяйства. Л.: Наука, 1978. 176 с.
6. Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983. 233 с.
7. Бернштам Т. А. Рыболовство на русском Севере во второй половине XIX – начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Из культурного наследия народов России: Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1972. Вып. XXVIII. С. 63–98.
8. Бернштам Т. А. Семужий промысел поморов Зимнего берега Белого моря во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 337–344.
9. Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 244 с.
10. Добровольская В. Е. «Всяка рыба хороша, коли на уду пошла...» Запреты и предписания, связанные с рыболовством // Живая старина. 2009. № 2. С. 29–31.
11. Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы IV Международной школы молодого фольклориста (6–8 июня 2002 года, г. Архангельск). Архангельск, 2002. С. 83–92.
12. Дранникова Н. В. Фольклорно-речевые данные как индикатор локальной идентичности жителей Зимнего берега

- га Белого моря (Мезенский район Архангельской области) // Народные культуры Баренцева Евро-Арктического региона: новые методы исследования: Материалы международной научной школы по фольклористике (г. Архангельск, 8–11 ноября 2012 г.). Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. С. 15–26.
13. Дранникова Н. В. Этнокультурная традиция мезенской деревни Сояны // Живая старина. 2010. № 4. С. 18–22.
 14. Жилинский А. А. Зверобойный промысел в Белом море. Петрозаводск, 1951. 56 с.
 15. Жилинский А. А. Промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря. Петрозаводск, 1957. 64 с.
 16. Кондратьева В. Г. Промысловый календарь в Поморье в конце XIX – начале XX веков // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: Сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Архангельск, 2010. С. 287–300.
 17. Логинов К. К. Рыболовство Поморского села Нюхча // «Уведи меня, дорога»: Сб. науч. статей памяти Т. А. Бернштам. СПб: МАЭ РАН, 2010. С. 54–69.
 18. О рыбаках, морских зверобоях и охотниках: Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы / Сост. Н. И. Рождественская. Архангельск: АОГИ, 1952. 188 с.
 19. Рыбацкие песни и сказы / Зап. текстов, статьи, примеч., словарь и указ. Р. С. Липец. М.: Госкультпросветиздат, 1950. 220 с.
 20. Трофимов А. А. Ритуально-магическая практика рыбаков Каргопольского района Архангельской области // Мужской сборник. М.: Лабиринт, 2001. Вып. 1. С. 54–57.
 21. Трофимов А. А. Ритуально-магическая практика рыбаков Севера // Знание – сила. 2001. Сентябрь. С. 114–117.
 22. Филин П. А., Трибунский В. П., Фризин Н. Н. Традиции природопользования поморов Зимнего берега Белого моря на рубеже XXI века // Вестник РГНФ. 2002. № 4. С. 179–190.
 23. Филин П. А., Фризин Н. Н. Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Ставрографический сборник. М., 2001. С. 166–198.
 24. Филин П. А. Этнографическое изучение поморов Терского берега Белого моря // Полярный архив. М., 2003. С. 110–113.

Morozova T. N., Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russian Federation)

ON THE HISTORY OF COLLECTION AND STUDY OF THE WHITE SEA WINTER SHORE FISHERY FOLKLORE

The article describes the history of collection, publication and study of the fishery and sea-hunting folklore of the White Sea Winter Shore. Chronologically, the research covers the period from the end of the XVIII century up to the present time. We identified 3 stages in the history of fishery and sea-hunting folklore study: local history, publications and research. The first stage involves ethnographical and economical research of fishing and sea-hunting as a part of studying Pomors' daily life. The first publications on the fishery and sea-hunting folklore texts and even their collections appeared during the second stage (the end of XIX century – 1970s). During the third stage (1970s – the present), folklorists studied different forms of fishery and sea-hunting folklore as a part of local traditions and local identity investigation. Furthermore, different research of certain genres pertaining fishery and sea-hunting folklore together with articles on certain local fishery and sea-hunting traditions continue to appear nowadays.

Key words: fishery folklore, Pomors, White Sea, publication, collection, studying

REFERENCES

1. Alekseevskiy M. D., Vaskul A. I., Kozlova I. V., Komelina N. G. Traditions of the fishermen and sea-hunters of the White Sea Tersk Shore [Traditsii rybakov i zveroboev Terskogo berega Belogo morya]. *Zhivaya starina*. 2009. № 2. P. 15–19.
2. Bernshtam T. A. Icebreaker sea-hunting gang of Pomors of White Sea Winter Shore [Icebreaking and sea-hunting gang of Pomors of the White Sea Winter Shore]. *Sovetskaya etnografiya*. 1968. № 5. P. 105–110.
3. Bernshtam T. A. *Narodnaya kul'tura Pomor'ya* [Folk culture of Pomorje]. Moscow, OGI Publ., 2009. 432 p.
4. Bernshtam T. A. Pomor Fishery Calendar of the XVIII–XX centuries [Pomorskiy promyslovyy kalendar' XVIII–XX vv.]. *Tezisy dokladov godichnoy nauchnoy sessii LO Instituta etnografii za 1968 god*. Leningrad, 1968. P. 47–49.
5. Bernshtam T. A. *Pomor'y: formirovaniye grupp i sistema khozyaystva* [The Pomors. Formation of the group and the system of management]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 176 p.
6. Bernshtam T. A. *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX v.* [Russian folk culture of Pomorje in the XIX – beginning of the XX centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 233 p.
7. Bernshtam T. A. Fishing on the Russian North in the second half of XIX – the beginning of XX centuries (from the collections and archive materials of the ethnographic museums of Leningrad) [Fishery in the Russian North in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries (from the collections and archive materials of the ethnographic museums of Leningrad)]. *Iz kul'turnogo naslediya narodov Rossii: Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Issue XXVIII. P. 63–98.
8. Bernshtam T. A. Salmon fishing of the Pomors of the White Sea Winter Shore [Semuzhiy promysel pomorov Zimnego berega Belogo morya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.]. *Voprosy agrarnoy istorii: Materialy nauchnoy konferentsii po istorii sel'skogo khozyaystva i krest'yanstva Evropeyskogo Severa SSSR*. Vologda, 1968. P. 337–344.
9. Dmitrieva S. I. *Fol'klor i narodnoye iskusstvo russkikh Evropeyskogo Severa* [Folklore and folk art of the Russian European North]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 244 p.
10. Dobrovolskaya V. E. “Each fish is good if it is snared...” Prohibitions and prescriptions for the fishing [“Vsyaka ryba khorosha, koli na udu poshla...” Zaprety i predpisaniya, svyazannye s rybolovstvom]. *Zhivaya starina*. 2009. № 2. P. 29–31.
11. Drannikova N. V. Folklore expedition of the Pomor University to Zimnyaya Zolotitsa [Fol'klornaya ekspeditsiya Pomorskogo universiteta v selo Zimnyaya Zolotitsa]. *Kompleksnoe sobiraniye, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya: Materialy IV Mezhdunarodnoy shkoly molodogo fol'klorista*. Arkhangelsk, 2002. P. 83–92.
12. Drannikova N. V. Folklore and speech evidence as indicator of the local identification of the White Sea Winter Coast inhabitants (Mezensky district, the Arkhangelsk region) [Fol'klorno-rechevye dannye kak indikator lokal'noy identichnosti

- zhiteley Zimnego berega Belogo morya (Mezenskiy rayon Arkhangel'skoy oblasti)]. *Narodnye kul'tury Barentseva Evro-Arkticheskogo regiona: novye metody issledovaniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy shkoly po fol'kloristike*. Arkhangel'sk, 2013. P. 15–26.
13. Drannikova N. V. Ethnocultural tradition of the Soyana [Ethnocultural tradition of Soyana village]. *Zhivaya starina*. 2010. № 4. P. 54–57.
 14. Zhilinskiy A. A. *Zveroboynnyy promysel v Belom more* [Sea-hunting on the White Sea]. Petrozavodsk, 1951. 56 p.
 15. Zhilinskiy A. A. *Promyslovyy slovar' rybakov i zveroboey Belogo morya* [White Sea fishing and sea-hunting Dictionary]. Petrozavodsk, 1957. 64 p.
 16. Kondrat'eva V. G. The Pomor fishery calendar in the end of XIX – the beginning of XX century [The Pomor fishery calendar at the end of the XIX –beginning of the XX century]. *Traditsionnaya kul'tura Russkogo Severa: istoki i sovremennost': Sbornik materialov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Arkhangel'sk, 2010. P. 287–300.
 17. Loginov K. K. Fishing of the pomor village Nyukhcha [Rybolovstvo Pomorskogo sela Nyukhcha]. “*Uvedi menya, doroga*”: *Sbornik nauchnykh statey pamyati T. A. Bernshtam* [Road, Take Me Away. Collected Papers Dedicated to T. A. Bernshtam]. St. Petersburg, 2010. С. 54–69.
 18. *O rybakakh, morskikh zveroboyakh i okhotnikakh: Narodnye skazy, skazki, pesni i chastushki, poslovitsy* [About fishermen, sea-hunters and hunters. Folk tales, fairy tales, songs and couplets, proverbs]. Comp. N. I. Rozhdestvenskaya. Arkhangel'sk, AOGI Publ., 1952. 188 p.
 19. *Rybatskie pesni i skazy* [Fishermen's songs and tales]. Comp. R. S. Lipets (Comp.) Moscow, 1950. 220 p.
 20. Trofimov A. A. Ritual and magic practice of the fishermen of Kargopolsky District of Arkhangel'sk Region [Ritual'no-magicheskaya praktika rybakov Kargopol'skogo rayona Arkhangel'skoy oblasti]. *Muzhskoy sbornik*. Issue 1. P. 54–57.
 21. Trofimov A. A. Ritual and magic practice of the Northern fishermen [Ritual'no-magicheskaya praktika rybakov Severa]. *Znanie – sila*. 2001. September. P. 114–117.
 22. Filin P. A., Tribunskiy V. P., Frizin N. N. White Sea Winter Shore Pomors traditions of natural resources use at the turn of XX century [Traditsii prirodopol'zovaniya pomorov Zimnego berega Belogo morya na rubezhe XXI veka]. *Vestnik RGNF*. 2002. № 4. P. 179–190.
 23. Filin P. A., Frizin N. N. Crosses in the fishing culture of the Pomors of the Russian North [Krest v promyslovoy kul'ture pomorov Russkogo Severa]. *Stavrograficheskiy sbornik*. Book 1. Moscow, 2001. P. 166–198.
 24. Filin P. A. Ethnographic studying of the Pomors of the White Sea Tersk Shore. [Etnograficheskoe izuchenie pomorov Terskogo berega Belogo morya. Fond A. A. Makarenko v Rossiyskom etnograficheskom muzee]. *Polyarnyy arkhiv*. Vol. 1. Moscow, 2003. P. 110–113.

Поступила в редакцию 25.03.2016

ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНОВСКАЯ

старший преподаватель кафедры скандинавской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

romanovskaia.irina@gmail.com

КАТЕГОРИЯ АБСУРДА В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»: К ВОПРОСУ О ШВЕДСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Рассмотрены особенности шведской рецепции повести А. Платонова «Котлован», переведенной на шведский язык К. Э. Линдстен в 2007 году под названием «Grundgropen». Цель статьи заключается в анализе шведских научных и публицистических источников, в которых повесть исследуется с позиции абсурда как категории поэтики и как философской проблемы осмысления человеческой жизни. Для раскрытия темы были использованы рецептивный, описательный и сравнительно-исторический методы. Акцентировано внимание на различных уровнях создания эффекта абсурда в повести: логическом, гносеологическом и онтотелеологическом. По мнению шведских исследователей, категория абсурда проявляет себя в языке, образной системе, мировоззренческих установках как героев, так и самого писателя. Ступая до абсурда события современной ему исторической действительности, художник-философ стремился глубже проникнуть в содержание истории, драму самоопределения человека, онтологические проблемы взаимоотношений человека с миром.

Ключевые слова: А. Платонов, повесть «Котлован», «Grundgropen», абсурд, экзистенциализм, рецепция русской литературы в Швеции

Повесть «Котлован» занимает особое место в творчестве А. Платонова. В ней художественно концентрированно выражены ключевые проблемы, которые волновали писателя: в чем заключается «всеобщий, долгий смысл жизни» (174)¹? Как и чем наполнить «томящую душу» (189)? Чем побороть «жалость старой жизни» (191)? Что есть «истина» (173)? При этом писатель не «остраивается» (В. Шкловский) современной ему пореволюционной действительности, но сознает ее трагизм: разрыв между идеалом и реальностью, экзистенциальный кризис, абсурд бытия. Несмотря на то что слово «абсурд» в повести не использовано, данная категория дает о себе знать в художественном мире «Котлована» повсеместно.

Ю. А. Лень выделяет три основных уровня реализации категории абсурда в литературе: 1) логический, заданный деструкцией языковой нормы; 2) гносеологический, при котором нарушены (отсутствуют) причинно-следственные связи; 3) онтотелеологический, отражающий кризис ценностей и смыслов [11: 311].

В современных отечественных и зарубежных исследованиях категория абсурда в «Котловане» рассмотрена с разных позиций. Языковые аномалии в прозе Платонова исследованы в трудах Б. Дооге [5], Ю. И. Левина [10], Т. Б. Радбиля [14] и других. Б. Дооге приходит к заключению, что «деструкция языковой нормы не просто следствие концепции или особого устройства ума Платонова, а средство выражения концепции» [5: 182]. И. Бродский видел причину абсурда платоновского языка в онтологии языка как такового (в данном случае – русского), как следствие –

в языковых реалиях революционного времени, где новый лексикон, новая грамматика есть порождение утопической мысли, которая по своей сути ограничена и конечна [2]. Н. Полтавцева считает, что абсурдность бытия в художественном мире Платонова возникает как результат «ощущения исчерпанности возможности проясненного познания мира... как кризис индивидуального сознания» [13]. По мнению Х. Гюнтера [4], О. В. Стукаловой [15] и ряда других исследователей, значимость категории абсурда в «Котловане» есть результат осмысления исторической действительности в форме утопии/антиутопии.

В современном шведском платоноведении взгляд исследователей обращен как к фундаментальным философским проблемам человеческой жизни, где абсурд занимает важное место, так и к эстетике абсурда: его роли в формировании жанра, образной системы, стилевых особенностей произведений Платонова.

На шведский язык повесть «Котлован» была переведена К. Э. Линдстен в 2007 году под названием «Grundgropen» и вызвала в Швеции бурное обсуждение. Впрочем, изучение «Котлована» шведскими славистами началось много раньше, так, статья П.-А. Бодина «Загробное царство и Вавилонская башня. О повести Платонова “Котлован”» вышла на русском языке в 1994 году [1].

В шведской системе жанров «Котлован» определен как роман. Несоответствие в определении жанра «Котлована» в русском и шведском литературоведении возникло из-за отсутствия в последнем жанра «повесть» как такового. В шведской литературе выделены малые и крупные формы художественного текста; в прозе – рассказ

(новелла) и роман. Однако определение жанровой природы «Котлована» через романную форму соответствует внутренней логике художественного текста А. Платонова. Н. И. Дужина отмечает, что, работая над «Котлованом», Платонов «вычеркивает длинные монологи и отдельные эпизоды», «убирает все с его точки зрения лишнее» [6: 26]. В итоге, считает В. Ю. Вьюгин, автор добивается «особой плотности сюжета» и повествования, где «буквально каждая фраза представима как загадка» [3: 228–229]. Сокращается форма подачи материала, при этом объем содержания возрастает.

Первое, на что обратили внимание шведские литературоведы-слависты, – это язык А. Платонова, который был назван абсурдным: «Язык крушит все вокруг себя. Он обречен под тяжестью собственного абсурда» [19]. По мнению М. Ньюдала и А. Хаглунд, деструкция норм литературного языка, приемов психологизации сближает стиль А. Платонова с творчеством писателей-экзистенциалистов, в частности С. Беккета [18], [19].

Логический абсурд связан с нарушением принципов таксономии и семантической валентности языка. В утопическом сознании времени русская пролетарская социалистическая революция открыла путь к счастью человечества. В повести А. Платонова о строительстве нового социалистического мира лексема «счастье» уже на первых страницах вытеснена лексемами «то-ска», «голод», «смерть».

Как известно, язык выступает в качестве посредника между человеком и бытием, и если нарастают языковые аномалии, которые выводят язык на грань деструкции картины мира, то это свидетельствует о том, что с бытием и/или с самим человеком происходит нечто исключительно важное, но не поддающееся логическому объяснению. Профессор Стокгольмского университета П.-А. Бодин интерпретирует речевой абсурд «Котлована» в контексте библейской легенды о строительстве Вавилонской башни. Опорной точкой в исследовании шведского слависта является обращение к тому фрагменту текста, где будущий общепролетарский дом сопоставлен с башней. Строительство общепролетарского дома-башни невозможно претворить в жизнь, полагает Бодин, не только потому, что отсутствует его проект и технические средства воплощения, но также по причине «нового» языка. Революционный новояз – это эклектика, он вбирает в себя иностранные политические и научные термины, канцеляризм, при этом он предельно безграмотен и милитаризован. Язык этот в конфликте с традицией, с опытом прошлого, и это мешает коммуникации, взаимопониманию людей. Платонов дает сцены обучения «политграмоте» в «Котловане». Революционный лексикон внушается, вдальбливается в сознание советского человека. Макаровна с «бодростью своего памятливого разума» отчеканила: «Авангард, актив, аллилуй-

щик, аванс, архилевый, антифашист» (263). Слова заучены наизусть, но для Макаровны остаются «чужими». Таким образом, «новый» язык оказывается лишенным смысла. Следствием отсутствия нормальной коммуникации становится невозможность строительства «общепролетарского дома», и котлован трансформируется в яму, дыру, провал.

Гносеологический абсурд возникает как результат иллюзии знания, когда казалось бы логически освоенная реальность, оформленная в дефиниции «время», «пространство», «природа», «история», «социализм», «план», «факт» и т. д., не открывает истины. Действие повести разворачивается, с одной стороны, в реальном пространстве, во множестве присутствующих в ней и конкретные маркеры времени, указывающие на советские реалии 1929–1930 годов. С другой стороны, действие повести происходит как бы вне времени: герои копают котлован «общепролетарского дома» в нетерпении «конца истории», одновременно готовы копать столь долго, пока не докопаются до истины. Нельзя в точности определить «цель» их действий и степень ее достижения. Что именно является целью? – строительство дома, поиск смысла жизни, борьба с прошлым, реализация мечты, бегство от сомнений. Сама жизнь является целью или материалом для реализации идеи «новой жизни»? Эти и другие вопросы стоят перед автором, героями и читателями «Котлована».

П.-А. Бодин приходит к выводу, что в повести создается иллюзия осуществления социалистической утопии, однако она тут же «демонтирована разными способами – на уровне языка, метафорики, наррации» [1: 170]. В качестве «причины» возникновения прозы, в которой напряженно взаимодействуют рациональное и иррациональное начала, исследователь видит смену и конфликт литературных направлений. Повесть «Котлован» – это завершающий аккорд в развитии литературного процесса 1920-х годов с господствующим в нем авангардом, в то же время она отражает первый этап становления «сталинистской» литературы. В советской литературе утверждается (насаждается) канон социалистического реализма. И хотя словосочетание «социалистический реализм» возникло позже (в 1932 году), многие авторы уже были вынуждены считаться с идеологической установкой на героическое освещение строительства социализма, в котором особая роль отводилась «новой идее» и преобразенному ею «новому человеку» – готовому к жертвенному участию в создании нового мира социализма.

Начиная с названия, в центре – строительство общепролетарского дома, который в перспективе должен стать «очагом» общей счастливой жизни. Однако «текст» «Котлована» абсурден: внешне соответствуя канону социалистического реализма, внутренне представляет его антимодель.

Алогичной представляется вся архитектура повести. Вслед повествованию сюжетно-композиционная структура произведения имеет как минимум две «самостоятельные» части и два разнонаправленных идейно-эстетических вектора. Повествователь сообщает: «...Они должны начать постройкой то единое здание, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата – и тот общий дом возвысится надо всем усадебным, дворовым городом, а малые единоличные дома опустеют, и их непроницаемо покроет растительный мир» (190). Если первая часть дает читателю положительный импульс, связанный с надеждами на преобразование жизни, то вторая часть несет в себе мощный отрицательный заряд. В ней автор показывает трагедию советского народа, ставшего заложником реализации государственной утопии.

В рецензии «Между абсурдом и реальностью» (2007) Анна Хаглунд акцентирует внимание на том, что сюжет повести развивается по двум сценариям. Если в первой части представлен «мягкий, буднично-меланхолично-серый абсурд», то во второй – абсурд достигает своего апогея и выглядит как «сумасшедший праздник, где и животные, и люди вовлечены в “лихорадочный танец”» [19]. Автор постепенно доводит абсурд до предела. Если ситуация с затянувшимся по времени рытвом котлована предельно гиперболична, на грани гротеска, то разворачивающиеся во второй части события коллективизации и раскулачивания строятся по гротескно-абсурдному принципу. Сцена за сценой, событие за событием писатель показывает пиррову победу идеи над жизнью, «классового» над «единоличным», действительный над целеположением. В «Котловане» гротескно-абсурдное изображение действительности связано с «выражением дисгармонии мира» [7]. Комплекс проблем исторического развития, конфликт идеи и жизни, по мнению шведских исследователей и критиков, даны А. Платоновым в «Котловане» сквозь призму двойной жанровой модели утопии/антиутопии [17], [19], [20]. Строительство нового мира вопреки сознанию и воле людей превращается в «лихорадочный танец» смерти, где человеческая жизнь, цивилизация, история теряют смысл.

«Абсурдность» персонажей Платонова задана двойственностью, «расчленением» их «я» [5: 586]. Обратный прием, дающий ту же «абсурдную экзистенцию», – соединение в одном художественном образе разнородных элементов [17: 191]. Яркий пример – образ молотобойца, совмещающего в себе черты человека и животного: выглядит как «почерневший, обгорелый медведь» (277), «рычит» (291), но у него «кутомленно-пролетарское лицо» (276), «от злобы и наслышки молотобоец мог почти разговаривать» (279). Во второй «записной книжке» 1929–1930 годов есть упоминание о том, что зооморфный образ имел

реального прототипа. Брат Платонова С. П. Климентов вспоминал о существовании медведя-молотобойца в Ямской слободе Воронежа [12: 328]. Образ человекоподобного медведя (или звероподобного человека) принадлежит литературной эпохе авангарда, поскольку фантазмагоричен и трагедийно-ироничен. П.-А. Бодин обращает внимание на то, что появление человека-медведя у Платонова задано национальной традицией: образ русского человека традиционно связывается именно с этим животным [16: 125]. Одновременно в образе «молотобойца» А. Платонов вывел «нового героя» революционной эпохи – пролетария. Шведский исследователь П. Викторсон в статье «Абсурдный реализм Платонова» пишет о том, что медведь-молотобоец наделен «чувством справедливости» [21]. Молотобоец «обожает дисциплину, просит еще трудиться» (279), «чует» классового врага и испытывает к нему звериную «ярость» (291). При этом сцены с участием медведя «описываются так спокойно и неторопливо, что читатель частично теряет доверие и к рассказчику, и к рассказу» [1: 178]. Грань между реальностью и вымыслом едва различима – читатель самостоятельно должен определить для себя границы и координаты этого «сумбурного мира».

В «Котловане» иррациональное начало обозначено в каждом герое – в системе персонажей, что усиливает атмосферу абсурда. Вошев – герой мысли и совести, от которого читатель ждет, что он добудет смысл жизни если не благодаря, то вопреки действительности, по ходу событий все чаще «растворяется» в коллективно-бессознательном, принимает участие в «гнусных, омерзительных, насильственных деяниях» [16]. Образ Вошева амбивалентен: в нем сочетается и стремление побороть «нарастающую силу горющего ума» (177), и в то же время – неспособность понять значение своих собственных действий.

По мнению переводчика и издателя М. Ньюдала, герои повести – «полдюжины порочных душ», «неприятные, жестокие... и человеческие» [19]. Переводчица К. Э. Линдстен особо отмечает, что «автор как будто растворяется в каждом из своих героев (запутанных, уверенных в себе, наивных, хитрых, отчаянных, жестоких, беспомощных)» [20: 188].

Шведская исследовательница Т. Лане считает, что для понимания системы персонажей в «Котловане» важен миф о Сизифе из философского «Эссе об абсурде» А. Камю. В статье «Беспочвенность как основа» она пишет о том, что «становление советского общества сопровождается неуклонно растущей инерцией. Революционер, окрыленный экзистенцией в светлое никуда, вязнет в коллективной, традиционной косности, подобно Сизифу, непрерывно скатывается с вершины обратно» [9].

Онтотелеологический абсурд – инструмент отражения утраты смысла. Абсурдное сознание тесно связано с «пограничной ситуацией». Человек ощущает разлад с повседневностью, глубоко чувствует внешние и внутренние противоречия, утрачивает телеологию жизни. Рассматривая тему «расчленения “я”» героев «Котлована», Б. Доог приходит к выводу, что она тесно связана в платоновском повествовании с темой опустошения: «В “Котловане” опустошение встречается чаще, чем в других произведениях: человек не просто опустошается от труда, но и охлаждается... Эту передачу энергии обрабатываемому материалу саму по себе можно интерпретировать как некоторую сконденсированную механистичность» [5: 586–587]. Е. И. Колесникова считает, что за «масштабностью происходящего явления» «подтекстно прорисовывается индивидуальное бытие» [8]. А. Хаглунд сравнивает героев «Котлована» с «одинокими островами» [18]. По мнению Т. Лане, они «оторваны от своего прошлого», равно как «отстранены от обещанного (революцией. – *И. Р.*) будущего» [9]. Преодолеть внутренние и внешние противоречия, гармонизовать жизнь оказывается невозможным, поскольку

кризис, ставший для героев личной трагедией, позиционируется как трагедия вселенского масштаба. Одновременно, по глубокому наблюдению Т. Лане, «у тех, кто потерял все, обостряется чувство связи с потерянными» [9].

Журналист, писатель, литературный критик К. Энандер считает, что стиль Платонова обладает чертами «экзистенциальной неопределенности» [17]. Переводчица К. Э. Линдстен отмечает, что «экзистенциальная проблематика повести актуализирует в читателе ужас истории. Такая же вечная, абсурдная и леденящая, как рассказы Кафки или Беккета» [20: 188]. «Котлован» – это произведение не только о русской революции, но и о проблемах общечеловеческих. Платонов, пишет Линдстен, дает возможность читателю осмыслить отрицательный опыт диктатуры внешнего логоса на человеческое существование, когда взаимоотношения человеческого «я» и внешнего мира находятся в тупике, в глубоком экзистенциальном кризисе. Стгущая до абсурда события современной ему исторической действительности, художник-философ стремился глубже проникнуть в содержание истории, драму самоопределения человека, онтологические проблемы взаимоотношений человека с миром.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Платонов А. «Котлован»: Текст, материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. 399 с. Здесь и далее цитируется по данному источнику с указанием страницы в скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодин П. - А. Загробное царство и Вавилонская башня. О Повести Платонова «Котлован». Tartu, 1994. С. 168–183 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/reprint/klassicism/bodin.pdf> (дата обращения 17.10.2015).
- Бродский И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова. 1973. 2 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://aplatonov.narod.ru/downloads/o_platonove/o_platonove_brodsky.pdf (дата обращения 15.10.2015).
- Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюция стиля). СПб.: РХГИ, 2004. 440 с.
- Гюнтер Х. По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 208 с.
- Доог Б. Творческое преобразование языка и авторская концептуализация мира у А. П. Платонова: Опыт лингвополитического исследования языка романов «Чевенгур» и «Счастливая Москва» и повести «Котлован». Gent: Universiteit Gent, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/001/261/138/RUG01-001261138_2010_0001_AC.pdf (дата обращения 11.09.2015).
- Дужина Н. И. Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован». М.: Изд-во МГУ, 2010. 287 с.
- Кобленкова Д. В. Проблемы становления теории гротеска // Филологический журнал. № 2 (3). М.: РГГУ, 2006. С. 26–36.
- Колесникова Е. И. Эмоционально-смысловые доминанты в произведениях советской литературы 1940-х годов (М. Зощенко и А. Платонов) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. Сер.: Филология. СПб., 2008. № 4 (16). С. 145–153.
- Лане Т. Беспочвенность как основа // НЛЮ. 2011. № 111 [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/la12.html> (дата обращения 22.09.2015).
- Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 392–419.
- Лень Ю. А. Модернистская интерпретация категории абсурда // Универсальное и национальное в культуре. Минск, 2012. С. 310–317.
- Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии / Сост. Н. В. Корниенко; Публ. М. А. Платоновой. М.: Наследие, 2000. 421 с.
- Полтавцева Н. Феномен Андрея Платонова в контексте культуры XX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://arteliberales.spbu.ru/workfolder/copy_of_critique/poltavtseva.pdf (дата обращения 22.09.2015).
- Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: Монография. М.: Флинта, 2012. 322 с.
- Стукалова О. В. Утопия абсурда (от романов А. Платонова до В. Пьецуха). 2013. 20 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/129887/2_NovajaRusistika_6-2013-2_3.pdf?sequence=1 (дата обращения 02.11.2015).
- Bodin P. - A. Grundningsgropen: utopi och språkförbristning. Om en roman av Andrej Platonov // Kysnen i Ryssland och andra essäer om rysk litteratur och kultur. 2002. S. 116–137.
- Enander C. Mästerligt och tragiskt. 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hd.se/kultur/boken/2007/12/13/masterligt-och-tragiskt/> (дата обращения 05.11.2015).

18. Haglund A. Mellan absurdism och verklighet. 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dagensbok.com/2007/12/29/andrej-platonov-grundgropen/> (дата обращения 02.11.2015).
19. Nydahl M. Platonov, Andrej: «Grundgropen». 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.kristianstadsbladet.se/kultur/platonov-andrej-grundgropen/> (дата обращения 08.11.2015).
20. Platonov A. Grundgropen. Stockholm: Ersatz, 2007. 191 s.
21. Viktorsson P. Platonovs realism av absurda slaget. 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.smp.se/noje_o_kultur/kultur/platonovsrealism-av-det-absurda-slaget\(309232\).gm](https://www.smp.se/noje_o_kultur/kultur/platonovsrealism-av-det-absurda-slaget(309232).gm) (дата обращения 10.11.2015).

Romanovskaya I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE CATEGORY OF ABSURDITY IN A. PLATONOV'S STORY "THE FOUNDATION PIT": TO THE QUESTION OF SWEDISH PERCEPTION

Characteristic features of Swedish perception of A. Platonov's story "The Foundation Pit", translated into Swedish by K. E. Lindsten in 2007 under the name "Grundgropen", are considered. The purpose of the article is to analyze Swedish, national, scientific, and publicistic sources, which analyze the story from positions of absurdity. The position of absurdity is approached as a category of poetry and as a philosophical problem of human life judgment. Receptive, descriptive, and comparative-historical methods were used to reveal the subject of the story. According to the perception of Swedish researchers, the category of absurdity, in this particular story, reveals itself through the language and its figurative system, through the worldview of both the story's protagonists and the writer himself. Condensing to the point of absurdity events of the modern historical reality, the artist-philosopher tries to penetrate deeper into the tissue of contemporary history, into the drama of self-determination, into the ontological problems of relationships between a person and the world.

Key words: A. Platonov, the story "The Foundation Pit", "Grundgropen", absurdity, existentialism, reception of the Russian literature in Sweden

REFERENCES

1. Bodin P. - A. *Zagrobnoe tsarstvo i Vavilonskaya bashnya. O povesti Platonova "Kotlovan"* [Kingdom beyond the grave and the Babel tower. About Platonov's story "The Foundation Pit"]. Tartu, 1994. P. 168–183. Available at: <http://www.ruthenia.ru/reprint/klassicism/bodin.pdf> (accessed 17.10.2015).
2. Brodskiy I. *Posleslovie k "Kotlovanu" A. Platonova. 1973. 2 c.* [Epilog to A. Platonov's story "The Foundation Pit" 1973. 2 p.]. Available at: http://a-platonov.narod.ru/downloads/o_platonove/o_platonove_brodsky.pdf (accessed 15.10.2015).
3. V'yugin V. Yu. *Andrey Platonov: poetika zagadki (Ocherk stanovleniya i evolyutsiya stilya)* [Andrej Platonov: the poetry of mystery (Sketch of formation and evolution of style)]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2004. 440 p.
4. Gyunter Kh. *Po obe storony ot utopii: Konteksty tvorchestva A. Platonova* [On both sides from utopia: Contexts of creativity of A. Platonov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 208 p.
5. Dooge B. *Tvorcheskoe preobrazovanie yazyka i avtorskaya kontseptualizatsiya mira u A. P. Platonova: Opyt lingvopoeticheskogo issledovaniya yazyka romanov "Chevengur" i "Shchastlivaya Moskva" i povesti "Kotlovan". Gent, 2007* [Creative transformation of the language and the author's conceptualization of Platonov's world: experience of the linguistic and poetic research of "Chevengur", "Happy Moscow" and "The Foundation Pit". Gent, 2007]. Available at: http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/001/261/138/RUG01-001261138_2010_0001_AC.pdf (accessed 11.09.2015).
6. Duzhina N. I. *Putevoditel' po povesti A. P. Platonova "Kotlovan"* [Guide to the A. Platonov's story "The Foundation Pit"]. Moscow, 2010. 287 p.
7. Koblenkova D. V. Problems of the grotesque theory development [Problemy stanovleniya teorii groteska]. *Filologicheskij zhurnal*. № 2 (3). Moscow, RGGU Publ., 2006. P. 26–36.
8. Kolesnikova E. I. Emotional and semantic dominants in works of the Soviet literature of the 1940th years (M. Zoshchenko and A. Platonov) [Emotsional'no-smyslovye dominanty v proizvedeniyakh sovetskoy literatury 1940-kh godov (M. Zoshchenko i A. Platonov)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Nauchnyy zhurnal. Ser. Filologiya*. St. Petersburg, 2008. № 4 (16). P. 145–153.
9. Lane T. A groundless Foundation Pit [Bespochvennost' kak osnova]. *NLO*. 2011. № 111. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/la12.html> (accessed 22.09.2015).
10. Levin Yu. I. *Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika* [The chosen works: Poetics. Semiotics]. Moscow, 1998. P. 392–419.
11. Len' Yu. A. Modernist interpretation of category absurdity [Modernistskaya interpretatsiya kategorii absurda]. *Universal'noe i natsional'noe v kul'ture*. Minsk, 2012. P. 310–317.
12. Platonov A. P. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials to the biography] / Sost. N. V. Kornienko; Publ. M. A. Platonovoy. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 421 p.
13. Poltavtseva N. *Fenomen Andrey Platonova v kontekste kul'tury XX veka* [Platonov's phenomenon in the context of culture of the 20th century]. Available at: http://arteliberiales.spbu.ru/workfolder/copy_of_critique/poltavtseva.pdf (accessed 22.09.2015).
14. Radbil' T. B. *Yazykovye anomalii v khudozhestvennom tekste: Andrey Platonov i drugie: Monografiya* [Language anomalies in the art text: A. Platonov and others: monograph]. Moscow, Flinta Publ., 2012. 322 p.
15. Stukalova O. V. *Utopiya absurda (ot romanov A. Platonova do V. P'etsykha). 2013. 20 p.* [Absurdity utopia (from A. Platonov's novels to V. Pyetsukh). 2013. 20 p.]. Available at: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/129887/2_NovajaRusistika_6-2013-2_3.pdf?sequence=1 (accessed 02.11.2015).
16. Bodin P. - A. Grundningsgropen: utopi och språkförbristning. Om en roman av Andrej Platonov // Kyssen i Ryssland och andra essäer om rysk litteratur och kultur. 2002. P. 116–137.
17. Enander C. Mästerligt och tragiskt. 2007. Available at: <http://www.hd.se/kultur/boken/2007/12/13/masterligt-och-tragiskt/> (accessed 05.11.2015).
18. Haglund A. Mellan absurdism och verklighet. 2007. Available at: <http://dagensbok.com/2007/12/29/andrej-platonov-grundgropen/> (accessed 02.11.2015).
19. Nydahl M. Platonov, Andrej: «Grundgropen». 2007. Available at: <http://www.kristianstadsbladet.se/kultur/platonov-andrej-grundgropen/> (accessed 08.11.2015).
20. Platonov A. Grundgropen. Stockholm: Ersatz, 2007. 191 p.
21. Viktorsson P. Platonovs realism av absurda slaget. 2007. Available at: [https://www.smp.se/noje_o_kultur/kultur/platonovsrealism-av-det-absurda-slaget\(309232\).gm](https://www.smp.se/noje_o_kultur/kultur/platonovsrealism-av-det-absurda-slaget(309232).gm) (accessed 10.11.2015).

Поступила в редакцию 09.03.2016

УДК 9.908

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ПАШКОВА

старший преподаватель кафедры безопасности жизнедеятельности и здоровьесберегающих технологий Института физической культуры, спорта и туризма, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

pashkova.anna1984@mail.ru

Рец. на кн.: Rajoil da randamil: Salmi ja salmilaiset 1617–1948 / J. Kokkonen (toim.). [Kuopio]: [Salmi-Säätiö], 2015. 655 s. [Пограничье и побережье. Салми и салминцы / Под ред. Ю. Кокконена. [Куопио]: [Фонд Салми], 2015. 655 с.]

Финские историки издали коллективную монографию по истории старинного карельского села Салми. Редактором книги стал доцент Университета Восточной Финляндии (Йоэнсуу) Юкка Кокконен (Jukka Kokkonen). Среди авторов книги можно отметить таких известных в Петрозаводске финских историков, как почетный доктор Петрозаводского государственного университета, профессор Университета Восточной Финляндии (Йоэнсуу) Тапио Хямюнен (Tapio Hämynen), младший научный сотрудник отделения истории и географии Университета Восточной Финляндии (Йоэнсуу) Риикка Мюллер (Riika Myllys), историк из Йоэнсуу Юкка Партанен (Jukka Partanen), доцент Университета Восточной Финляндии (Йоэнсуу) Юрий Шикалов (Yury Shikalov) и другие.

Селение Салми находится на восточном берегу Ладожского озера. Впервые Салми упоминается в писцовой книге Вотской пятины 1500 года как Воскресенской Соломянской погост. До 1617 года этот населенный православными карелами погост входил в состав Московского государства. По условиям Столбовского мирного договора 1617 года погост Салми перешел под власть Швеции. В какой-то момент шведы даже хотели создать на месте Салми город и назвать его Салмис. С 1617 года населенный карелами Салми стал шведским опорным пунктом на границе с Россией. По итогам Ништадтского мирного договора 1721 года Салми вернулось в состав России, в 1744 года вошло в состав Выборгской губернии, а в 1812 году было передано вместе с Выборгской губернией в состав Великого княжества Финляндского. На протяжении всего XIX – начала XX века большинство населения Салми продолжали составлять православные карелы. После получения Финляндией независимости в конце 1917 года Салми оказалось в составе независимой Финляндии. По итогам советско-финской, а затем и Великой Отечественной войн Северное Приладожье, включая Салми, вошло в состав Советского Союза, а местное карельское и финское население выехало в Финляндию.

Беженцы из волости Салми создали в 1948 году в Финляндии Фонд Салми, который и про-

финансировал подготовку и публикацию данной книги. В софинансировании данного проекта также приняли участие Фонд Сортавалы и Финляндский фонд документальной книги.

Во введении Ю. Кокконен в свойственной финской историографии манере начинает излагать историю местности будущего Салми с послеледникового периода, то есть примерно с 8600 года до н. э., уделяя внимание изменениям в уровне Ладожского озера, результатам раскопок первобытных людей, проводившихся на этой территории с конца XIX века и т. д. В итоге он выходит на характеристику природно-географических условий района Салми. Период до 1500 года он называет «доисторическим временем». Второй период в истории Салми – с 1500 по 1617 год – кратко изложен в объеме не более двух страниц.

Перу Ю. Кокконена принадлежат шесть статей об истории региона Салми в 1617–1721 годах. Глава «Салми как часть лена Кякисалми, приобретенной на востоке земли» посвящена административному устройству территории в XVII веке. Любопытно, что в 1651–1681 годах существовало графство Салми в составе погостов Салми и Суйстамо и деревень Тулема и Ууксу. Салми как центр графства должен был получить статус города. В 1654–1668 годах владельцем графства Салми был граф Карл Густав Врангель (1613–1676).

Глава «Население меняется» исследует демографическую историю региона Салми в XVII веке. По земельной книге 1637 года, население Салми составляло 1650 человек. В главе проанализированы данные о населении на 1681 и 1711 годы. Интересны также сведения о трансграничных миграциях.

Глава «Один погост, две религии» описывает религиозную ситуацию в Салми, наличие там православной и лютеранской общин, влияние старообрядчества на население Салми и религиозные связи православной общины Салми с Россией.

Глава «Материальная обеспеченность населения» раскрывает сюжеты, связанные с социально-экономической историей Салми. Рассмотрены вопросы внутренней и приграничной

торговли, проанализирован ассортимент товаров, рассмотрены проекты придания Салми статуса города, а также подробно изложены сведения о занятиях жителей рыболовством, земледелием и животноводством. Несмотря на то что в 1630–1640-е годы шведы несколько раз пытались создать город Салмис, но, в конце концов, в 1660-е годы они в силу ряда причин отказались от этих попыток. Отмечено, что в условиях кратковременного похолодания климата в Северном Приладожье постоянно происходили неурожаи (в 1632–1635, 1638, 1641–1642, 1644, 1666, 1669, 1674–1676, 1682, 1685–1687 и «Великий год» в 1695–1697 годах).

Глава «Погост Салми как приграничная территория» посвящена истории этого региона как пограничной территории и раскрывает такие вопросы, как контроль за трансграничной торговлей и миграцией, деятельность так называемых пограничных инспекторов (чиновников, следящих за ситуацией на границе), анализирует шведское законодательство о границе и роль приграничья как военного плацдарма.

Шестая глава, написанная Ю. Кокконеном, «Приграничная территория в войне», дает представление о событиях в регионе Салми в годы русско-шведской войны 1655–1661 годов и Великой Северной войны 1700–1721 годов. Сопоставление приведенных там данных с информацией об этих войнах в российской научной литературе позволит во многом по-новому представить ход боевых действий в Северном Приладожье в этот период.

Молодая, но уже известная своими работами, в том числе и опубликованными на русском языке¹, финская исследовательница Риикка Мюллюс написала в этой монографии главу «Салми и его жители во времена донационного землевладения». Уже в ходе Северной войны и, особенно, после заключения Ништадтского мира и присоединения к России Северного Приладожья и Карельского перешейка началась раздача этих земель и проживавших на них карельских и финских крестьян российским дворянам. Так возникло донационное (дарственное) землевладение, по форме очень похожее на крепостное право. После возникновения в 1809 году Великого княжества Финляндского и присоединения к нему в 1812 году Выборгской губернии финские власти пытались организовать выкуп донационных земель у их владельцев, но решение об этом вступило в силу только в 1867 году.

Среди владельцев земель Салми были известные в истории России люди. В 1777 году эти земли перешли в руки фаворита Екатерины II графа Г. Г. Орлова, после его смерти в 1783 году их унаследовал его брат, не менее знаменитый граф А. Г. Орлов-Чесменский. Он также владел Суоярви и Корписелькой. После его кончины в 1807 году все земли отошли к его дочери А. А. Орло-

вой-Чесменской. Но графиня в 1825 году продала все свои владения в Северном Приладожье петербургским купцам братьям Федулу и Сергею Громовым за 3 млн руб. ассигнациями. В конце концов Василий Федулович Громов продал все свои владения казне и они перешли в распоряжение Олонецкого горного округа.

Донационная система вызывала недовольство крестьян Салми. Крупнейшим проявлением такого недовольства было восстание 1831 года, которое можно считать одним из так называемых холерных бунтов, охвативших в то время Россию. В ходе этого восстания был заживо сожжен местный ленсман (полицейский и налоговый чиновник в сельской местности) Георг Нейглик. После подавления восстания было наказано 148 человек, в том числе 41 человек был осужден на пожизненную каторгу.

Помимо описания всех этих волнующих событий Р. Мюллюс пишет и о вполне прозаичных вещах – земледелии, животноводстве и промыслах на землях Салми в XVIII – первой половине XIX века.

В целом история Салми в XVIII веке изложена короче, чем в предшествующий период. Вероятно, это связано с тем, что написанные на шведском языке документы XVII века лучше отложились в архивах Швеции и Финляндии, чем написанные по-русски документы XVIII века. Кроме того, свою роль сыграли и трудности в прочтении финскими историками русских документов, написанных поздней скорописью.

Семь разделов коллективной монографии написаны известным финским историком, автором ряда книг по истории приграничной Карелии Т. Хямюненом. Глава «Рост численности населения в Салми с начала XIX века до Второй мировой войны» посвящена демографической истории региона в 1809–1948 годах. В ней речь идет о динамике численности населения (рождаемости, смертности и естественному приросту) и определявших ее факторах, динамике удельного веса православных в населении Салми, трансграничных миграциях с Олонецкой Карелией, структуре поселений и семей, распространении болезней, влиянии близости С.-Петербурга и закрытия границы после 1920 года. За этот период население региона Салми выросло с 4685 человек в 1811 году до 11900 человек в 1948 году (применительно к 1948 году имеется в виду, вероятно, численность беженцев из Салми, осевших в Финляндии). При этом максимальная численность населения – 13609 человек – была зафиксирована в 1918 году, а в 1940 году население составляло 12680 человек, среди которых 11500 (89 %) были православными.

Глава «Торговля как промысел во времена автономии» посвящена истории таможенного контроля и контрабанды, характеристике крупнейших видов товаров (зерно и мука), крупней-

ших торговых домов Салми, а также динамике торговли. Следующая глава «Промышленность Салми» посвящена развитию лесопиления на территории общины Салми в 1809–1939 годах.

Три главы коллективной монографии, написанные Т. Хямюненом, посвящены религиозной истории региона Салми. В главе «Религиозность в разные годы» дана характеристика жизни православной общины Салми в годы автономии (1809–1917), включая вопросы церковного налогообложения, деятельности церковно-приходской школы и др. Главной православной церковью Салми стала церковь святого Николая Чудотворца. Ее строительство началось в 1815 году, а обряд освящения, который произвел настоятель Валаамского монастыря Ионафан, прошел 20 января 1825 года. В книге имеются довоенные фотографии внешнего вида и интерьера этой церкви (стр. 260 и 261), а также современная фотография руин церкви (стр. 264). Подраздел, посвященный Никольской церкви, называется «Салминская церковь – самая красивая в Карелии».

Продолжение данной темы дается в главе «Деятельность православной церкви в Салми во времена автономии». Православная община Салми после 1918 года оказалась в составе независимой Финляндии. Связи с Русской православной церковью были прерваны, православная церковь Финляндии перешла в ведение Константинопольского патриарха и перешла на григорианский календарь (на новый стиль). После бурного периода 1920-х годов постепенно жизнь православной общины Салми налаживалась. Ремонтировались старые и строились новые церкви, часовни и молитвенные дома, на острове Мантсинсаари возникла своя православная община, отделившаяся от общины Салми. В 1940 году в приходе Салми было 4 церкви и 23 молитвенных дома, а в приходе Мантсинсаари – 1 церковь и 7 молитвенных домов. Практически в каждой деревне отмечался свой церковный или часовенный праздник, у Т. Хямюнена перечислен 31 такой праздник.

В главе «Лютеранская община Салми» Т. Хямюнен проследил историю этой общины с 1630-х годов до 1940 года. Он отмечает, что в 1920–1930-е годы в Салми появились небольшие группы сектантов – «Граждан господа» и пятидесятников.

Последняя, написанная Т. Хямюненом глава называется «Развитие школ в Салми». Первую начальную школу в Салми создал местный православный священник Гавриил Сотиков в 1846 году. В конце XIX века начальные школы возникли еще в нескольких деревнях. Когда в последней трети XIX века оформилось финское национальное движение, то финские националисты стали создавать школы с преподаванием на финском языке. Вопрос о языке преподавания обострился в начале XX века. Но из-за тесных

экономических и родственных связей с Россией салминцы вплоть до 1917 года предпочитали отдавать детей в школы с русским языком преподавания. Так, на 1917 год в регионе Салми было 12 финских школ (16 учителей и 534 ученика), 19 школ Министерства народного образования России (20 учителей и 879 учеников), 6 русскоязычных школ Карельского православного братства (6 учителей и 170 учеников) и 5 прочих школ (5 учителей и 205 учеников).

Большой вклад в создание коллективной монографии по истории Салми внес другой известный финский ученый из Университета Восточной Финляндии в Йюэнсуу Юкка Партанен. Ему принадлежат семь глав, главным образом посвященных истории Салми в первой половине XX века. Глава «Период русификации» посвящена событиям начала XX века. Это был период обострения борьбы финского национального движения и российского великодержавия, революции 1905–1907 годов, деятельности Государственной думы. На выборах в сейм Финляндии в 1907–1917 годах жители Салми отдавали предпочтение социал-демократам, меньше голосов набирали финская и младофинская партии, наименее популярным был Аграрный союз.

Глава «Отрыв от России» посвящена тому, как повлияли на Салми события Великой русской революции 1917 года, отделение Финляндии от России и события революции и гражданской войны в Финляндии 1918 года.

Следующая глава – «В качестве приграничной волости» – описывает историю Салми как пограничной территории в 1918–1939 годах. В 1918 году земли Салми оказались на границе с Советской Россией, где набирала силу Гражданская война. Для жителей Салми, имевших самые разные (родственные, экономические и др.) связи с сопредельными территориями, это была непривычная ситуация. Ю. Партанен приводит сведения о том, как создавалась финская система охраны границы, как в помощь пограничникам в Салми возник отряд шюцкора, как появлялись таможенные посты и велась борьба с контрабандой. В 1919 году финские добровольческие отряды с территории Салми вторглись в Олонецкую губернию, заняли Олонец и дошли до окрестностей Петрозаводска, но вскоре были отброшены назад. В Финляндии эти походы называют «олонецкими экспедициями». В свою очередь в Салми с территории Советской России прибывали, спасаясь от красного террора и голода, беженцы. Информация обо всех этих событиях также дана в указанной главе, что делает ее одним из самых интересных разделов монографии.

В главе «Политическая картина Салми» Ю. Партанен рассказал о политической жизни региона в 1919–1939 годах. В этот период в реги-

оне Салми активно действовали 5 политических партий. Симпатии салминцев были на стороне Аграрного союза, Финской социал-демократической партии и правоцентристской Национальной коалиции. В 1920-е годы определенные симпатии вызывала и Финская социалистическая рабочая партия (под этим названием выступали коммунисты). Пик ее популярности пришелся на конец 1920-х годов, когда она была третьей по числу отданных голосов. Но в 1930-е годы ее влияние уменьшилось. Зато во второй половине 1930-х годов возросло влияние профашистской Отчужденной народной партии, которая в 1936 году даже победила на выборах в Салми.

Глава «Промыслы со второй половине XIX века до 1930-х годов» посвящена экономическому развитию региона Салми. В этот период успешно развивалось сельское хозяйство, увеличились площади полей и лугов, росла урожайность ржи, ячменя, овса и картофеля, росло поголовье скота (лошадей, коров, овец, свиней, кур и др.). Другой быстро развивавшейся отраслью был лесной промысел, вышедший к концу этого периода на лидирующие позиции в экономике края. Главной проблемой местных жителей была нехватка продуктов питания. Для ее решения создавались кооперативные общества и развивалось рыболовство.

Еще одна глава, которая, несомненно, будет интересна многим читателям, «Салми в Зимней войне». Ю. Партанен дает подробную характеристику финских войск и оборонительных сооружений в регионе Салми, эвакуации финского населения, отступления финских войск из Салми, вступления туда 30 ноября 1939 года войск Красной армии и захвата в плен части местного финского населения. В особый подраздел «Бастион в Мантси» выделена героическая оборона финскими войсками острова Мантсинсаари, не позволившая Красной армии развить наступление от Салми на Питкяранту.

Последняя глава, написанная Ю. Партаненом, «Новая война и восстановление», посвящена военным событиям 1941–1944 годов. Описывается вступление в Салми финских войск 24 июля 1941 года, возвращение эвакуированного финского населения, восстановление сельского хозяйства и жизнь Салми в условиях войны (организация гражданской обороны, деятельность

военизированной женской организации «Лотта Свард» и шюцкора) и, наконец, повторная эвакуация летом 1944 года.

Две заключительные главы монографии о Салми посвящены традиционной культуре этого региона. Автором главы «Салминский язык» является лингвист из Лахти Райя Пуоли. Она считает, что язык салминских карел относится к диалектам людиковского языка. Среди ученых, внесших наибольший вклад в изучение этого диалекта, она называет финского лингвиста и уроженца Импилахти Арвида Генеца (1848–1915), Юхо Куйола (1884–1963), Эдварда Вилхелма Ахтия (1867–1953, до 1892 года носил фамилию Старк) и ряд других и подробно характеризует их исследования и научные труды. Р. Пуоли детально исследует особенности языка олонецких карел как ближайших соседей салминских карел и влияние на него русского языка, историю создания словарей и учебников карельского языка, а также газетной периодики на карельском языке. Особый подраздел главы посвящен изучению говора салминских переселенцев в Финляндии в 1960–1970-е годы и положению карельского языка в современной Финляндии.

Завершается монография главой «Фольклор Салми», написанной доцентом Университета Восточной Финляндии в Йозенсуу, фольклористом Ирмой Ритвой Ярвинен и фольклористом из Хельсинки, в 1978–2009 годах работавшим научным сотрудником фольклорного архива Финского литературного общества, Сенни Тимоненом. Здесь содержатся данные об ученых, собиравших фольклор в регионе Салми, о наиболее выдающихся носителях фольклора, таких как Мартта Пелконен и Пекка Похьянвало, о разновидностях фольклорного наследия, бытовавшего в регионе Салми (руны, песни, колыбельные песни, заклинания, молитвы, предания и т. д.).

Итак, можно поздравить финских ученых с появлением выдающегося труда, дающего исчерпывающую информацию об истории, языке и фольклоре региона Салми. Из-за большого объема текста и огромного количества иллюстраций невозможно даже мечтать о переиздании этой книги на русском языке, хотя она может заинтересовать многих российских ученых.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Мюллерус Р. Крестьянские волнения на донационных землях Салми в 1820–1830-х годах // Сортавальский исторический сборник. Вып. 2. Петрозаводск, 2008. С. 155–163.



4 мая 2016 года исполнилось 80 лет доктору исторических наук, археологу, ведущему специалисту по петроглифам Карелии, главному научному сотруднику сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН *Юрию Александровичу Савватееву*.

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ САВВАТЕЕВ

К 80-летию со дня рождения

Ю. А. Савватеев родился в д. Бор Бокситогорского района Ленинградской области. В 1958 году окончил историческое отделение Петрозаводского госуниверситета и начал работу в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. В студенческие годы он принимает участие в археологических экспедициях Г. А. Панкрушева – основателя карельской археологии. В 1957 году в сборнике научных работ студентов университета появилась первая публикация Ю. А. Савватеева, посвященная древним поселениям Соломенного – пригорода Петрозаводска. С 1958 года начинающий археолог ведет самостоятельные раскопки древних поселений в Заонежье, на Южном Оленьем острове, на озере Чудозеро (в верховьях р. Суны), а несколько позже в Беломорском районе в низовьях р. Выг. Самым выдающимся событием в археологии Карелии XX века было открытие в сентябре 1963 года новых групп петроглифов на Залавруге. Данное название к тому моменту уже прочно вошло в науку. Экспедиция исследователей из Ленинграда (руководитель В. И. Равдоникас) в дельте Выга, на пологом берегу одного из боковых рукавов реки, обнаружила довольно крупное скопление наскальных изображений, представляющих исключительный по своему научному и художественному значению памятник первобытного искусства эпохи неолита. Вряд ли участники археологического отряда под руководством Ю. А. Савватеева, раскапывая спустя 73 года поселение эпохи раннего металла Залавруга I, ожидали, что под культурным слоем и под примыкающими к нему участками почвы им повезет найти еще более крупную концентрацию петроглифов – свыше тысячи новых изображений, включая образы и композиции, многие из которых сейчас считаются настоящими шедеврами наскального искусства Северной Европы. Раскопки на Залавруге позволили вернуть наскальные сокровища первобытной культуры, которые никто не видел более пяти тысяч лет. Такое открытие – редкий случай в археологической практике, оно позволило определить верхнюю границу бытования наскального творчества. Именно Залавруга определила научные интересы Ю. А. Савватеева, сделав исследования петроглифов ведущей и любимой темой на протяжении десятилетий.

В 1970 году защищена кандидатская диссертация на тему «Проблемы петроглифов Карелии», в 1986 году – докторская «Наскальные изображения Фенноскандии (охотничья традиция)».

Результатом многолетних работ в юго-западном Прибеломорье стали два солидных тома под

названием «Залавруга» (изд-во «Наука», 1970 и 1977 гг.). После серьезных успехов в Беломорье исследователь обращает свой взгляд на другой пункт наскальных рисунков – Онежские петроглифы. С 1972 года начались планомерные полевые исследования наскальных изображений на восточном побережье Онежского озера, которые Ю. А. Савватеев завершил в 1979 году. Они и здесь увенчались открытием новых наскальных рисунков, значительно обогативших знания о первобытном искусстве Карелии. Удалось открыть 11 новых скоплений петроглифов, самое крупное из которых в устье р. Водлы у поселка Шала, что существенно раздвинуло границы наскального комплекса к югу. Параллельно велась разведка и раскопки поселений эпох мезолита – бронзы неподалеку от петроглифов. Ю. А. Савватеевым применялись новые методы выявления памятников наскального искусства: ночное высвечивание скал с помощью прожектора судна, погружения под воду в аквалангах у мысов для осмотра отколотых гладких гранитных блоков. Подводные работы оказались весьма сложными и непредсказуемыми, они длились 2 полевых сезона (1972–1973) и все-таки привели к хорошему результату: на дне озера у некоторых мысов удалось обнаружить не менее 14 изображений.

Нельзя не отметить большой заслугой Юрия Александровича в популяризации и сбережении историко-культурного наследия Карелии. В 1967 году в Петрозаводске опубликована его первая книга «Наскальные рисунки Карелии», в которой живо и доходчиво рассказывается о беломорских и онежских выбивках на скалах. Издание имело немалый успех. Позднее книга была существенно переработана, дополнена новыми сведениями и переиздана в 1983 году. Его активная позиция способствовала сохранению петроглифов Бесовы Следки (сооружение защитного павильона) и Залавруги (полная расчистка территории петроглифов). С 1990-х годов и до сего времени Ю. А. Савватеев участвует в проектах использования Онежских и Беломорских петроглифов в туризме и просвещении, разрабатывает предложения и рекомендации по музеефикации этих уникальных объектов наследия. В 2010–2012 годах он вновь принимает участие в археологических экспедициях на восточном берегу Онежского озера, посещает территории памятников, оценивает их состояние, активно обсуждает с местными жителями возможности создания на базе петроглифов музея под открытым небом. Уже в XXI веке Юрий Александрович подготовил своеобразный путеводитель по памятникам наскального искусства Карелии, который назвал «Вечные письмена» (2007). Книга является итогом его размышлений о непростой

судьбе петроглифических галерей на протяжении длительной истории их изучения и использования. Читатель получает возможность вместе с автором пройти по местам с изображениями, узнать современное состояние, проблемы их охраны, музеефикации и консервации.

В 1974–1980 годах Юрий Александрович – заведующий сектором археологии ИЯЛИ. Он уделяет особое внимание археологическим разведкам на территории республики и за ее пределами, возглавляет экспедиции, в результате которых было открыто более 260 памятников в разных районах Карелии: Беломорском, Пудожском, Медвежьегорском, Прионежском, а также обследованы практически все удобные для заселения в древности участки побережья Онежского озера, включая Вологодскую и Ленинградскую области. В 1975 году им задумана и воплощена в жизнь идея проверки старых, еще дореволюционных сведений о находках на крестьянских полях предметов каменного века в разных районах Карелии, а также обследование побережий небольших озер в центральной и северо-восточной Карелии.

С 1988 по 2005 год – директор Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. В этот период Юрий Александрович увлекся историей науки в Карелии. В сфере его внимания оказывается история родного института, он готовит серию очерков об известных исследователях, стоявших у истоков академической гуманитарной науки в Карелии. Он автор двух монографий, пяти научно-популярных книг и более сотни научных статей. Выступал на международных конгрессах, конференциях, симпозиумах в Финляндии, Венгрии, Швеции, Франции.

Особой страницей в биографии Ю. А. Савватеева как исследователя и организатора науки является инициированный им и руководимый в течение многих лет проект энциклопедии «Карелия».

Ю. А. Савватеев – член Государственного экспертного совета при Президенте РФ по особо ценным объектам культурного наследия народов РФ (1993), член Высшей комиссии по охране культурного наследия РФ (секция археологического наследия) (1994), член российской части российско-финляндской рабочей группы по сотрудничеству в области гуманитарных наук (1994). Заслуженный деятель науки Карелии. Награжден почетными грамотами и медалями.

Поздравляем Юрия Александровича с юбилеем и желаем ему здоровья для дальнейших творческих достижений и свершений!



25 мая 2016 года исполнилось 70 лет одному из известных российских финно-угроведов, главному вепсологу России, доктору филологических наук, заведующему сектором языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН *Нине Григорьевне Зайцевой*.

НИНА ГРИГОРЬЕВНА ЗАЙЦЕВА

К 70-летию со дня рождения

Н. Г. Зайцева родилась в вепсской деревне Войлахта Бабаевского района Вологодской области. Лингвистические способности унаследовала от матери, школьного учителя, в том числе и вепсского языка. Получив филологическую подготовку в Вологодском государственном педагогическом институте, в 1969 году Н. Г. Зайцева пришла аспиранткой в Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, с которым связала свою научную судьбу.

Сферой интересов Нины Григорьевны на долгие годы стала историческая грамматика вепсского языка. Кандидатская диссертация (1975) посвящена вепсскому именному словоизменению, докторская (2002) – глагольному.

В научном творчестве Н. Г. Зайцевой значительное место заняло лексическое направление, воплотившееся в участии в ряде комплексных проектов, в том числе в составлении «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (2007), а также в международном проекте «Лингвистический атлас Европы». Отдельную страницу научной биографии представляет «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» (2004, 2007, 2010). Атлас – результат коллективного труда исследователей трех стран – Финляндии, Эстонии и России, при этом вепсские материалы находились в зоне ответственности Н. Г. Зайцевой. Атлас выявил специфику вепсского языка, в частности консервацию исторически более древнего лексического состава, сохранение многих исконных прибалтийско-финских лексем или возникновение собственных локальных новообразований на их базе. Материалы наглядно подтвердили наличие вепсского лексического субстрата в южнокарельских наречиях. Это, безусловно, один из тех фундаментальных трудов, которые еще предстоит осмыслить и вписать в контекст исследований по лексикологии прибалтийско-финских языков.

Опыт работы над Атласом подвиг Нину Григорьевну на новый масштабный проект в области ареальной лингвистики – подготовку «Атласа вепсского языка», который призван показать диалектное членение вепсской речи, причем, опираясь на все уровни языка. И хотя увлекательная и исключительно ответственная работа небольшого коллектива, возглавляемого Ниной Григорьевной, еще продолжается, уже сейчас получены перспективные результаты по формированию вепсской диалектной карты.

Еще один большой проект, который ведет Н. Г. Зайцева, характеризует ее не только как про-

фессионала высокого уровня, но и как специалиста-новатора, владеющего самыми современными методиками и подходами анализа языкового материала. Уже отметив 60-летний юбилей, она, практически в одиночестве, взялась за новое для себя дело – создание Корпуса вепсского языка, одолела все сложности, начиная от самой филологии корпусной лингвистики и терминологии до разговора на общем языке с математиками. В результате создан электронный ресурс – на сегодняшний день, безусловно, самый богатый источник материала по вепсскому языку. Он заслужил благодарность от многочисленных пользователей, а также получил научное признание, будучи неоднократно поддержан научными фондами и программами.

Н. Г. Зайцева является ведущим специалистом по вепсскому языку в России, ее авторитет признан во всем финно-угорском мире. Она руководит крупными коллективными темами, возглавляет проекты, поддерживаемые РГНФ, РАН, финляндскими научными фондами. Она координатор и участник международных научных проектов. Солидный список научных публикаций (более полутора сотен работ) Н. Г. Зайцевой составляют монографии, атласы, учебники и учебные пособия, словари младописьменного вепсского языка, научные статьи. Под ее научным руководством четыре молодых специалиста по карельскому и вепсскому языкам успешно защитили кандидатские диссертации.

На рубеже 1980–1990-х годов, когда начался процесс воссоздания вепсской письменности, именно Н. Г. Зайцева стала «матерью вепсского литературного языка», как ее назвал финский писатель, один из руководителей фонда «Юминкео» (Финляндия) Маркку Низминен в книге «Kodima, Vepsänma» («Родина, Вепсская земля», 2003), которая содержит посвящение Нине Зайцевой. Ею подготовлено более полутора десятков различного рода книг, учебников и учебных пособий для школы и вуза по языку вепсов. Этапными для становления младописьменного вепсского языка стали подготовленные ею в эти годы самостоятельно или в сотрудничестве с коллегами четыре словаря: «Вепско-русский, русско-вепсский учебный словарь» (1995), «Новый русско-вепсский словарь» (2007, 2009), «Новый вепско-русский словарь» (2010), «Орфографический словарь вепсского языка» (2012). Наряду с лексикой основного словарного фонда они включают новую и новейшую лексику – сотни слов, созданные в последние десятилетия. При этом Нина Григорьевна – их основной автор, как и разработчик правил орфографии. С полным правом можно сказать, что она сделала все

от нее зависящее для того, чтобы вепсский язык стал письменным.

Нина Григорьевна – человек многих талантов. Она пишет замечательные стихи на вепсском языке, плодотворно занимается переводами, которые помогают упрочить основы вепсского литературного языка. Ею подготовлен обширный ряд переводов библейских текстов, в том числе полный перевод на вепсский язык «Нового Завета» (2006). Опыт работы над переводом «Калевалы» (2003) ввел Нину Григорьевну в фольклорную тематику. 2012 год ознаменовался для нее выходом в свет сразу двух фольклорных изданий. В соавторстве со своей ученицей О. Ю. Жуковой она издала сборник вепсских причитаний «Обернись-ка милой кукушечкой» (*Käte-ške käbedaks kägoihudeks*). В том же году большим культурным событием стало издание эпоса (или эпической поэмы) на вепсском языке *Virantanaz* (букв. «Вотчина Виран»), в котором, используя как вепское фольклорное наследие, так и собственные научные изыскания в области языка и культуры вепсского народа, Н. Зайцева рисует широкую картину жизни вепсов.

Вклад Н. Г. Зайцевой в создание библиотеки для чтения на вепсском языке выразился и в редакторской работе. Практически ни одна из книг на вепсском языке не выходит без ее языкового редактирования. Это в полной мере относится и к вепсской газете «Kodima» («Родная земля»), главным редактором которой она была многие годы. Сейчас, воспитав себе замену, она продолжает оставаться языковым и стилистическим консультантом газеты, журнала для детей «Kipinä» («Искорка»), а также главным редактором литературно-художественного альманаха на вепсском языке «Verez tullei» («Свежий ветер»). В юбилейном счастливом образе сочетается дар художника и исследователя.

Н. Г. Зайцева является членом Российского комитета финно-угроведов. Ее избрали своим членом три финских общества – Финно-угорское общество (Suomalais-ugrilainen Seura), Общество финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura), а также Общество Калевалы (Kalevala-Seura). Она заслуженный деятель науки РК и член Союза писателей РФ. В 2007 году награждена орденом Дружбы.

Коллеги и друзья сердечно поздравляют Нину Зайцеву с юбилеем и желают успехов в возрождении родного вепсского языка и вепсского народа. Ждем новых увлекательных проектов, интересных идей, нужных для развития вепсского языка и культуры книг. Сил, здоровья, вдохновения на будущее!

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен с 1 декабря 2015 года в новый Перечень ВАК по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37987 выдано 2 ноября 2009 г.).

Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования с 2008 года, информация об опубликованных научных статьях предоставляется в течение недели после даты выхода очередного номера. Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN 1998-5053 (Print). Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory» и в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.). Архив журнала передается в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещается на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru, а также в «Университетской библиотеке онлайн» (<http://biblioclub.ru>); в открытой научной электронной библиотеке «CYBERLENINKA» и размещается по адресу: cyberleninka.ru.

Доставка обязательных экземпляров журнала в Российскую книжную палату (16 экз.) и Книжную палату Республики Карелия (3 экз.) осуществляется с 2008 года.

В 2009 году заключен договор с ОАО «Агентство “Роспечать”» на подписку по каталогу «Издания органов научно-технической информации», подписной индекс – 66094.

Журнал бесплатно рассылается более чем в 30 российских вузов и за рубежом: в Национальную библиотеку Конгресса США, в библиотеки университетов Финляндии, Западно-Саксонского университета прикладных наук в Цвиккау (Германия), Института исследований Восточной и Юго-Восточной Европы (Регенсбург, Германия), Тартуский университет (Эстония), Харьковский университет (Украина) и Белорусский ГУ (Минск).

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Все публикуемые научные статьи имеют аннотацию и ключевые слова как на русском, так и на английском языке, библиографические списки и References, оформленные в соответствии с правилами журнала.

Статьи принимаются в течение года. Публикация статей бесплатная.

Все поступающие в редакционную коллегию рукописи после регистрации проходят этап обязательного конфиденциального рецензирования.

Приглашаем к сотрудничеству преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов и студентов Петрозаводского государственного университета, а также других вузов и научных учреждений Карелии, России и зарубежных стран. Мы будем рады разместить ваши материалы на страницах журнала!

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

- Bashkarev A. A.*
JORDAN AS A SACRED WATER OBJECT OF TRADITIONAL CULTURE (CASE STUDY OF SHIMIZERSKII VEPSIANS) 7
- Zhukovskaya T. N., Kalinina E. A.*
PRE-REFORMED UNIVERSITY IN CHARGE OF COLLEGES IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY 17
- Ierusalimskaya S. Yu.*
THEOLOGICAL SEMINARIES OF THE UPPER VOLGA REGION (FIRST HALF OF THE XIX CENTURY) 22
- Ofitserova N. V.*
SOVIET INDUSTRIAL PROJECTS: POLITICAL SUBJECTS AND EXECUTANTS 30
- Urozhaeva T. P.*
MONO-INDUSTRY TOWNS OF THE 1980-1990-ies: FOREIGN AND NATIONAL EXPERIENCE IN SOLVING SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS 35
- Mel'nichenko B. N.*
THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KINGDOM OF THAILAND IN THE TWENTY-FIRST CENTURY 40
- Tyun' G. T.*
MAHATHIR MOHAMAD'S GLOBALIZATION IDEA AND MUSLIM BANKING NET IN MALAYSIA 43
- Kiselev A. A.*
PRICE FORMATION CRISIS BAIL OUT IN KARELIA IN 1970–1980s 51
- Mikulenok A. A.*
RUSSIAN EMIGRATION AND THE DAY OF THE RUSSIAN CHILD (END OF 1920s – 1939) 55
- Obukhov Ya. V.*
ST. NICHOLAS CHURCH OF KOVDA VILLAGE: ON THE PROBLEM OF UNEXPLORED FACTS FROM THE HISTORY OF WOODEN ARCHITECTURE OF THE RUSSIAN NORTH 59
- Tarasova N. S.*
ECONOMIC THINKING CHANGE IN USSR TRANSFORMATION PROCESSES OF THE LATE 1980 – EARLY 1990s 63

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Sharypina T. A.*
ON CONCEPTUAL IDEAS OF “DOCUMENTARY EPOS” IN RUSSIAN AVANT-GARDE AND EVOLVEMENT OF BERTOLT BRECHT’S THEATRICAL PRACTICE 67
- Krinityn A. B.*
ON MASS SCENES’ ORGANIZATION PRINCIPLES IN DOSTOEVSKY’S WORKS: THEATRICAL EFFECTIVENESS OR ROMANTIC TRADITION? 74
- Pashkova T. V.*
CHILDREN’S ILLNESS “SHCHETINKA” IN KARELIAN LANGUAGE AND CULTURE 67
- Shilova N. L., Urvantseva N. G.*
KIZHI ISLAND IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XX–XXI CENTURIES: BIBLIOGRAPHY OF THE TOPIC 85
- Kuykina E. S.*
“ANCIENT” BALLADS’ PLOT IN PLANS OF V. A. ZHUKOVSKY IN 1814 91
- Morozova T. N.*
ON THE HISTORY OF COLLECTION AND STUDY OF THE WHITE SEA WINTER SHORE FISHERY FOLKLORE 97
- Romanovskaya I. V.*
THE CATEGORY OF ABSURDITY IN A. PLATONOV’S STORY “THE FOUNDATION PIT”: TO THE QUESTION OF SWEDISH PERCEPTION . . . 104
- Reviews**
- Pashkova A. A.*
The book review: Yu. Kokkonen. Rajoil da randamil: salmi ja salmilaiset 1617–1948 109
- Jubilations**
- To the 80th birthday anniversary of Yu. A. Savvateev . . . 113
- To the 70th birthday anniversary of N. G. Zaytseva. . . . 115
- Info for the authors** 117